

БОРИС УСТИМЕНКО

«СВЕТ МАЯКА В ЖИТЕЙСКОМ МОРЕ (ВОСПОМИНАНИЯ О И.А.ЕФРЕМОВЕ)»

Аннотация:

Жизнь наша полна неожиданностей, опасностей и соблазнов, избежать которых удается не всегда и не всем. Здесь, порою, недостаточно твоей предусмотрительности, житейского опыта и мудрости. Поэтому достоин похвалы тот, кто выбрал достойную цель, пользуется советами и не пренебрегает опытом людей, умудренных жизнью. А также тот, кто имеет маяк, луч света которого помогает ему держать правильный курс в житейском море.

Об авторе

... Начало восьмидесятых годов прошлого века. Я - начинающий руководитель. Беседуем с отцом - опытным директором школы - о необходимости творческого подхода к проблеме следования канонам педагогики в реалиях практики директора сельской школы. Отец приводит аргумент - цитату из статьи о руководителе: "Творчеству мешают три вещи - администрирование, преподавание, визиты". Задаемся вопросом, стоит ли лань-творчество впрягать в педагогическую телегу, которую тянет ломовая лошадь "здорового смысла"?

...Девяностые года прошлого века. Беседа наша о теории-практике продолжается. Настольная книга у отца (председателя сельского совета) - руководство по воспитанию молодых людей, вступающих в жизнь - "32 румба". Цитирует: "...познание мира собирается крупинками, и никакая крупинка не бывает лишней". Но познания без применения нужны ли?

Ответы на эти вопросы (и многие другие!) я нашел у автора статьи и книги - Бориса Ивановича Устименко: "Не ставь себе целью только накопление знаний. Иди вперед - твори - моделируй условия, вырабатывай методiku. Применение знаний - процесс индивидуальный, творческий - искусство! Дерзай!"

Так живет и так учит жить в книгах - "Помпа есть помпа", "32 румба. Лоция для плавания по житейскому морю", "Родовод нашей семьи" - Борис Устименко, капитан-механик, заслуженный журналист Украины, писатель, известный и авторитетный человек в Буджаке. Знакомство и дружба с ним - ваша визитная карточка - открывает двери домов и сердца людей.

Книга, которая предлагается читателю - "Свет маяка в житейском море" - воспоминания об ученом, писателе-фантасте Иване Антоновиче Ефремове.

Устименко говорит: "Влияние двух Учителей - отца и Ивана Антоновича - не позволили мне испортиться. Отец сумел заложить прочный моральный фундамент, благодаря чему я не стал пьяницей, не сидел в тюрьме и даже не пристрастился к курению; честно выполнял свой долг, держал слово, дорожил честью и добрым именем, поэтому имею верных друзей, хорошую репутацию, пользуюсь уважением и доверием окружающих.

Дружба с Иваном Антоновичем обогащала меня знаниями, подпитывала мощным зарядом положительной энергии, помогала корректировать жизненный путь и открывала новые ориентиры".

По-настоящему счастлив тот, кому судьба дарит в жизни Учителя; ведь Учитель делает из учащихся честных людей и граждан!

Валерий Тимофеев, атаман Заднеэтрового казачества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ.....</u>	<u>3</u>
<u>МОЙ КОМПАС - КНИГА.....</u>	<u>5</u>
<u>И ГОЛОС МОЙ УСЛЫШАН БЫЛ ВО ВСЕОБЩЕМ ШУМЕ ГОЛОСОВ.....</u>	<u>8</u>
<u>И ВЕРНЫЙ КУРС, И АЛЬМУКАНТАРАТ.....</u>	<u>16</u>
<u>ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА.....</u>	<u>22</u>
<u>ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА.....</u>	<u>26</u>
<u>ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ.....</u>	<u>30</u>
<u>ИТАК, МОРЯК СОШЁЛ НА БЕРЕГ.....</u>	<u>46</u>
<u>ОН ДАРИЛ ЛЮДЯМ ДОБРОТУ.....</u>	<u>63</u>
<u>ФАНТАЗИИ НА ЗНАКОМУЮ ТЕМУ.....</u>	<u>66</u>
<u>ЖИЛ НА СВЕТЕ ДОБРЫЙ ДЖОН.....</u>	<u>70</u>
<u>ЕСЛИ ИМЯ ТЕБЕ - ЧЕЛОВЕК!.....</u>	<u>72</u>
<u>ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО ИЛИ РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА.....</u>	<u>81</u>
<u>ПРИЗРАК АПОКАЛИПСИСА.....</u>	<u>87</u>
<u>НАМ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ДРУЖИТЬ С ЕФРЕМОВЫМ.....</u>	<u>93</u>
<u>СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ ОЧЕНЬ НЕЛЕГКО.....</u>	<u>96</u>
<u>"СПАСИБО ТЕБЕ, ДАР ВЕТЕР...".....</u>	<u>99</u>
<u>ДОМ ПОЭТА.....</u>	<u>101</u>
<u>ЗАПОВЕДЬ.....</u>	<u>105</u>
<u>МОЯ СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.....</u>	<u>106</u>

Источник

Устименко Борис Иванович. Свет маяка в житейском море (Воспоминания об И.А.Ефремове)(http://samlib.ru/u/ustimenko_b_i/svetmajaka.shtml)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждому на нас предназначен свой путь по жизни. И от того, как мы пройдем этот путь, зависит, выполним ли мы свое предназначение. Поэтому каждый должен чувствовать себя капитаном корабля, проложившим курс к намеченной цели через беспокойное и непредсказуемое житейское море. И здесь важно не только выбрать достойную цель, но и достигнуть ее без посадок даже на самые незначительные мели.

Жизнь наша полна неожиданностей, опасностей и соблазнов, избежать которых удается не всегда и не всем. Здесь, порою, недостаточно твоей предусмотрительности, житейского опыта и мудрости. Поэтому достоин похвалы тот, кто выбрал достойную цель, пользуется советами и не пренебрегает опытом людей, умудренных жизнью. А также тот, кто имеет маяк, луч света которого помогает ему держать правильный курс в житейском море.

Человек от природы слаб. Порывы шторма могут снести его корабль на рифы пьянства, чтобы он остался так навсегда. Любовные увлечения способны разбить его корабль об утесы. Поддавшись зову прелестных русалок, иной мореход заведет свой корабль в бухту, из которой нет выхода. Безудержная погоня за богатством может забрать у него всю жизнь и привести к обнищанию духа и одинокой старости. По-настоящему счастлив тот, кому судьба дарит в жизни маяк, свет которого постоянно указывает путь к поставленной цели. Этот свет не дает никаким штормам и соблазнам свернуть твоему кораблю с проложенного курса и помогает в конце-концов достигнуть поставленной цели.

Эту истину особенно важно усвоить в начале жизненного пути молодым людям, поскольку молодости свойственны неопытность, самоуверенность и рискованность. Всеми этими качествами в молодости был наделен и я, поэтому сейчас, оглядываясь на пройденный путь с высоты прожитых лет, сравнивая свою судьбу с судьбами многих своих сверстников, я прихожу к выводу, что и у меня были соблазны стать горьким пьяницей, вором, контрабандистом, наркоманом, ловеласом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я благодарен Богу и судьбе, что жизнь свела меня с таким Человеком, каким был ученый и писатель Иван Антонович Ефремов. Его книги открыли доступ к знаниям, дотоле неведомым мне. Его доброта, человечность и забота прирекли меня дорожить дружбой с ним и стараться подражать ему. В трудные минуты моей жизни Иван Антонович неизменно протягивал мне руку помощи, а его супруга и ангел-хранитель Таисия Иосифовна проявляла по отношению ко мне воистину материнскую заботу.

Наша дружба продолжалась пятнадцать лет. За эти годы я получил от Ивана Антоновича полсотни писем, много книг и открыток. Всякий раз, останавливаясь в Москве, я бывал в его гостеприимном доме и зачастую наши беседы продолжались до полуночи. И каждый раз, расставаясь с ним, я уезжал обогащенный новыми знаниями, подпитанный мощным зарядом положительной энергии. Общение с этим человеком помогало мне корректировать мой жизненный путь и открывало новые ориентиры. Так, по настоянию Ивана Антоновича, я продолжил образование в университете и к двум морским дипломам добавился третий, который помог мне ступить на журналистскую стезю и пройти по ней вторую половину жизни. Он же настоятельно рекомендовал мне продолжить углубленное изучение английского языка и это не раз выручало меня.

Об Иване Антоновиче Ефремове, как об ученом и писателе, написано немало. Я же решил написать о нем, как о Человеке, чтобы отдать должное ему и поведать новому поколению о нем. Первые наброски будущей книги я сделал летом 1987 года после прочтения книги Даниила Гранина "Зубр", герой которой академик Тимофеев-Ресовский так напоминал мне Ивана Антоновича. Но получилось так, что начатая книга осталась неоконченной и только теперь, два десятилетия спустя, я все же умудрился продолжить работу над нею.

Много веков назад восточный мудрец написал такие слова: "...Если человеку выпадет случай наблюдать чрезвычайное, видевший это должен поведать бумаге. А если

он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертил сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам... Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте, когда холодная рука смерти уже касается его головы".

Я считаю, что это назидание в полной мере относится к встрече с таким удивительным Человеком, как Иван Антонович Ефремов. И я в меру своих сил и способностей постараюсь исполнить свой долг. Главное, дай Бог успеть. Все-таки возраст преклонный, к тому же время стремительно бежит, слабеет память, из нее выпадают картины, мысли и отдельные детали, которые невозможно потом восстановить. Благо, что я по совету Ивана Антоновича в молодости вел дневники, которые в процессе работы над книгой являются ценным подспорьем.

Итак, приступаю. Не знаю, удастся ли мне достойно осуществить свою мечту, какой будет эта книга, в какую мозаику соберутся разбросанные фрагменты и мысли, но пусть они останутся на бумаге, а не в моей голове и станут всеобщим достоянием, а не окажутся "закопанными в пустынном месте"... Итак, мой корабль снялся с якоря, курс проложен, пункт назначения известен. Полный вперед, и да поможет мне Бог!

24 марта 2009 года.

г. Белгород-Днестровский.

МОЙ КОМПАС - КНИГА

"Как велика, как могуча сила хорошей книги! Ребенку, научившемуся читать, она открывает самые сокровенные знания и тайны мира, взрослому - служит мудрым советчиком. Но главное ее достоинство - она может быть хорошим другом на всю жизнь. Таковы книги Ивана Ефремова. Ученый, мыслитель, писатель - он умел не только увлекательно рассказывать о существующих и несуществующих мирах, он умел предвидеть". Так сказал в своем выступлении на Первом Международном симпозиуме "Иван Ефремов - ученый, мыслитель, писатель", проходившем 10-12 октября 1997 года в Пушкино-на-Оке действительный член Академии Ноосферы, президент Гуманитарно-экологического колледжа/института Анатолий Васильевич Пикалов.

Как говорится, лучше не скажешь! К сожалению, сегодня книга оказалась невостребованной. Молодежь отдает предпочтение компьютеру и телевидению, поэтому, согласно статистике, 47 процентов жителей Украины книг не читает. И эта ситуация вызывает большие опасения.

Вечерами экраны телевизоров приковывают к себе внимание миллионов людей всех возрастов. Бесконечные сериалы наполнены стрельбой и взрывами. Полиция с переменным успехом воюет с криминалом. В компьютерных залах дети и подростки самозабвенно ведут погоню и стрельбу, выявляя свои эмоции нецензурными выражениями. Химерой и фантазмагорией называют эти сеансы отдыха здравомыслящие люди. Такой досуг приемлем для воспитания биороботов, но отнюдь не людей.

Иное дело книга. Она проходит через разум наш и душу, вызывает глубокие сопереживания и воспитывает нас. Я хорошо помню, как горько плакал, читая в "Родной речи" рассказ Мамина-Сибиряка "Зимовье на Студеной". Мне до боли было жалко старую дворнягу Музгарку и этот случай на всю оставшуюся жизнь определил мое доброжелательное отношение к животным. Я никогда не охотился и не рыбачил, не бил собак, не вешал и не обливал бензином кошек. Вот как может подействовать на неокрепшую душу ребенка хорошая книга!

Вспоминаю свое послевоенное детство. Многодетная семья, столетняя хата, крытая соломой с русской печью внутри. Небольшой сад и огород, переходящий в леваду - заливной луг. После войны родился самый младший в семье ребенок - Анатолий. Отец купил корову, которую доверили пасти мне. Поскольку в городе пастбищ не было, я с несколькими такими же, как я, подростками-сорванцами утром угоняли своих коровенок далеко за город. Там, между старым кладбищем и сахарным заводом, были луга и пруды. Ребята возрастом постарше научили меня курить, ругаться и плавать. Сами они мастерили самопалы и выворачивали взрыватели из снарядов, которых в полях валялось великое множество. Не обходилось без взрывов, отчего кое-кто лишился рук и глаз.

Многие из моих сверстников, повзрослев, попадали в Донбасс на шахты или в тюрьму. И кто знает, как сложилась бы моя жизнь, не вернись с войны живым мой отец. Он был требовательным и строгим, за малейшие провинности наказывал трофейным ремнем, приговаривая: за одного битого дают двух небитых! Отец и мать были глубоко религиозными людьми. Молитву "Отче наш" я выучил еще задолго до школы. И десять заповедей тоже. Вера в Бога и строгая дисциплина явились теми двумя основополагающими камнями, заложенными в фундамент моего воспитания, которые на всю жизнь сделали меня морально устойчивым в любых ситуациях, какие бы щедро не подносила мне жизнь. А дальше поработали книги.

Первые книги, которые я прочел, были "Робинзон Крузо", "Остров сокровищ" и "Чингисхан". Их я получал на два-три дня от соседского мальчишки Яши Шварцбурга в обмен на крупные розовые яблоки сорта "папировка", которые росли в нашем саду. Читать книги приходилось в поле, где паслись наши коровенки, либо в комнате при свете коптилки (электричества в домах после войны еще долго не было), либо на чердаке при свете луны, где я любил спать на сене в летнюю пору. Отец строго-настрога запрещал нам лазить на чердак со спичками, опасаясь пожара, и мне приходилось привыкнуть читать

при лунном свете. За несколько лет я прочел такое множество книг, что в пятом классе наш классный руководитель Минна Ильинична Набедрик назвала меня "ходячей энциклопедией", причем эта кличка давалась мне и другими людьми в разные периоды моей жизни.

Но эффект ядерного взрыва в моем сознании произвела книга Ивана Ефремова "На краю Ойкумены". Было это в 1947-м году, когда я учился в третьем классе. Мой одноклассник Алик Морозюк дал мне почитать ее в обмен на две ракеты и горсть артиллерийского пороха, похожего на макаронны.

- Книга - во! - сказал Алик, показывая большой палец. - Начнешь читать - не оторвешься!..

И он оказался прав. Я прочел книгу, что называется, залпом. Будто на экране волшебного кинематографа с объемным изображением пронеслись передо мною морское побережье Аттики, укромные поляны Крита, палубы финикийских галер и долина Нила с пирамидами и вереницами рабов. История, которую я полюбил больше других школьных предметов, чудесным образом ожила в моем воображении, стала близкой и понятной, будто я прошел все испытания рядом с Пандионом, лучшим из героев древности. Словно заклинание звучали слова древней похвалы смерти из уст жреца, присужденного к смертной казни за разграбление могил. "Смерть стоит передо мною, как избавление после долгой болезни, как путь, омытый дождями, как возвращение домой после долго похода...". Это по волшебному мановению руки автора удивительной книги заговорил папирус, обретший вдруг дар речи сквозь тьму веков.

Я внимательно изучал рисунки: вот Пандион набрасывает сетку на голову белого носорога. Вот великий тропический лес черного континента поглощает толпу маленьких человечков, обретших свободу. А это три испытанных бойца - Пандион, Кидого и Кави плечом к плечу встали с копьями в руках навстречу страшному зверю - гишу, неприкаянному реликту далекой эпохи. И, наконец, форштевни финикийских галер - сладостная мечта усталых странников, которые доставляют их на благословенную родину.

Стоит ли удивляться, что эта книга стала для меня одной из самых любимых, которые сопровождают меня всю жизнь и которые я с неослабным интересом время от времени перечитываю. Следом за этой книгой я открыл для себя рассказы Ефремова. Один из них - "Встреча над Тускаророй" - особенно запал мне в душу, как напев Сарасате в кейптаунской таверне, где моряк рассказал невыдуманную историю о капитане Джессельтоне певице, которая отказывалась поверить в нее, хотя речь шла о ее предке.

...1956 год. Поселок Аршинцево неподалеку от Керчи. Здесь я начал проходить срочную службу на военном флоте. В учебном отряде из нас готовили корабельных электриков. Армейская служба всегда остается таковой, где бы и когда бы она не проходила. Ограниченная свобода передвижения, беспрекословное подчинение воле командиров, пусть даже разумной, но чаще глупой и злой, долгие зимние вечера в казарме, где собраны сотни таких же ребят, как я, тоскующих по "гражданке". К моему счастью у нас имелась хорошая библиотека и в свободное от службы время я зачитывался произведениями Стефана Цвейга, Александра Грина, Константина Паустовского, Джека Лондона, Джозефа Конрада. Здесь же мне попала в руки опять книга "На краю Ойкумены", которой я обрадовался, как Пандион встрече с Кидого в каменоломнях. И я не выдержал: написал письмо в редакцию "Молодая гвардия", даже не помышляя о том, что это письма может попасть к автору. Так волею судьбы книга стала для меня компасом.

Множество искушений встречал я на своем жизненном пути. Я мог стать холуем у сильных мира сего и достиг бы определенной ступени благосостояния. Мог подлостью и коварством добиться своего и обойти соперников. Мог занять пост, не соответствующий моим способностям, и "громко чавкать, дорвавшись до дармового корыта, отталкивая ногами всех прочих" (слова Ивана Антоновича). Мог бы, мог бы, но не стал, потому что, благодаря своему гуру /учителю/ усвоил истину, что нельзя достигать достойной цели недостойными средствами и узнал, как различать цель достойную от недостойной. Я уверовал в то, что самая страшная опасность, которая угрожает каждому из нас на тропе

жизни - это скатиться в нелюди, откуда возврата, как правило, не бывает, предупреждал меня Иван Антонович, и я внял его предупреждению.

Оглядываясь на прожитое, я со всей ответственностью могу заявить, что всем лучшим, что есть во мне и чего добился, я обязан ему. Сколько времени уделял он мне в беседах и письмах, сколько замечательных страниц не было написано Иваном Антоновичем по этой причине! Он был не только бесконечно добрым, но и щедрым человеком, который делился всем, даже бесценным временем, с каждым, кто стучался в его дверь. И доброту слов он распространял не на избранных, а уподоблялся солнцу, которое ласкает своими лучами и греет всех живущих на земле.

И ГОЛОС МОЙ УСЛЫШАН БЫЛ ВО ВСЕОБЩЕМ ШУМЕ ГОЛОСОВ

До сих пор я не могу найти объяснение тому удивительному факту, как могло случиться, что такой известный и занятой человек, которому присылали письма десятки тысяч людей со всех концов огромной страны и из заграницы /я сам видел мешки писем в квартире Ивана Антоновича в Спасоглинищевском переулке/, нашел время не только прочесть письмо молодого матроса, неумело написанное, с множеством вопросов, порою наивных и неуместных, но и ответить на него, причем обстоятельно, не жалея ни времени, ни бумаги, коснуться множества наболевших проблем, анализируя их и предлагая свои решения.

Как и все военнослужащие и в военное, и в мирное время мы с радостью и волнением ожидали прихода в часть своего почтальона.

- Матрос Устименко! Тебе письмо из Москвы! - зычно выкрикнул наш "листоноша" Володя Венгоренко. Я сразу не мог поверить своему счастью, мне показалось, что я ослышался. Письмо взял наш старшина Василий Пучинец, белорус, подводник, повертел в руках толстый конверт, прочел адрес и подошел ко мне.

- Похоже, послание от академика, - произнес он, вручая мне письмо. Пучинец - наш отец, как мы его в шутку называли, то ли пошутил, то ли позавидовал. Я выхватил конверт и бросился из кубрика. Стоял солнечный, по-весеннему теплый февральский день, я забился в уголок беседки, куда мы приходили на перекур, долго разглядывал конверт, марки, адрес и подпись на конверте: И.А Ефремов. Мое сердце готово было вырваться из груди, руки дрожали, глаза слезились и мне не верилось, что я держу в руках ответ на свое письмо.

Вот уж воистину, пути Господни неисповедимы. По мере взросления я все больше убеждался в том, что случайность - это непознанная необходимость, что нам просто не дано знать тот путь, который нам предначертано пройти в жизни нашей.

Бережно и осторожно, стараясь не надорвать конверт с драгоценным письмом, я вскрыл его и принялся читать. Не буду описывать те чувства, которые овладевали мною по мере чтения. Надеюсь каждый, кто прочтет приведенный ниже текст, поймет их. Отмечу лишь, что это письмо изменило не только мое представление о жизни, но и саму жизнь. Оно четко обозначило истинные ценности и указало путь в лабиринтах жизни. Я перечитывал это письмо десятки раз днем и ночью, в кубрике и на учебном плацу при свете закатного солнца. И всякий раз я открывал в нем что-то новое.

Москва, 1 февраля 1957 года.

Многоуважаемый товарищ Устименко!

Отвечаю Вам с большим опозданием, потому, что был в командировке, а не потому, что Ваше письмо было для меня неинтересным. Наоборот, оно мне очень понравилось, и во многом из того, что волнует сейчас Вас, я узнал давно прошедшие дни и самого себя. Сказать "понравилось" - это неточно, нет, Ваше письмо сильно тронуло меня. Ведь почти совершенна также, с поправкой лишь на разность эпохи /наше "возрастное" расстояние в тридцать с лишним лет - это ведь срок жизни одного людского поколения/ и я мечтал о дальних странах, беспокоился о будущем человечества и страдал от первых столкновений с истинной неприглядностью жизни.

Помню, как в холодном и голодном Петрограде 1921 года я забирался в громадную пальмовую оранжерею Ботанического сада и там, сидя на чугунной скамейке, вдыхая влажный и теплый воздух, грезил о тропиках...

Помню, как в промежутках между тяжелыми работами на всяческих погрузках и выгрузках, пробовал писать свой первый роман, кстати, так же, как и Вы - об Атлантиде, и как очень быстро, увидев свою беспомощность, прекратил занятие литературой на добрых восемнадцать лет.

Помню... да впрочем, можно очень многое рассказать в том же роде. Это называется романтикой и говорит о том, что у человека существует свой особый угол зрения на жизнь. Он относится к ней серьезнее, чем другие, и, с другой стороны, более неустрашимо, так как понимает, что истинная ценность явлений жизни для человека зависит прежде всего от глубины и силы переживания, впечатления, которое оно дает. Это обуславливает и очень легкую, в сравнении с другими, ранимость, чувствительность, а с другой - более легкий и радостный путь по жизни. Последнее в том случае, если есть врожденный дар - достаточный запас силы и выносливости, ибо романтик прежде всего самому себе доставляет бесконечное количество жизненных затруднений. Заглядывание на "другую сторону" жизни даром не дается.

Когда-нибудь я напишу о своих первых плаваниях на Тихом океане, о том, как восемнадцатилетний матрос, попавший в плавание со всякой шпаной на убогом корабле, сумел отстоять свое достоинство благодаря врожденной силе и боксерскому умению, как он за краткие стоянки в Японии увидел гораздо более интересное, чем портовые кабаки и проститутки, а также впервые смог понять еще не то, куда ему надо идти в жизни, но какой стороны ее держаться /я имею ввиду сторону эмоционально-психологическую/.

После этого плавание на Каспморе было сплошным праздником и все же, когда позвала наука, я ушел в нее. Оттого я думаю, что Вам не страшно поработать моряком /впрочем, Вы - военный, значит - послужить/. Мне кажется, что у Вас есть литературное призвание, но горе Вам, если Вы слишком рано пустите его в ход, не сумеет еще, как Вы совершенно правильно выражаетесь, создать самого себя. Как это понимать, мне кажется, что так - приобрести свои взгляды на любое явление жизни и свое отношение, основанное на личном опыте или, что также очень важно, глубококом продумывании и прочувствовании опыта мировой культуры. Приобрести мудрость, которая не есть только знание, а "чувствование", которая дается больше страданием, чем радостью, часами тоскливого раздумывания, а не победной борьбы.

Вы - молодец, когда говорите о товарищах, как о хороших людях, несмотря на то, что они Вас не понимают. Они в самом деле - превосходные люди, но без той струнки в душе, которая звучит, отзываясь на обычно незаметные стороны жизни. Раз Вы так говорите, значит, у Вас нет зазнайства, нет представления о своей какой-то исключительности, ибо романтический дар - это, скорее, слабость и невзгода, чем сила. Однако, все в жизни диалектика - где слабость - там сила, где сила - там слабость, и мало, очень мало мы ее, эту диалектическую правду жизни понимаем, хотя и много об этом говорим.

Ну, об этом можно бы написать Вам целый трактат, а я, к сожалению, лимитирован во времени, как бы ни торопился, и как бы ни трещала моя машинка.

Ваши тревоги за человечество мне также понятны и в них Вы совершенно правы. Если смотреть на вопрос без официального благодушия, то надо прямо сказать, что человечество подходит к своему кризису. Дело не столько даже в атомных опасностях, сколько в том, что дальше так жить нельзя. Капиталистическая система изжила себя, религия - тоже, потому, что гигантские массы все растущего человечества требуют, чтобы жить - новой экономики, нового государственного устройства, новой морали и воспитания. И, если важно переустройство экономики, то не менее важно и создание нового человеческого сознания, чтобы ею, этой новой экономикой, можно было управлять. Вот мы и пришли к выводу - если человечество не поймет этого и не станет бесповоротно на путь создания высшего коммунистического общества, не сумеет решительно перевоспитать себя, создав новых людей - тогда оно погибнет или же будет ввергнуто в такие пучины голода и истребления, о каких мир еще не слыхивал. Я не пугаю Вас - Вы сами поняли это же самое, только выразили его по-другому, поэтому Вам понятное не страшно. Известный враг - это материал для размышления, как его бить. Но как написать об этом для всех - пусть хороших, но разных? Я сам, пожалуй, только к полусотне лет научился простой мудрости - если у человека нет соответствующей

жилки в душе, чтобы откликнуться на Ваши мысли, он не поймет как бы красиво и сильно ему об этом не говорили...

Вот почему непросто об этом написать - мало ли рогаток для писателя в редакциях и цензурах - надо, чтобы это понимали и там, иначе кроме впечатления о том, что какой-то испугавшийся интеллигент и других пугает, ничего хорошего не выйдет... Ну, об этом мы как-нибудь еще поговорим при возможной встрече...

А сложных проблем в мире становится все больше и нарастание их идет, как в музыке говорят, *крецендо*, вместе с ростом населенности земного шара.

Кое-какие из этих вопросов я затронул в новом романе "Туманность Андромеды". Сокращенный вариант, печатающийся в "Технике - молодежи", к сожалению, сильно утратил свое эмоционально-научное звучание, осталась линия приключенческая. В полном виде книга выйдет в "Молодой Гвардии" осенью... если выйдет.

Но все же Вы совершенно правы, что писателям надо писать об этом и много, и убедительно, чтобы люди могли легче понять единственный и неизбежный путь социалистического преобразования мира. А настоящих книг об этом еще у нас нет. Всё как-то обращено к прошлому, а не к будущему, да и настоящее движется как-то плоско, без серьезной перспективы.

Что ж, это будет делом уже Вашего поколения - лет через десять и вы выйдете на арену серьезного осмысления настоящего и грядущего, которое должно быть литературой.

Однако, пора заканчивать. Вы затронули в своем письме так много разных вопросов, что на все никак не ответить сразу так полно, как бы это хотелось. Пишите еще, буду рад помочь Вам, чем смогу, в поисках пути по жизни. Да, собственно говоря, порт назначения Вам, пожалуй, ясен, а прокладка курса должна происходить так, чтобы при всех обстоятельствах было время на размышления и на получение знаний. Послужите на флоте, наберитесь жизни, потом, как сложится - или пойдете в торговые моряки, или поступите в ВУЗ на исторический факультет, и, вероятно, все равно будете писать. Хорошо бы, если бы это случилось после тридцати лет или около этого. Ведь это, как ранняя женитьба - ни глубины чувства, ни понимания красоты - отсюда и страсти настоящей нет... проходит плоско.

Попадались ли Вам такие книги: К.Паустовский. Романтики. Изд. 1935 год; Р.Кэрс. Горизонт. Изд. 1928 г. Г.Уэллс. Люди как боги. Изд. 1925-1930 годы. А.Грин. Бегущая по волнам /переиздана совсем недавно разными издательствами/. Это мои любимые книги, сыгравшие большую роль в жизни. Интересно, как бы Вы отозвались о них?

Прилагаю свою маленькую фотографию, но на ней я моложе, чем сейчас, после сильной болезни 1955 года, когда постарел и потолстел. При случае пришлите мне свою - очень интересно, какой Вы. С искренним уважением

Ваш И. А. Ефремов.

Так ответил на мое первое письмо Иван Антонович Ефремов. Даже спустя полстолетия, перечитывая это письмо, я поражаюсь его смысловой нагрузке, равно как и глубоко человеческой позицией этого замечательного Человека, который осчастливил меня своим вниманием и своей многолетней крепкой дружбой. А ведь сколько моих писем, посланных разным людям, издательствам и учреждениям, остались безответными, растворились в пространстве и ушли в небытие. Не могу тут не вспомнить другого такого человека - интеллигентного, мудрого и доброго, бывшего губернатора Одесской области Сергея Рафаиловича Гриневецкого. Моя дочь в 1997 году защитила кандидатскую диссертацию и была принята на работу в облгосадминистрацию. Вместе с мужем, выпускником Одесского политехнического института, они жили в общежитии. Купить для них квартиру нам было не по средствам, получить ее тоже шансов не было. На семейном совете мы решили со сватами: им надо взять участок под застройку, получить молодежный кредит и строить свой дом.

Почти год я обивал пороги различных кабинетов, но чиновники оставались глухими к моим просьбам. Очевидно, никто ничего "за так" делать не хотел, а взяточдателем я никогда не был. И тогда я написал письмо губернатору, в котором рассказал о трудной судьбе двух молодых и перспективных специалистов, о своих мытарствах по чиновничьим кабинетам и попросил помочь с выделением участка под застройку.

Прошло две недели и вот мне звонит из Одессы Юля.

- Папа, это ты написал письмо губернатору?

- Я.

- Сегодня меня пригласили в отдел земельных ресурсов и показали твое письмо с резолюцией губернатора "решить положительно".

Участок под застройку, несмотря на явный саботаж председателя Таировского поссовета Вегера, был выделен три месяца спустя. Этого было достаточно, чтобы Юля перешагнула 28-летний рубеж, за которым теряется право на получение льготного молодежного кредита. Пришлось брать обычные кредиты, строить и сейчас моя дочь Юля, после 19-летнего проживания в общежитиях-"курятниках", наконец, вселилась в свой, пусть еще недостроенный дом. Поэтому я до конца своих дней буду хранить в своем сердце чувство глубокой благодарности к Сергею Рафаиловичу Гриневецкому за его человечность, которую не вытравили из его души ни высокий пост, ни время. Ведь будь он таким, как большинство наших чиновников, с очерстевшими сердцем и душой, покрытую коростой равнодушия, наложил бы резолюцию "отказать" или же списал письмо в архив и дело с концом!... Как не хватает сегодня всем нам в этой жизни именно человечности, как очерствели и ожесточились люди, и прежде всего власть имущие, забывая о том, что после нас на земле не остается ничего стоящего, кроме доброй памяти за добрые дела.

Что же касается первого письма Ивана Антоновича, то оно явилось для меня той лодкой для плавания по океану, имя которому - Жизнь. Письмо это насыщено отцовскими наставлениями, является инструментом воспитания личности, проникнуто откровенностью и доверием, причем к абсолютно незнакомому человеку. А ведь времена тогда были суровые, несмотря на хрущевскую "оттепель"...

В этом письме наглядно просматривается дар предвидения, которым обладал Иван Антонович. "Без официального благодушия" он прямо говорит, что человечество движется к своему кризису. И вот он наступил: экономический, социальный, политический, причем все эти бедствия достигнут небывалого масштаба, поскольку за ними стоит неотвратимая и, скорее всего, неодолимая беда - глобальное потепление, о котором полстолетия тому назад еще и не слышно было. Накопление углекислого газа в атмосфере уменьшает теплоотдачу поверхности Земли. Таяние ледников и полярных льдов приведет к затоплению таких стран, как Бангладеш и Голландия и обезвоживанию таких стран, как Перу. Начнется миграция многомиллионных масс обездоленных и голодных людей, вспыхнут войны климатические, теперь уже не из-за нефти, а из-за питьевой воды. Эксперты Продовольственной комиссии при ООН недавно сделали такое заявление: если прогнозы климатологов сбудутся, то к 2012 году шесть миллиардов населения Земли вымрет с голоду.

Беседуя с Иваном Антоновичем в Москве, я помню, как он предупреждал, что научно-технический прогресс не должен опережать социальное и культурное развитие человечества, ибо человек способен творить зло не только по злему умыслу, но и по своему невежеству. Быть может, именно это обстоятельство толкало церковников в средние века отправлять на костер алхимиков, астрологов и ученых, вторгшихся в область скрытых знаний. Рассуждая о творчестве Джонатана Свифта, Иван Антонович, посмеиваясь, хвалил его за то, что он в одном из своих романов населил землю лошадьми.

- Лошадь - животное, живущее в полном согласии с природой. Она не увечит Землю плотинами, карьерами, шахтами, не уничтожает леса и не загрязняет реки и моря, не отравляет атмосферу и, не в пример козе, не обгрызает кору деревьев. /В журнале

"Нэйшнл джиографик" тогда была помещена гипотеза одного ученого, что Северная Африка, некогда бывшая житницей Римской империи, превратилась в Сахару именно благодаря нашествию козьих стад/.

Кстати, Иван Антонович, как-то, посмеиваясь, сказал, что Чарльз Дарвин выбрал для нас не случайно такого предка, как обезьяна. Об этом, кстати, Ефремов пишет и в своей книге "Лезвие Бритвы". "Вместе с развитием мозга обезьяны получили способность сравнивать и завидовать. Сознать свою неполноценность... И, завидуя, они всегда рады поиздеваться, оскорбить, осмеять, тем самым удовлетворить свое недовольство на безопасной высоте деревьев. Самые страшные завистники, ревнивцы и собственники - обезьяны... К сожалению, насмехаться над непонятым, издеваться над слабым или больным, унижить чужого - нередкое свойство и хомо сапиенс, стоящего на низкой ступени культуры и дурно воспитанного".

Мой отец умер в 1970-м году в возрасте 82 года. Незадолго до смерти он говорил нам, его сыновьям, мне, Петру, Михаилу и Анатолию.

- Дети мои, я прожил очень трудную жизнь. В семь лет лишился отца и, чтобы содержать больную мать и двухлетнюю сестренку Женю, пошел на кирпичный завод возить тачку с глиной. И возил ее десять лет! Я участвовал в трех революциях, прошел три войны, перенес три голодовки и выполнил шесть промпятилеток. Этих испытаний хватило бы на десять жизней. Но вам будет еще труднее. Настанут времена, когда живые позавидуют мертвым...

Я слушал отца и думал: что ты говоришь, папа? Квартиру я получил, мебель в рассрочку взял, "буковинская" колбаса стоит в магазине рубль девяносто копеек килограмм, хлеб 20 копеек буханка. Через десять лет в стране будет построен коммунизм... Оказалось, отец, как в воду глядел.

Есть люди, которые могут предсказывать будущее. Как Нострадамус, Авель, Немчин, Эдгар Кейси, Ванга. Есть предположение, что некоторые люди обладают способностью выходить в информационное поле Земли, совершать мысленно прорывы в прошлое и будущее. Вот что когда-то рассказал нам отец. Ему было семь лет /1895-й год/, когда в местечко Корец забрел высокий худой старик с длинной бородой. Он собрал в кружок детей и сказал им:

- Наступает последняя сотня лет. Я не доживу до этого, а вы увидите все собственными глазами. Землю опутает паутина, дерево заговорит с железом, человек человека будет видеть за тысячи верст. Железные птицы будут уничтожать людей, а железные кони пахать землю. Но хлеба всем хватать не будет....

- Слушали мы старца и поверить не могли, как такое быть может? И вот за мою жизнь появились линии электропередач, граммофон, телевизор, самолеты и трактора...

Несомненно, Иван Антонович тоже обладал даром провидца. Уже тогда он знал, что человечеству, чтобы выжить, потребуется новая экономика, новое государственное устройство, новая мораль и воспитание. Если оно не поймет этого и не станет бесповоротно на путь создания высшего коммунистического общества, не сумеет решительно перевоспитать себя, создав новых людей, тогда оно погибнет или же будет ввергнуто в такие пучины голода и истребления, о каких мир еще не слыхивал. Замечу, что эта мысль была сформулирована Иваном Антоновичем за четверть столетия до того, когда в СССР умные люди заговорили о необходимости реформ и за три десятилетия до перестройки. Если кого-то удивит его утверждение, что капиталистическая система изжила себя и человечество должно стать бесповоротно на путь создания высшего коммунистического общества, решительно перевоспитать себя, создать новых людей, то писал он это отнюдь не потому, что был в восторге от существующего в стране строя или боялся цензуры. Отнюдь нет.

Книгу "Час Быка" я читал в 1970 году и сразу же узнал в планете Торманс нашу страну победившего социализма. К аналогичному мнению пришли и партийные идеологи, которые не могли простить Ивану Антоновичу этот вызов. Ведь они внушали нам, что у нас социализм с человеческим лицом и на горизонте светлое будущее - коммунизм.

Ничего не поделаешь, такое было время, когда думали одно, говорили другое, а делали третье...

В начале перестройки я имел откровенную беседу с одним американцем, предпринимателем и ученым.

- Зря вы стали строить капитализм, - сказал он мне. - То, что вы писали про социализм - не всё правда, а про капитализм - всё правда. Это жестокий, бесчеловечный общественный строй, который ничуть не изменился за эти годы. "Человек человеку - волк", и "Не я съем, меня съедят" - эти кредо капитализма живы и здравствуют по сей день и будут живы вечно. Вам надо было немного подправить свой социализм и вы бы уверенно шли в будущее.

- Но, позвольте, почему же тогда у вас, при бесчеловечном капитализме, рабочие живут гораздо лучше, чем в государстве рабочих и крестьян?

- Потому что ваша Октябрьская революция напугала наших фордов и рокфеллеров и они стали выделять часть своих прибылей тем, кто их делает. Не будь вашей революции, поверьте мне, наши рабочие жили бы не лучше, чем во времена Диккенса. Эра, когда одни могли безнаказанно купаться в роскоши, а другие в это время прозябали в нищете, на земле закончилась. И ресурсы ее тоже заканчиваются. Если не будет построено новое общество социальной справедливости, человечество может плохо кончить.

Мой собеседник не читал книги "Час Быка", а рассуждал так, как ее автор. Ничего удивительного в этом нет. Еще Аристотель писал, что мысли умных людей совпадают, как две прямые линии, а мысли дураков не совпадают ни с мыслями умных людей, ни с мыслями себе подобных.

Итак, мы вернулись от социализма к капитализму, т.е. пошли по кругу inferno, как на планете Торманс. Революция в России назревала давно. Монархия, как государственный строй, уже изжила себя. Аристократия разложилась, буржуазия зажралась и народ пошел за большевиками на штурм Зимнего. Потому что ему пообещали счастливую жизнь и светлое будущее. Но сам народ в большинстве своем не созрел для такой жизни. Рабочим и крестьянам, воспитанным в религиозных семьях, внушали атеизм, а колы Бога нет - значит, все можно! Развалилась законодательная база, были отброшены традиции и обычаи, разрушена мораль. Деклассированные элементы, генетические отходы, вроде Челкаша и Шарикова под руководством швондеров создали атмосферу произвола и вседозволенности. Лозунг "Грабь награбленное!" был взят на вооружение теми, кто от рождения был склонен к воровству, грабежу и убийствам. Ничто не могло приостановить этот страшный процесс: ни кровавые уроки Французской революции, ни предупреждения провидца Достоевского. Лишь немногие предвидели последствия этой кровавой бани, в которой суждено было принять купель нашему народу. Депутат Государственной Думы, черносотенец Владимир Пуришкевич, покидая тюремную камеру Петропавловской крепости в 1918 году, оставил на стене камеры такие строки: "Безумья семена дадут нам рабства всходы".

Поэт Максимилиан Волошин, с творчеством которого меня познакомил Иван Антонович, прислав мне его стихотворные произведения "Град Китеж", "Северо-восток", "Дом поэта", в том же 1918-м уже предвидел, чем все это кончится:

Они пройдут, расплавленные годы,
Народных бурь и мятежей,
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет ворчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвась от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,

От угольев угасшего пожара
Затеplit яркую свечу.
Молитесь же, терпите же, взвалите,
На спину крест, на выю трон -
На дне души гремит подводный Китеж,
Наш неосуществимый сон.

И что же мы имеем сегодня? В Украине, некогда богатой и технически мощной республике СССР, владеющей третью мировых черноземов, протеиновый потенциал которой способен накормить два миллиарда человек, производящей ракеты, самолеты, танки и корабли, не уступающие лучшим мировым образцам, в стране, где доля каждого украинца в национальном богатстве составляет 220 миллионов долларов, пять процентов населения, так называемых "новых украинцев", жирует и благоденствует. По словам председателя Верховной Рады Владимира Литвина сорок семей олигархов владеет 85-ю процентами национального богатства, в то время, как 70 процентов так называемых "пересичных" украинцев /это ж надо было таким словом нас назвать - "пересичный" - довоенный словарь трактует как "простой", "недоумкуватый", т.е. дурачок/ прозябают в беспросветной нужде, поскольку их прожиточный минимум составляет чуть больше двух долларов в день, как у граждан Зимбабве, Мадагаскара и других беднейших африканских стран. Но там, в Африке, человеку не нужна теплая одежда, отопление жилья, электроэнергия и даже обувь. Он весь год может ходить в шортах и майке босиком, спать на веранде в гамаке, есть кокосы и бананы. Выходит, он несравненно богаче и счастливее "пересичного" украинца? Правительство и Верховная Рада погрязли в распрях и интригах, олигархи обогащаются, перегоняя на всякий случай капиталы в оффшорные зоны. Чем черт не шутит, а вдруг опять явится матрос Железняк с маузером? Так и живем...

Не случайно, сегодня все чаще приходится слышать от людей, что самым счастливым периодом в их жизни было застойное время. Зарплаты хватало на жизнь и выплачивали ее регулярно. Булка хлеба стоила 20 копеек, литр бензина - семь, киловатт электроэнергии - четыре копейки. На столах в студенческих столовых лежал бесплатный хлеб да и само обучение в институтах и техникумах было бесплатное. Как и лечение в больницах. Проезд в метро, троллейбусах и автобусах стоил копейки. Квартиры выделялись бесплатно, хотя многим приходилось ждать их долго. Отнюдь неслучайно Китай и Куба сегодня не собирается отказываться от идеи построения коммунистического общества, и будем надеяться, что правительства этих стран учтут печальный наш опыт и не допустят "головокружений от успехов". Вот почему великий писатель Ефремов предупреждает, что переустройство экономики требует создания нового человеческого сознания, новой морали и культуры, чтобы этой экономикой можно было правильно управлять. Тогда к власти придут высокообразованные, честные люди, которые будут служить не транснациональным компаниям, а своему народу и никакой Римский клуб, никакой МВФ не будут за них решать, сколько населения должно остаться в каждой стране, чтобы смягчить антропогенный прессинг на планету.

Кстати, футурологи предсказывают, что социальное устройство общества будущего явится копией пчелиного роя или муравейника, где каждый выполняет свои обязанности, получая за это свою долю. Будет ли это общество коммунистическим, социалистическим или фашистским зависит от социальной и моральной зрелости его, но то, что один член общества владеет миллиардами, дворцами и поместьями, а другой не имеет койки в общежитии и перебивается с хлеба на воду - этого быть не должно! Так что лозунг "От каждого по способностям, каждому - по труду!" списывать в архив рановато...

Приятно было мне прочесть в этом письме такие слова: "Ну, об этом мы как-нибудь еще поговорим при возможной встрече"... Значит, разговор будет о том, что нельзя писать в условиях перлюстрации почты и военной цензуры, но, что самое важное, Иван Антонович дает "добро" не только на дальнейшую переписку, но не исключает встреч. А это уже выдан аванс, протянута рука дружбы, морской солидарности. Иван Антонович

предсказал появление новой литературы и новых писателей, которые выйдут на арену "серьезного осмысления настоящего и грядущего". Да, предсказание сбылось, появились и новые писатели, и общественно-политические деятели "шестидесятники".

И еще, что меня порадовало в этом письме. Иван Антонович одобрил мой план поработать после службы на судах торгового флота и закончить ВУЗ, обещая впредь помогать мне в поисках пути по жизни. Это буквально окрылило меня. Прошло совсем немного времени. Я перечитал Паустовского, Грина и под впечатлением трагической биографии последнего тут же взялся писать рассказ о его бакинских скитаниях, который до сих пор сохранился в моем архиве.

Фотографию Ивана Антоновича я пронес с собою через всю жизнь и храню как фотографию близкого человека. В ответ я послал ему свою в форме военного моряка-черноморца.

И ВЕРНЫЙ КУРС, И АЛЬМУКАНТАРАТ

Старая Руза, 19.03.57.

Дорогой Борис!

Разрешите мне называть Вас так - у меня сын примерно одного с Вами возраста, 21 год, геолог, студентушко...

История с бандеролью ничего загадочного в основе не имеет. Я уехал в санаторий под Москву и поручил дочке отправить Вам книги бандеролью, в которых письменные вложения запрещены. Написать сразу вовсе не было времени, и я отложил сие дело до того, как отдышусь немного в санатории. Разорванный конверт - это просто грубая работа почты, где швыряют бандероли как попало. Почти всегда, если книга тяжелая, конверт приходит разорванным. Вот и все.

Обязательно постарайтесь достать книгу Паустовского "Романтики" - она издавалась только один раз, в ГИХЛе в Москве, 1935 г. Пожалуй, в библиотеках Вы сможете ее найти. Там Вы отыщите многие ответы на волнующие Вас, как и всякого романтика, вопросы.

Мне трудно, хотя и хочется, отвечать последовательно на все, что Вы пишете. Для этого потребовались бы целые трактаты. Думаю, что когда-нибудь мы всё же встретимся и поговорим. Хотя и поговорить не так просто - не будет настроенности - и разговор не состоится, так пустяки, обмен общими фразами. Иногда от застенчивости человек загоразживается стеной, иногда что-то помешает, причем совершенный пустяк - взгляд или интонация покажутся неприветливыми, почудится насмешка и - готово! Всё пропало. Ну, будем надеяться, что у нас окажется достаточно времени.

Я не смогу ответить Вам на всё, но буду писать по ходу Вашего письма то, что вспоминается, пусть не совсем точно в кильватер, но на параллельном курсе с Вашими высказываниями.

Прежде всего - не тратьте время, чтобы спрашивать меня, читал ли я то или другое, говорите прямо о книге так, как если бы Вы были уверены, что я ее знаю. Трудно для молодого читателя, да и вообще для читателя, пользующегося обычными библиотеками, назвать книгу, которую бы я не читал, если она мне понравилась, или бы не просмотрел, если не понравилась. С иностранной литературой тут хуже - большие пробелы, хотя английскую знаю довольно прилично. О восприятии Вас не беспокойтесь - в Вас еще нет ничего особо профессионального, рано, да и разговор наш не о том. Поэтому для меня Вы - юноша, врожденный романтик, стремящийся понять свое будущее место на Земле, так же как для Вас я - просто старший собеседник. Вряд ли Вы чувствуете во мне профессора, доктора наук и прочие там мои звания, которые для серьезного-то разговора не более, как мишура.

Что для Вашего настроения, то позвольте высказать следующее:

Не помню, какой из великих сказал, что хорошие люди испытывают от жизни преимущественно печаль. Поймите правильно - преимущественно и печаль, т.е. благородный вид тоски. Вооружающей, а не разоружающей. Помните? "Мне грустно и легко. Печаль моя светла, печаль моя полна тобою". Именно так!

Ваш возраст - трудное время, и Вы даже сами не понимаете, насколько. Да и мало кто понимает, иначе молодежь у нас ставили бы в особые условия работы, соответствующие физиологически психологии возраста. Вы очень болезненно воспринимаете удары жизни, потому что еще очень эгоцентричны и судите только от себя... Поэтому закономерная диалектика жизни - "где сила, там и слабость, где слабость - там сила", или, "хватая одно, Вы обязательно теряете другое" - эти простые положения не поняты, не прочувствованы и всякая утрата кажется навсегда, ошибка - вечным стыдом, ошибка друга или любимой - отвращающим Вас позором. Так и рубите Вы жизнь на прямоугольные куски, стараясь отделять правильное от неправильного, мучаясь из-за того, что оно почти неуловимо, еще не чувствуя, что правильное сейчас,

сию минуту, может через час обернуться издевательством... Я не говорю, что все это в таком точном виде есть у Вас. Речь об условиях возраста, в той или иной мере свойственных огромному большинству. Да и Вы вот в общем правильно говорите, что человек, особенно девушка /потому что мы девушку ставим на пьедестал - это неизбежная черта романтиков/ быстро исчерпывается при близком знакомстве.

Но не забывайте, что это значит - исчерпаны не только девушка, но и Вы также. Вы уже не даёте и не находите нового, а повторяете /неразборчиво/ - они ведь быстро кончаются! Помните об этом и избежите многих досадных жизненных промахов....

Извините за наставительные обороты - так легче мне писать. Но я вовсе не думаю предписывать Вам что-либо - абсолютно правы Вы /и этим очень мне нравиться/, когда пишете, что должны идти своим путем. Именно так, а мои рассуждения пусть будут для Вас "Альмукантарат" /круг равных высот/, помогающий штурману определиться по звездам, встреченным на своем собственном пути.

Мы часто склонны осуждать людей за ошибки, происходящие от столкновения с жизнью их личных особенностей. Например, тонко чувствующий и сильный юноша, здоровый, с горячей кровью, всегда будет покорен голосу пола и эта сторона возьмет от него много сил, времени и чувств. Но как иначе? Зато, если эта сильная физиология повернется на творчество, на любое дело - тут недостаток станет весьма положительным. И девушка - если она - настоящей, сильно чувствующий человек, и тоже с горячей кровью, как легко ей попасть в беду, если она к тому же красива. И все ее осудят, назовут гнусным словом - только за то, что она смело пошла навстречу зову жизни, усиленному ее личными особенностями. И эта же черта - т.е. покоряющая страстная власть, у холодной расчетливой эгоистки, заставит Вас пластаться у ее ног, моля о том, что не может Вам дать самая лучшая, но не обладающая силой страсти женщина.

Поэтому Вы неправы, говоря, что человек - только продукт среды. Это верно и очень даже, но с поправкой на врожденные особенности, от которых не уйти никоим образом. Они, не важны на низком уровне развития, но чем развитие делается человек, чем большего хочет он добиться - всё равно - в добыче угля, в спорте, в любви, в науке или литературе, тем большее значение приобретают врожденные особенности и дарования. Правильно понять их - это большое дело для всей жизни! И надо отбросить неверный лозунг, долгое время оправдывавший многих бездельников учебы - "нет плохих учеников, есть плохие учителя!". Нет, есть и будут плохие ученики, но это вовсе не значит, что плохой ученик не окажется чемпионом плавания или открывателем недоступных вершин гор... В этом он будет отличным учеником, надо найти и определить в нем эту струнку. О, великие боги! Как не приспособлены для этого наши школы и наши учителя! Мы много болтаем о Павлове, но ни одному болвану из Академии Педагогических Наук не пришло в голову воспользоваться на деле всем тем, что дает современная наука. А все от невежества!

В врожденных особенностях - объяснение разности людей и эта разность усиливается средой обитания, которую сам человек тоже изменяет, реагируя на неё не одинаково, а соответственно врожденным особенностям. Разумеется, что немалое значение имеет случай, и то, что мы зовём судьбой, а на самом деле является на 75 процентов социальной обстановкой, т.е. тем социальным уровнем, в котором воспитывается человек. И всякий беспорядок в социальном устройстве прежде всего выражается в том, что случайные, неспособные люди попадают на посты в жизни, которые они никак не могут занимать, ни по способностям, ни по моральным качествам. В этом главная трудность создания хорошего общественного устройства во всех сложнейших разветвлениях высшей и сложнейшей формы общества - социалистического.

Важнейшее достоинство Вашего возраста - это ощущение безграничности жизни, огромного времени и возможностей, отпущенных Вам. Поэтому юность может безрассудно тратить силы и время на собирание крох красивых ощущений, предаваться

сильнейшим переживаниям по поводу того, что неромантическим людям покажется форменным пустяком. Но так и нужно - как же иначе собрать свой венок, как вырвать красоту из тягучей и не всегда удачной жизни, как получить к пожилому возрасту драгоценный опыт правильного выбора людей, поступков и вещей? Опыт, впоследствии заменяющий столько сил, что и без юной энергии можно жить по-молодому -ведь в этом и есть секрет нестареющих душ...

И всё же - мой возраст, например, стремится уже к другим оттенкам поэзии, чем Ваш. Милее становятся строки:

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли....
Или нежная тоска об утраченном:
Общая мать-Земля, будь легка над моей Айсигеной,
Ибо ступала она также легко по тебе!

Но пока хватит. Написано уже много, а некоторые вопросы Ваши остались неотвеченными. О цыганах - цыгане народ индийского происхождения и их язык на 3/4 - хинди. ореол романтики вокруг них - от контраста тоски горожанина или вообще человека, привязанного к месту службой, домом, семьей. А по законам диалектики их жизнь имеет множество отрицательных черт - вот три главные - невежество, грязь, воровство. Но цыгане культурные - замечательный народ, у них много отличных качеств, особенно в цыганских жёнах, которых воспел какой-то наш поэт, сейчас не могу вспомнить какой.

Ещё вопрос: В.Иванов, писавший обо мне очерк, никак не мог быть моим рабочим. Это Валентин Дмитриевич Иванов, замечательный писатель, инженер. Найдите в библиотеке его книги: "Возвращение Ибадуллы", "Повести древних лет" и последнюю, только недавно вышедшую, "Жёлтый металл". Останетесь довольны!

Мне очень понравилась Ваша оценка присланных книг и особенно - любимой моей "Бегущей". Вы правильно ухватываете сущность, значит все будет в порядке и с другими книгами. Достаньте еще Грина: в сборнике "Избранное", вышедшем в 1954 или 55 г. /Сов. писатель, Москва/ есть и другие его изумительные вещи: "Алые паруса", "Сердце пустыни", "Жизнь Гнора", "Синий Каскад Теллури" и другие.

Думаю, что прощаться со мной еще рано, пишите о себе и о книгах, и не надо, чтобы было за что-то стыдно. Ведь переписка - свободная вещь. А если я написал Вам целый рассказ по объему, значит, я тоже что-то нахожу в Ваших письмах, хотя бы ту живую и хорошую душу, для которой жизнь как-то подчас сама открывает двери. У меня самого были такие интересные случаи и совпадения, что прямо невероятно....

Не сетуйте, если я не смогу Вам подчас ответить сразу. Знайте тогда, что я нахожусь в цейтноте, как это бывает у шахматистов, и очень часто - у ученых. Ведь я - не свободный писатель, а ученый. Но с опозданием я все же смогу Вам всегда отвечать.

Большое спасибо за подарок. Я приму его, как залог того, что Вы когда-нибудь приедете ко мне, держа по нему курс, и мы поговорим, обсудим многое, посоветуемся о дальнейшей дороге. Мне кажется - писать Вы будете, но об этом еще рано даже думать. Читайте, читайте и читайте! Научитесь английскому языку, чтобы читать и зарубежную литературу, а главным образом - научную популяризацию, которая там пока несравненно лучше, чем у нас.

Пишите.

С приветом и уважением: И.Ефремов.

Это письмо, второе по счету, было самым пространственным и насыщенным из всех. Чувствуется, что пребывание в санатории позволило Ивану Антоновичу найти время,

чтобы высказать все, что он хотел, но не мог в условиях суетливой столичной жизни. И что характерно, каждая строка этого письма была до предела насыщена ценной и такой необходимой для меня информацией.

Начну с книг. Присланная в разорванной бандероли книга Александра Грина "Бегущая по волнам" не только завоевала мое сердце и воображение, но и открыла для меня доселе неизвестного писателя, благодаря которому через полтора десятка лет я выбрал для жизни из числа многих городов именно тот, который мне больше всего напоминал гриновские Лисс и Зурбаган. В те времена Белгород-Днестровский был уютным, чистым и красивым городом, с обилием зелени и чистым воздухом. Он, после Измаила, где мне пришлось временно бросить якорь, привлек меня близостью моря и легендарной Одессы, а также широким Днестровским лиманом.

Иван Антонович открыл для меня и другого замечательного писателя - Константина Паустовского, который по сей день остается одним из самых любимых мною. Паустовскому я обязан тем, что взял на вооружение его стиль: писать короткими предложениями, четко излагая мысль или описывая картину, избегать длинных оборотов, многословия и неоправданного использования причастий. Это во многом способствовало успеху и популярности моих газетных материалов, за что меня не раз благодарили читатели.

Кстати, вот что писал о романтической настроенности прозы, характерной черте творчества Паустовского, сам Константин Георгиевич. Я специально цитирую его, чтобы показать, как перекликаются мысли обоих писателей, почему Иван Антонович так любил его произведения и настойчиво рекомендовал мне, неискушенному читателю, ознакомиться с творчеством своего коллеги.

"Это, конечно, свойство характера. Требовать от любого человека, в частности, от писателя, чтобы он отказался от романтической настроенности - нелепо. Такое требование можно объяснить только невежеством. Романтическая настроенность не противоречит острому интересу к "грубой" любви к ней. Во всех областях действительности и человеческой деятельности, за редким исключением, заложены зерна романтики.

Их можно не заметить, растоптать или, наоборот, дать им возможность разрастись, украсить и облагородить своим цветением внутренний мир человека.

Романтичность свойственна всему, в частности, науке и познанию. Чем больше знает человек, тем полнее он воспринимает действительность, тем теснее его окружает поэзия и тем он счастливее.

Наоборот, невежество делает человека равнодушным к миру, а равнодушие растет медленно, но необратимо, как раковая опухоль. Жизнь в сознании равнодушного быстро вянет, сереет, огромные пласты ее отмирают, и в конце-концов равнодушный человек остается наедине со своим невежеством и своим жалким благополучием.

Истинное счастье - это прежде всего удел знающих, удел ищущих и мечтателей, и меня очень радует то обстоятельство, что после некоторых споров, бурно протекавших в критике еще совсем недавно, романтика опять заняла свое законное место в жизни нашей литературы.

...Одно время я всерьез думал стать моряком. Но вскоре мечта о писательстве вытеснила все остальное. Писательство соединило в себе все привлекательные профессии мира. Оно было независимым, мужественным и благородным делом.

Однако, тогда я еще не знал, что писательство - это и труд, тяжелый и расточительный, что даже одна-единственная крупица правды, утаенная писателем от людей - преступление перед собственной совестью, за которое он неизбежно ответит.

Страдания и радости всех людей становятся уделом писателя. Он должен обладать талантом собственного видения мира, непреклонностью в борьбе, лирической силой и общностью жизни с природой, не говоря уже о многих других качествах, хотя бы о простой психологической выносливости".

Должен сказать, что мысли, высказанные Константином Паустовским о писательском труде, в значительной мере относятся и к журналистике. Не без его влияния

именно на этой профессии я остановил свой выбор, несмотря на предостережения Ивана Антоновича. Конечно, любая профессия имеет свои плюсы и минусы, и какую из них выбирать зависит от нас или от нашего предназначения в этом мире.

Пришло время, когда перенесенная мною малярия заставила подумать о перемене места работы и профессии. Поскольку в 1964 году я поступил на заочное отделение Дальневосточного Государственного университета и всерьез увлекся журналистикой, мне предстояло перебраться на сушу и стать профессиональным газетчиком. В мае 1968 года я женился на Ларисе, а в ноябре стал работать корреспондентом городской газеты "Советский Измаил".

Я не пожалел, что выбрал именно эту профессию. Оглядываясь на прожитые годы, я с полным основанием говорю: если бы мне пришлось вновь начать жить, я бы пошел той же дорогой: вначале море, потом газета! Профессия морехода воспитала во мне такие ценные качества характера, как настойчивость в достижении цели, бесстрашие перед опасностью, честность, коллективизм, открытость, взаимовыручка, здоровый скептицизм. К тому же море научило меня наблюдать, подмечать, сравнивать и делать выводы, и эти качества в значительной мере способствовали безболезненному вращению в журналистику, которая открыла передо мною немало полезных возможностей: частые поездки, знакомства с интересными людьми, способность многое видеть и узнать. Правда, работа газетчика забирала у меня все время и силы, требовала огромного нервного напряжения, что неизбежно приводит к преждевременному износу организма к прежде всего сердца, отчего по смертности журналисты занимают второе место в мире после шахтеров. Перенасыщенность информацией - в том числе и негативной, погружение в темные лабиринты человеческих душ, знакомство с изнанкой жизни, воздействие отрицательных биополей от знакомства с нехорошими людьми - все это не проходит бесследно.

Но главное, что должен помнить тот, кто берет в руки острое оружие - перо, это то, что журналистика - профессия справедливости. Если журналист забывает об этом, он становится продажным, высокомерным, назойливым и наглым. Общение с ним у порядочного человека вызывает лишь отвращение. Волей-неволей журналист берет на себя роль судьи, поэтому он обязан быть не только справедливым, но и милосердным судьей. Ибо изобличать и карать у нас есть кому, а понять и простить способны немногие. И, коль общество обзаведется "хладнокровными журналистами" дела его плохи, предупреждает публицист А.Ващенко.

Поэтому, берясь за перо, я дал Ганнибалову клятву себе: всегда и везде вступаться за обездоленных и обиженных. Это позволило мне, насколько такое было возможным, сохранить свое лицо, т.е. порядочность, уважение к самому себе и людей ко мне, а также в меру своих сил помогать людям, нуждающимся в моей помощи. В своей работе я боялся и боюсь только одного: несправедливо обидеть человека. Именно это позволило мне избежать посадок на все сущие мели, о которых меня по-отечески предупреждал Иван Антонович. Я верю, что те советы и предостережения, которые так пригодились мне на тернистом жизненном пути, в одинаковой мере будут полезными читателям, особенно молодым. Я благодарю Господа, что он сподобил меня написать эту книгу о замечательном Человеке, старшем друге и учителе, который сохранил в себе в пронес через всю жизнь все лучшие людские качества и главное из них - доброту, которой так сегодня не хватает людям.

Меня всегда восхищала эрудиция Ивана Антоновича. О чем бы ни заходил разговор, он обязательно открывал для меня столько неизвестной мне информации, что я поражался. И что очень важно, он никогда не ставил себя выше собеседника, не подчеркивал свое превосходство. Более того, всегда готов был почерпнуть новые знания из разговора со мною.

- Да что там я, вот покойный Берг, академик, тот был эрудит! - с нескрываемым восхищением говорил Иван Антонович. О Берге я впервые услышал от него, автора "Лезвия бритвы" книги, которую в то время читатели почитали как энциклопедию знаний.

А чего стоит это письмо из Старой Рузы, которое не только помогает неопытному юноше избежать многих промахов на жизненном пути, но также отвечает на те вопросы, которые мне просто некому было задавать. И когда я из деликатности, чтобы не отнимать драгоценное время у писателя и ученого на переписку со мною, пообещал его больше не беспокоить. Иван Антонович пишет мне в ответ, что нам еще рано прощаться, а надо писать о себе, о прочитанных книгах и не стыдиться, потому что переписка - свободная вещь, и коль скоро он посылает мне целый рассказ по объему, значит, он что-то находит в моих письмах. И, хоть с опозданием, но все же сможет всегда мне ответить. Я твердо уверен в том, что благодаря продолжению нашего знакомства, переписке и встречам в Москве, Иван Антонович убедил меня продолжить учебу и вплотную заняться английским языком, который я через несколько лет изучил так, что даже пробовал писать стихи.

Когда я получил бандероль с книгами, мне страстно захотелось чем-то отблагодарить Ивана Антоновича. В это время мой сослуживец Генка выточил из эбонита башню маяка, увенчал ее прозрачным плексигласовым куполом, иллюминаторы в котором заглушил светящимися кружочками, ярко флуоресцирующими в темноте. Я решил, что такому маячку место на письменном столе бывшего моряка, выменял у Генки его произведение искусства и переслал в Москву, за что получил благодарность от Ивана Антоновича и приглашение приехать к нему, держа курс на этот маяк. Вскоре так и вышло.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Москва, 12 июля 1957 года.

Дорогой Борис!

Очень рад был Вашему письму после молчания, но никак не смог сразу ответить, так как был завален предотпускными делами.

Мне стало приятно от того, что Вы попали в Феодосию, - я сам люблю этот маленький, но уютный, типично приморский город.

Как хорошо сказано у М.Волошина /уроженца Феодосии/:

И беден, и не украшен

Мой бедный град,

В венце генуэзских башен,

В тени аркад...

Я много раз бывал в Феодосии на автомашине /своей/, приезжая на базар из Коктебеля /Планерского/, где находится наш дом Творчества писателей. Коктебель был хорош несколько лет тому назад, пока его не облюбовал "высший" писательский свет и, следовательно, - всякая сволочь... Но это уже - о внутренних писательских делах. Пустяки.

Вот и в Вашем письме мне очень многое понравилось. Так глубоко верно Вы поняли, что счастье - это перемена. Я добавлю в уточнение, что в каждом из нас два человека - один жадно схватывает все новое, другой тоскует о старом, хочет его неизменности, продолжения. Такова диалектика души.

Очень хорошо, что у Вас сейчас нет возлюбленной... Такой возлюбленной, как те, о которых Вы пишете. А вообще - хорошую возлюбленную очень надо... Насчет царицы грёз... Вам не кажется, что это тоже зависит от развития человека, его души? И представления о царице грёз будут ещё немало изменяться, смещаясь то в ту, то в другую сторону. В зависимости от того, какая сторона души будет сильнее говорить в данный период жизни - сексуальная, интеллектуальная... Хорошо бы суметь сочетать обе - тогда меньше ударов и разочарований. Это хорошо понимают народы древних культур - индусы, японцы, полинезийцы. Или понимали совсем сошедшие с лица Земли, как эллины, критяне, финикийцы. Дело в том, что европейский идеал единственной возлюбленной /-ного/ родился в средние века. Он почти религиозен - дева Мария, небесный жених - вот его корни. И от этого мы находимся в плену диких представлений об обязательной невинности той единственной, которая суждена, нелепой ревности, а сами чудовищно некультурны, невоспитанны в делах сексуальных. И никто не заботится учить молодое поколение - оно и разбирается по мере сил, а мера эта - у многих глупая...

Индусы, полинезийцы и другие сходные народы относятся к страсти физической с религиозным подъемом и восхищением, считают, что обязательно надо учить и прививать вкус молодым, потому что страсть - это искусство и опыт, такое же как все серьёзные вещи в жизни. Как жалки и беспомощны мы перед ними с нашими "царицами грёз"! Ждет, ждет хороший юноша свою "единственную", а физиология не дремлет, - чем больше накопится в ней неизрасходованных сил, тем неожиданнее вспыхнет неодолимое желание в какой-нибудь самый еще неподходящий момент... И всё - будущая трагедия готова - вы выбрали вовсе неподходящего себе спутника жизни. Начинаются унижительные для обоих взаимные недовольства, непонимания, подозрения, оскорбления. И самое лучшее, что есть в жизни у человека - любовь горячая, страстная в полную меру сил превращается в чёрт во что - или элементарную животность, или постное ханжество, да мало ли во что ещё... В общем, бойтесь любви с первого взгляда - она будет хороша только в том случае, если Вы в этот момент не будете в состоянии сильной тоски по женщине, то, что народ грубо, но верно называет "стоялым жеребцом". Иначе - бяда, как говорят сибиряки.

И прекрасное вовсе не лишь только недоступное, как Вы пишете. Нет, доступное тоже может быть прекрасным, если к нему не относиться, как к дешёвке, если в нем

большое и чистое творчество! Я перефразирую известную поговорку, что: "каждая девушка может дать лишь то, что она имеет", по-другому, гораздо более благородному и верному "каждая девушка может дать лишь то, что вы сможете у неё взять!". И, кстати, вот этих, умеющих взять, женщины и любят, несмотря на их внешние недостатки, в этом и есть "загадочность" женской любви, так часто и много удивляющая недалёких особей нашего с вами пола.

Поэтому, думайте всегда диалектически жизненно об этих серьезных вещах - не представляйте свою любовь обязательно возвышенной, но и не обесценивайте ее, разменяв на минутку тупого желания.

Помните, что одна только страсть, если к ней отнестись по-индусски может дать Вам неисчерпаемое богатство красок и радостей, если сумеете. А если страсть соединена с красотой и любовью - то, что еще надо?

*Если владеешь ты легкой ладьей,
Вином и женщиной милой,
Чего тебе ещё надо?
Ты во всем подобен гениям неба /старокитайское/.*

Посылаю Вам для образца портреты моих любимых киноартисток - вернее, прототипы женских образов для иллюстраций к "Туманности Андромеды". Художники у нас разучились рисовать красивых женщин и приходится обращаться для их вдохновения к иностранным журналам и фильмам.

Одна из моих героинь - Чара, индуска по происхождению, танцевала на празднике "Пламенных Чаш". Её фигуру и платье я "спроектировал", но лицо мне не удалось пока - поэтому мысленно приставьте к изображению Чары лицо Джини Лоллобриджида - она наиболее подходит. А другая артистка - Викки Дуган - просто моя киносимпатия.

Этим летом я не поеду никуда в командировки - дела не позволяют. Да и вообще - по состоянию здоровья после прошлогодней болезни по мелочам ездить стал стар и жаль времени, а крупного пока ещё не склеилось - вероятно, из-за сложности внешней обстановки. Возможно, что осенью поеду в Аргентину, но шансов на это немного. Уеду на дачу под Москву и буду там отсыпаться. Правительство и народ должны мне восемь-девять часов сна.

Сын путешествует в низовьях Енисея коллектором-мотористом, жена уехала на Каму, а мы с дочерью будем вести дачный образ жизни. Так что продолжайте писать по мере сил и охоты по прежнему адресу. Большой привет и самые лучшие пожелания!

Ваш И.А. Ефремов.

Поздравляю с Вашим морским днём!

P.S. Хорошо сказали древние греки - "метрон-аристон", т.е. самое на свете /неразборчиво/ - гл. мера. Я бы добавил, гл. культура в истинном значении этого слова - мера во всем.

Это письмо пришло тогда, когда я, окончив учебный отряд и, получив специальность корабельного электрика, прибыл в Феодосию, где тогда располагалась военно-морская база, и был направлен для прохождения дальнейшей службы на эскадренный миноносец "Бойкий". Эсминец проекта "семерка бис" был построен до войны, участвовал во всех значимых операциях на Черном море, за что получил орден Боевого Красного Знамени. Поскольку мы, молодое пополнение экипажа, еще не прошли обкатку и числились дублерами, увольнение в город нам не полагалось, и Феодосию мы видели только во время экскурсий или работ на берегу.

Из письма Ивана Антоновича я впервые узнал о поэте Максимилиане Волошине. Позже он переслал мне его замечательные поэмы "Град Китеж", "Северо-восток", "Дом поэта". Я выучил их наизусть и не забыл до сих пор. Я мечтал побывать и в Коктебеле, и в

Старом Крыму, где похоронен Александр Грин, но мое желание оказалось несбыточным и кто знает, сбудется ли оно теперь?

Я бесконечно благодарен Ивану Антоновичу за то, что он по-отечески просвещал и предупреждал меня, касаясь запретной в те времена темы любви, деликатно указывая на мои заблуждения и настойчиво корректируя мой курс. Я ничуть не обиделся на него, за то, что он разнес в пух и прах мою ошибочную концепцию "царица грёз". С благодарностью я рассматривал присланные мне портреты любимых Иваном Антоновичем киноартисток, послужившие прообразами героинь его книг "Лезвие Бритвы" и тогда еще неизданных "Таис Афинская", "Краса Ненаглядная".

Меня удивила тогда его фраза, что он стал стар для того, чтобы ездить. Ведь мне было известно, как часто он отправлялся в экспедиции, утверждая, что "виа эст вита" - дорога - это жизнь! Не зря Константин Паустовский утверждал, что странствия - лучшее занятие в мире! Я тоже посвятил свою жизнь странствиям: вначале по морям, а потом по Бессарабии в должности собкора областной газеты. Для меня каждая поездка была праздником. До поры, до времени. Потому что, когда мне минуло семьдесят лет, я вдруг стал тяжелым на подъем и уже с трудом заставляю себя даже съездить в Одессу. Супруга Татьяна ставит точный диагноз: наездился! Видимо, то же произошло и с неутомимым путешественником Иваном Антоновичем, который к тому же тяжело переболел. Поэтому человек должен легко перемещаться в пространстве, пока у него есть такая возможность, и не ограничиваться страной, городом, кварталом или двором...

Звенигород, Мозжинка, 31 июля 1957 года.

Дорогой Борис!

Возвращаю Вам фото. Натэла мне нравится, хотя это и ничего не значит. Судить по фотокарточке, сделанной вдобавок простым фотографом, а не мастером, было бы наивно. Те фото, что я послал Вам - они Ваши собственные. Посылаю Вам одно хорошее стихотворение Н. Чуковского и две песни студентов-геологов. Если встретите какого-нибудь геолога или геологиню - узнайте мелодии. Они приятные.

Не могу исполнить Вашей просьбы сейчас, так как в городе осталась пустая квартира, а сын - в геологической экспедиции близ Норильска. Некому. Вернется он только в октябре. Если до того времени надобность не минует, напишите, думаю, что он сделает это.

С приветом и лучшими пожеланиями: И.Ефремов.

P.S. Пишите на Москву - оттуда пересылают мне сюда.

Стихотворение Николая Чуковского глубоко запало мне в душу, я выучил его наизусть и оно часто приходило мне на ум на море и на берегу. Я не встречал его изданным и, полагаю, оно осталось неизвестным большинству читателей этой книги. По этой причине я позволил себе поместить его здесь.

Не видал я тех дальних, тех солнечных стран
Жил всегда среди овсов и гречихи,
Но всю юность мне снился ночной океан,
Что зовется Великий и Тихий.
Гаснет розовый свет неземной чистоты,
Сладко плечи в траве отдыхают,
И вверху - нет, не звезды, а будто цветы
На ветвях этих пальм расцветают.
Чуть дрожат, наклоняясь, и шепчут стебли,
Земляной нету мягче постели,
А за бухтой во мгле, в невозможной дали
И звенит, и поет укулеле.
Не увижу я дальних и солнечных стран,

Проживу средь овсов и гречихи,
Но в конце мне приснится другой океан,
Он такой же великий и тихий.
Гаснет розовый свет неземной чистоты,
Умолкает прибой говорливый,
И уже надо мной расцветают цветы,
И, как пальмы, склоняются ивы.
Вот их нежные корни меня оплели,
Земляной нету мягче постели.
Тишина! Тишина! В невозможной дали
Не звенит, не поёт укулеле.
Н. Чуковский.

Так же, как и стих, слово "укулеле" я встретил впервые. Сразу же стал наводить справки и узнал, что это музыкальный инструмент, на котором играют гавайцы.

Москва, 01.01. 1958. /новогодняя почтовая открытка/.

Спасибо за поздравление, дорогой Борис! /неразборчиво/. Всё мое семейство желает Вам исполнения лучших желаний /неразборчиво/ исполняются далеко не всё. Я пока все ещё болею и не могу ответить Вам подробно. Пока можно только сказать, что, если нет особого интереса именно к морскому делу, то /неразборчиво/ - лучше идти по той же линии Нептуна, но без Ареса. Это даст гораздо больше времени на размышления и писание.

С приветом и уважением! И.Ефремов.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

1958-й год был для меня богат на события. Наш эсминец перегнали из Феодосии в Севастополь, где его должны были модернизировать. Вначале он стоял на Графской пристани, потом на Троицкой, а затем у заводских причалов в Килен-балке. В мае я получил месячный отпуск и уехал на родину, в Бердичев. А когда вернулся из отпуска, меня отправили на учебу в Петродворец, в Высшее военно-морское училище связи имени Попова. Туда съехалось несколько сот моряков со всех флотов. Вместо подготовительных лекций мы с утра уходили на лесные озера, где купались и загорали. Уже тогда я твердо решил не связывать свое будущее с военной карьерой. За два года службы я имел возможность увидеть многих офицеров, изучить их быт и пришел к убеждению, что личная свобода дороже любого офицерского звания. Незавидная участь находится между двух огней: сверху командир-самодур, снизу - матросы, за провинности которых в первую очередь отвечает их командир. Поэтому, ещё до начала приемных экзаменов, я забрал свои документы и отправился назад, в Севастополь. Когда я приехал туда, то оказалось, что наш миноносец модернизации не подлежит, а будет списан и порезан, и экипаж перевели на бывший крейсер "Ворошилов", превращенный в опытный корабль-ракетоносец. Нас поселили в полуэкипаже возле Малахова кургана. Мы несли караульную службу и работали на стройке, возводили "хрущовки" для бесприютных офицеров. Я периодически отправлял письма в Москву, но ответа не получал. И вот, наконец, в начале 1959-го года приходит долгожданный ответ.

Москва, 19.02. 1959.

Дорогой Борис!

Я - жив курилка, но все еще на больном положении. Видимо, придется прожить месяца три-четыре на свежем воздухе на даче под Москвой, чтобы придти к какой-то норме.

Мне очень понравились Ваши мысли об образовании современного поколения - все эти перепевы старых мелодрам, которые вечны только в отношении общечеловеческих эмоций, но, конечно, никак не интеллектуальной обстановки. Еще очень мало людей понимает, что произошла серьезнейшая революция в смысле величайших возможностей человека, данных ему наукой - однако в обе стороны - и для взаимоистребления тоже. Поэтому, все прежние аспекты на мир и жизнь должны быть пересмотрены в ближайшие десятилетия. Пострадаем и мы, романтики - надо понимать, что будущее Земли - в больших скоплениях людей, в отсутствии одиночества и неизвестных таинственных мест. Так, по крайней мере, на ближайшее время. Но романтика - удел людей "вежественных", как очень хорошо определил Паустовский, и перед ней - весь Космос, а на Земле - её прошлое.

В общем, Вы - молодец, умеете думать и многое из того, о чем Вы размышляете, близко и мне.

Рассказ Вашего отца очень интересен и вполне вероятен. И меня вдруг осенила такая мысль - почему бы Вам не попробовать написать об этом рассказ? Фантазия у Вас богатая, подробности, какие нужны, додумаете, ну, а что касается языка - дело наживное, все равно учиться надо. Я кое в чём помогу... Попробуйте, чёрт возьми!

Кстати, интересная новость - в Вильнюсе в прошлом году вскрыли огромные подвалы доминиканского монастыря, основанного еще в XIII веке. Там оказались груды трупов - именно не скелетов, а хорошо сохранившихся трупов в одеждах, с карманами полными вещей. Нижние трупы в каждой из куч /подвалы были заполнены доверху/ слежались уже в плотную, нераздельную массу, но верхние сохранились так хорошо, что писатель, которого пустили лишь в самый верхний из подвалов, увидел потрясающее выражение страдания на лице женщины, лежащей на спине, прижимая к себе ребенка.

Оказалось, что во время великой чумы XVII века, доминиканцы исполняли роль братьев милосердия, но умерших было так много, что невозможно было их закопать.

Тогда пришли к решению сбрасывать их в глубокие подвалы монастыря через люки, а перед люками круглые сунки горели огромные костры, через которые бросали умерших. Заполненные подвалы были замурованы и так стояли более трёхсот лет. Теперь не знают, что с ними делать - вероятно придётся замуровать и снова оставить ещё на много столетий. Видите, и в наши дни случается много интересного из исторического наследия. А под Львовом во вновь открытом месторождении серы нашли отлично сохранившиеся в сере трупы мамонтов, носорогов и ещё какого-то зверя, не помню точно, тоже в прошлом году.

Но, однако, пора заканчивать. Кстати, исправьте в своём экземпляре "Сердца Змеи" грубую опечатку, допущенную мной - атомы углерода, кислорода и фтора имеют соответственно шесть, восемь и девять электронов вокруг ядра, а я как-то написал вдвое больше, а потом болел и некому было исправить. Досадно, но что ж поделать...

Все мои - Елена Дометьевна, Тася и Аллан шлют Вам приветы. Приезжайте как-нибудь в Москву на отпуск или, может быть, у Вас там есть какие-нибудь отпускные дни, вроде отгулов.

С искренним уважением и приветом!

И.А. Ефремов.

Абрамцево, 16.06. 1959. /почтовая открытка, Индия, мавзолей императора Акбара Сикандра/.

Дорогой Борис! Пусть этот кусочек замечательной и заманчивой Индии обрадует Вас в последний год службы! В этой стране Вы должны побывать, кровь из носу!

Не собираетесь ли Вы в отпуск, как в прошлом году? Тогда обязательно заезжайте. Если никого не застанете на квартире в Москве, то адрес посёлок академиков Абрамцево, дача 39. Ехать по Северной ж.д. дачным поездом /Загорским/ до платформы 55 километра, оттуда идти через "генеральский" посёлок до деревни Глебово, там покажут, как пройти в посёлок академиков, всего 2,5 км. Приезжайте!

Всё семейство Вас приветствует.

Ваш И. Ефремов.

Абрамцево, 09.08.59. /почтовая открытка "Иванушка и Сивка-Бурка"/.

Дорогой Борис! Жаль, что в этом году у Вас не вышло отпуска - посмотрели бы много интересных книг у меня. Я по-прежнему живу мирно под Москвой и даже в Китай в этом году не поеду - здоровье не позволило. Вам попались книги Картера о раскопках гробницы Тутанхамона? Чрезвычайно интересная вещь. Сейчас, 30 лет спустя, вышло второе её издание и я мог бы послать книгу Вам.

С приветом от всех моих и уважением! И.Ефремов.

Абрамцево, 15. XI. 59. /почтовая открытка с изображением бронзового Льва/.

С прошедшим праздником! Дорогой Борис!

Рад был, наконец, получить письмо, а то мы все стали уже беспокоиться - не загнали ли Вас в тартарары? Но, по видимому, все идёт как надо и Вы молодец, что не сдаётесь с занятиями. Хоть и трудно, а что поделать? Относительно дальнейших дел, о которых Вы спрашиваете совета, я бы рекомендовал погодить - там видно будет, что лучше - история или география. Но что совершенно очевидно, необходимо и неизбежно - это английский язык, при всех прочих равных условиях, как то говорил В.И. Ленин... Ваш брат заходил ко мне один раз, конечно, не застал, потому, что я живу сейчас /на время своей временной инвалидности/ за городом. Больше не появлялся. Однако, он, конечно, совершил подвиг, одолев такой конкурс!

Пишите чаще. Скоро выйдет сборник из двух старых и трёх новых моих рассказов и, думаю, что к Новому году пошлю Вам.

Привет Вам от меня и всего семейства, которое Вас хорошо помнит и которому Вы нравитесь. Ваш И. Ефремов.

Абрамцево, 21.06.60.

Дорогой Борис!

Я давно не писал Вам - по причине различных событий и вообще - по усталости от бесконечной переписки с читателями, набившей мне оскомину на всякие письма.

Все мои очень жалеют, если Вы действительно проедете "мимо" Москвы и мы не повидаем без пяти минут штурмана дальнего плавания. А, может быть, измените свой маршрут дня на два?

Правда, если это будет осень, то сына уже можете не застать - он кончил университет, сейчас находится в лагерях, и в сентябре поедет к месту назначения в город Фрунзе /Киргизия/.

В общем, я жалею, что в свое время не проявил решительности и не настоял на его поступление в мореходное училище, вместо университета. А то за 6 лет своего пребывания в университете /он брал годовой отпуск по болезни/ сын обленился и зажилел, наукой он не интересуется, а перспективы работы в геологии без увлечения наукой вовсе не столь интересны, чтобы из-за этого стоило шесть лет корпеть /впрочем, он и не корпел очень-то!/.

Очень рад, что Вы, наконец, покончите со службой. А то в последних письмах у Вас явно сквозит усталость - разумеется, нелегко и служить, и учиться, особенно, когда служба уже начала надоедать - это нетрудно понять при Ваших разнообразных интересах.

Ну, всё в жизни имеет свой конец!

Пишите, как там идут дела с Вашим учением и отпуском. Когда более или менее определённо Вас будут отпускать. И вот еще что - если понадобятся некоторые гильдены, пиастры или гинеи, чтобы осуществить беззаботный заезд в Москву, пожалуйста, не стесняйтесь мне об этом написать. Я в любой момент могу Вам послать оные. Все семейство желает здоровья и скорейшего окончания службы! С сердечным приветом:

И.Ефремов.

Москва, Большой Спасоглинищевский переулок, 6, кв. 18.

Талон к почтовому переводу на 500 рублей.

Дорогой Борис! Если сумеете заехать, то ночлег будет обеспечен у меня на даче, куда Вам и придётся поехать, чтобы повидаться. С приветом и уважением

И.Ефремов.

Этот почтовый перевод /по тем временам сумма немалая/ я получил в Севастополе в начале августа 1960 года, а в конце августа у меня закончился срок службы. Я радовался, что уеду на восток и через Москву, где смогу повидаться с Иваном Антоновичем.

Письма, которые я получил от Ивана Антоновича за время прохождения службы, помогли мне многое узнать и осознать, а также сверить свой курс. Отечественные наставления Ивана Антоновича помогли мне избежать многих ошибок, прибавили уверенности и сил. На последнем году службы я получил разрешение от командира крейсера Скрипниченко на посещение судоводительских курсов, созданных Сацуком при УВСГ, которые успешно закончил, получив диплом судоводителя маломерных судов до 200 регистровых тонн.

Читая предложение Ивана Антоновича начать писать рассказы, я взялся за перо и таки написал несколько, но, посчитав их слабыми, послать в журналы не решился. Не помогли даже его комплименты в мой адрес, высказанные в письмах /Вы - молодец, умеете думать..., фантазия у Вас богатая" и т.п./ . Я понимал, что мне предстоит еще много поработать над собою и своим языком, чтобы созреть до уровня хотя бы посредственного писателя. Я понимал, что никакая помощь со стороны маститого писателя не позволит мне выйти в число тех, чьи книги идут нарасхват, если я сам не создам себя.

Летом 1960-го мой старший брат Петр поступил в Литературный институт имени Горького. Я не преминул поставить об этом в известность Ивана Антоновича, который назвал это подвигом - конкурс на одно место в этом институте был около полусотни абитуриентов. Я решил познакомить Петра с Иваном Антоновичем. И вот в один из моих приездов в столицу я их все же познакомил.

...Мы сидим в комнате Ивана Антоновича, ведем беседу. Петр ему явно пришелся по душе. Разговор переходит на литинститут, конкурс. Петр рассказывает такой эпизод:

- Среди поступавших была талантливая девушка, способная начинающая поэтесса. Когда в коридоре вывесили списки поступивших, она не нашла там своей фамилии. Не прошла по конкурсу. Это известие так поразило девушку, что она разрыдалась возле стенда со списками. В это время по коридору проходил председатель приемной комиссии, известный на всю страну. Он остановился, подошел к плачущей девушки, успокоил ее и повёл за собою в помещение, где располагалась приёмная комиссия. В результате она была зачислена в институт. Доброе дело было сделано.

Но вот что произошло дальше. Студентка решила отблагодарить своего благодетеля. В выходной день она покупает билет и едет в Переделкино, где находится дача писателя. Приехала, нашла дачу и высматривает через щель в заборе, когда во дворе появится хозяин. Наконец, он появился. Девушка преодолевает забор, бросается на колени и целует руки писателя. Тот вызывает милицию, девушку увозят и дают ей пятнадцать суток за хулиганский поступок. Оказывается, прыгая на газон, она сломала какой-то экзотический цветок, посаженный там. Выйдя через пятнадцать суток, "хулиганка" приезжает в общежитие и вешается...

Петр закончил свой рассказ. Воцарилось молчание, которое нарушает зычный голос Ивана Антоновича:

- Сволочь!

Таков был его приговор "благодетелю" и с ним мы единодушно согласились...

Иван Антонович всегда и везде говорил то, что думает. И это в то время, когда нас всех приучили думать одно, говорить другое, а делать третье. Если на Западе Герберт Маркузе сетовал, что у большинства жителей Западной Европы наблюдается раздвоение сознания, то у нас тогда уже было растроение, которое в конце концов привело к кончине советской власти, а затем и к развалу СССР. И сегодня, когда я вижу на экране телевизора бывших президентов Украины Кравчука и Кучму с трепетом устанавливающих зажженную свечу у иконы в храме, мне становится стыдно и противно. Стыдно, что нашими партийными вожаками были такие беспринципные люди, а противно потому, что скольких товарищей по партии они наказали строгим выговором с занесением, либо исключением из рядов партии только за то, что кто-то из близких крестил их детей в церкви....

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ

26 августа 1960 года. 18 часов 15 минут. Москва. Курский вокзал. Я схожу с поезда Симферополь-Москва и добираюсь до Ярославского вокзала. Три часа провожу в очереди у камеры хранения. Каждые 30 минут звоню по телефону-автомату сестре Любушке. Ответа нет. Потом выяснилось, что в этот вечер телефон у нее не работал. В 21.50 сдал чемодан на хранение. На улице ночь. Людей - тьма. Сидят на полу в зале ожидания и на тротуаре. Любит Россия ездить! О билете до Владивостока сейчас и думать нечего. Это потом. Сейчас главное - ночлег. Где искать этот Краснокурский проезд? Узнаю: надо ехать на метро до станции "Бауманская". 23.00. Пью чай и смотрю телевизор. Как выросла Наташа, моя племянница! А сестра Люба почти не изменилась. Шурин Иван Васильевич, слушатель бронетанковой академии, на сборах в Нарофоминске.

На следующий день звоню Ивану Антоновичу и под вечер направляюсь к нему. Высокий, крепкий мужчина встречает меня с распростертыми объятиями.

- Сейчас явится профессор, ваш тезка с косматыми бровями. Но вы его не бойтесь, он добрый, - смеясь, рокошет Иван Антонович,

21.00. Мы сидим за столом: профессор Б.В.Родендорф, доктор наук и писатель И.А. Ефремов, академик Ю.А. Орлов и старшина второй статьи, моряк-черноморец Борис Устименко. Пьем ром. Весело и хорошо. В 23.00 звоню Любе: остаюсь ночевать. Не отпускают. Аллан в Крыму, его комната свободна.

На следующий день едем в клинику Академии наук на Калужском проспекте, где находится на лечении супруга Ивана Антоновича Елена Дометьевна. Она искренне рада нашему визиту, рада, что я закончил службу, рада, что ей стало лучше. Радуемся и мы. Весь вечер я провожу в беседе с Иваном Антоновичем. В три часа ночи ложусь спать опять в комнате Аллана. Перед сном читаю книгу "Доктор Чёрный".

28 августа разъезжаю по Москве, а 29-го с Иваном Антоновичем и Таисией Иосифовной отправляемся на ВДНХ. После просмотра павильонов берем билеты в кинотеатр, где идет фильм "Бабетта идет на войну", замечательная кинокомедия с Бриджит Бордо. Иван Антонович смотрит этот фильм второй раз, ради меня, но с удовольствием, много смеется.

На Калининском проспекте находится большой магазин "Военторг". Едем туда. Таисия Иосифовна покупает мне в подарок фланелевую, в зеленую клетку рубашку, две тарелочки и две чашечки из мягкого пластика. Эти подарки мне вручаются 31 августа в одиннадцать часов дня. Милые, добрые люди! Как мне пригодились эти подарки в пути и на Сахалине! Одну пластиковую тарелочку я храню до сих пор. Прощальные поцелуи, я спускаюсь по лестнице, а Иван Антонович и Тася стоят на площадке, машут руками и долго смотрят мне в след. Я тронут до слез...

16.10. Ярославский вокзал. Поезд № 42 Москва-Владивосток отправляется. Меня провожают сестра Люба, брат Петр и племянница Наташа. Петр поступил в Литературный институт имени Горького и приехал к началу учебного года. Он идет вслед поезду и машет из толпы рукою. Поезд, залитый солнцем, набирает скорость. Я стою в тамбуре. Все дальше остаются дом, Москва, родные люди, Иван Антонович. Впереди неизвестность. Промелькнул 55-й километр. Сюда, на дачу, меня приглашал в письме Иван Антонович год тому назад. Поезд втягивается в полосу дождя. Теперь можно идти в вагон располагаться. Я читаю "Охотник" Хантера, который всю жизнь охотился в лесах Кении. Эту книгу и еще "Занзамбуку" Льюиса Кетлоу мне подарил на прощанье Иван Антонович.

Вечером 9-го сентября в лучах закатного солнца я увидел Владивосток. Конец 9000-километрового пути. Позади остались горы, реки, тайга, Байкал, степи Даурии и леса Приморья. Передо мною возникли огни незнакомого, но такого близкого сердцу города. Огни судов в Амурском заливе, виадук, запах морских водорослей, гудки паровозов, бухта Золотой Рог и он самый, Его Величество Океан, Тихий и Великий! Как странно, что я мог прожить жизнь, как и множество других людей, не повидав его!..

Два дня, до отхода парома "Забайкалье", я знакомился с городом, ночевал на пароходе "Днепрострой" и днем 13 сентября 1960 года в порту Корсаков ступил на сахалинскую землю.

Возможно, кому-то покажется странным мое утверждение, что самые счастливые годы моей жизни - это шестилетний сахалинский период. Работая в Сахалинском морском пароходстве, я получил возможность совершить кругосветное плавание, побывать в Арктике и тропиках, провести два месяца на Кубе и полтора года в Гданьске /Польша/. В 1964-м году я поступил на заочное отделение журналистики Дальневосточного университета, начал печататься в газетах "Магаданская правда", "Советский Сахалин", "Сахалинский моряк", "Водный транспорт" и в журнале "Морской флот". Я стал моряком, уверенным в себе и целеустремленным. Поэтому, позже, работая корреспондентом в газете "Советский Измаил", после публикации в которой я был вызван на ковер к первому секретарю горкома партии Гурскому, я смело отстаивал свою позицию, на что он мне заметил, что с такими взглядами мне недолго оказаться с берегов Дуная на берегах Амура.

- Лучшие воспоминания о прожитых годах у меня связаны с Сахалином, - ответил я партийному боссу, чем не только удивил, но и успокоил его. И это была святая правда. Кроме всего прочего, я за эти годы смог прочесть горы книг и преуспеть в изучении английского языка, на котором даже пытался писать стихи, подражая Бёрнсу и Киплингу.

В школе мне пришлось учить немецкий язык. Преподавал его старый еврей Ефим Зиновьевич, глуховатый и подслеповатый. Войдя в класс, он спрашивал: вэр ист хойтэ орднер? Их бин хойтэ орднер, отвечал я, дежурный по классу. Где Иванов? Иванов болен! А где Петров? Петров пасет корову. Это я уже говорил по-русски, потому что я еще знал, что больной по-немецки будет кранк, а как будет пасет корову, не знал ни я, ни мой учитель. Три года мы зубрили грамматику, а вот как будет по-немецки "я хочу пить" мы не знали, даже окончив семилетку.

Выйдя на морские просторы, заходя в порты Японии, Китая, Австралии, Индонезии мы, моряки, повсюду слышали английскую речь, поэтому пришлось взяться за изучение этого языка основательно, а воля и труд человека, как это отмечал Некрасов, дивные дива творят. К тому же мой наставник Иван Антонович настойчиво напоминал мне о необходимости, овладеть английским языком. Не случайно, первое письмо, полученное от него мною на Сахалине, было написано по-английски.

Москва, 26. XI. 60.

Дорогой Борис!

Рад слышать о Вашем успехе с мореходством. Удивительно, но 35 лет тому назад я молодым матросом направился в дальневосточные моря. Так же, как и Вы, я хотел увидеть Японию. Я имел счастье побывать, хотя и непродолжительное время, в этой стране и познакомиться с чрезвычайно милой девушкой. Она была моей возлюбленной четыре дня /и ночи/ и я буду помнить о ней до конца своих дней...

Тася послала Вам в этом конверте несколько снимков Иммы Сумак, имевшихся у нее, а также подборку кинозвезд.

Напишите мне теперь, пожалуйста, сколько времени Вы потратили на прочтение этого письма. Я желаю Вам скорейшего овладения английским языком. Мне кажется, что это будет иметь огромное значение для Вас и ещё более раздвинет горизонты и расширит представления в будущем.

Привет и лучшие пожелания от всей моей семьи!

Искренне Ваш И. Ефремов.

К письму приложен список авторов детективных романов. Против фамилии Микки Спиллейн и Питер Чейкей стоят крестики с пометкой внизу "Ай лайк морэ тхэм атхерс" - я предпочитаю их другим.

Получив это письмо, я в середине декабря направил Ивану Антоновичу новогоднее поздравление, вложив в конверт набор красочных японских открыток, подаренным мне

другом Анатолием Матвеевым, с которым служил я на крейсере "Ворошилов". Толя на год раньше меня демобилизовался, уехал на Дальний Восток и уже ходил за границу, откуда и привез эти замечательные цветные открытки с видами японских городов, горы Фудзияма и цветущей сакуры. В ответ я получаю в январе 1961 года, письмо от Ивана Антоновича снова на английском языке.

Москва 4.01. 61.

Дорогой Борис!

Я жду с нетерпением Ваше красочное описание празднования Нового года в "Золотом Роге". Много лет тому я также провел там несколько ночей с крепкими выпивохами, но без девушек...

Несколько замечаний относительно Вашего английского языка. /Следует разбор нескольких предложений/. Вскоре я подыщу Вам хорошую книгу на современном английском языке и перешлю авиапочтой. Хорошо, что у Вас есть такая жажда знаний. Спасибо за открытки с японскими девушками и новогоднее приветствие. Между прочим, этот год довольно интересен. Напишите, пожалуйста, 1961 и переверните вверх килем. Ну, как? Это, конечно, суеверие, но этот год будет либо хорошим, либо плохим - или... или...

Алан женился на очень хорошей девушке и я вскоре буду дедушкой. С удовольствием узнаю о Вас и Ваших новых испытаниях. Старайтесь писать по-английски. Привет от всей моей семьи. Они желают Вам сил и удачи!

Искренне Ваш И. Ефремов.

Москва, 12.02.61.

Дорогой Борис! Только что принесли присланные Вами открытки. Они очень красивы и хороши, однако, наверняка - дорогие. Так что не увлекайтесь очень-то подарками, Вам еще самому надо многое - и вдобавок возраст такой, когда возрастают расходы по женской линии даже при самом скромном поведении - все же надо водить девушек в театры и потанцевать, и поучаствовать в вечеринках...

Послали Вам вчера портрет очаровательной нагой японки - напишите, как получите, одобрили ли?

Завтра пошлю Вам вместо "Острова Сокровищ" другую книгу, по-моему не менее интересную, а написанную ещё более простым, добротным английским языком, хотя и устарелым, но все же менее, чем язык Стивенсона. Это "Квин Шабас Ринг" /Кольцо царицы Савской/ Райдера Хаггарда. Она подписана мною, но это подарок - владейте ею и читайте, а при встрече спрошу отчёт - потребую рассказать своими словами. Осилите - будет ещё. Все мои шлют Вам сердечные приветы и добрые пожелания, я, конечно, - тоже.

С искренним уважением И.Ефремов.

Бандероли с книгами часто приходили на Сахалин от Ивана Антоновича. Как правило, это были его произведения: "Туманность Андромеды", "Час Быка", "Лезвие Бритвы", "Таис Афинская", книги английских и наших авторов. Однажды он порадовал меня двумя солидными томами "Учебного пособия для штурмана малого плавания" с дарственной надписью "Будущему штурману - от бывшего". Правда, пособие это было прислано мне в Севастополь в канун нового, 1958 года, когда я начал заниматься на судоводительских курсах и очень пригодилось в процессе учёбы. Несмотря на солидный объем и вес обоих томов, я не расставался с ними все эти года, меняя суда и порты. И сегодня я бережно храню этот дорогой для меня подарок.

Москва, 13.02.61.

Дорогой Борис!

Я получил Ваше письмо, которое меня очень тронуло и особенно тем, что открытки не были, как я предполагал, куплены /и за что я делал Вам даже маленький упрёк в уже отправленном вчера письме/, а подарены для меня Вашим другом. Поблагодарите Толика от всей души и скажите, что он меня очень порадовал открытками: и я, и моя семья любовались и продолжаем любоваться. Однако, будет справедливо, чтобы я, полюбовавшись открытками, быть может не одну неделю, послал их Вам обратно. Очень приятно вспомнить былое, но ведь я нахожусь в несравненно лучшем положении, чем оба вы в отношении получения всяких книг, открыток и фотографических снимков. Вспомните хотя бы мои американские журналы, которые Вы так и не успели поглядеть. Поэтому будет справедливым, чтобы открытки вернулись к вам обоим и доставили Вам к Вашим друзьям и девушкам не меньшее удовольствие, чем мне. Значит, так?

Вы молодец, что упорно овладеваете английским языком - сейчас Вы даже не можете, как следует, оценить, как он Вам пригодится в будущем! Могу дать совет - не увлекайтесь очень зазубриванием грамматики - она придет постепенно, когда Вы, овладев самыми ее основами, станете читать побольше английских книг. Я Вам буду посылать понемногу какие-нибудь потрясающие детективы, но это уже после того, как Вы освоите более простой язык, потому что детективы-то большей частью - американские, с примесью сленга и потому - трудночитаемы.

Если верить тибетским предсказаниям, то поскольку семнадцатый цикл лет по их календарю - белый, в который мы вступим, будет тяжелым для жизни всех народов. Этот белый или железный цикл начнется, не помню, с 1962 или с 1963 года, надо будет выяснить. Поэтому надо думать не только о далёком будущем, но и развлекать себя в настоящем - хорошими книгами, хорошими людьми. Кроме шуток, смотрите не переработайтесь, иначе, получив "брокен брен" по терминологии американских учёных, трудно будет снова вернуться к занятиям. Посему будьте и в хорошей физической форме, работайте умственно с перерывами.

Ну, ещё раз всего хорошего, будьте здоровы и счастливы!

И. Ефремов.

Москва, 27.05.61.

Дорогой Борис!

Большое спасибо за неожиданную посылку "морского" платочка. Я давно не писал Вам /да и не получал ничего от Вас/, думая, что Вы где-нибудь надолго в рейсе. Да и писать пока не очень радостно, так как Елена Дометьевна очень сильно больна, уже третий месяц в больнице и пока еще нет выздоровления /тяжёлая декомпенсация порока сердца/. Поэтому все планы жизни и работы нарушились и я привязав к Москве, сижу в городе и занимаюсь пустяками - серьёзные вещи как-то не идут. Тасенька тоже не вполне здорова - у нее обнаружилось заболевание кровеносных сосудов и надо ее серьезно опекать и лечить. Собирался поехать в Японию в связи с изданием там моих книг, но вряд ли сейчас что получится...

Аллан из-за болезни матери еще с прошлого года не поехал по распределению, остался в Москве и долго не мог найти работу, разжирел, обленился и я не раз пожалел, что разрешил и поспособствовал ему пойти на геологию - надо было его направить в честные моряки - настоящая работа для настоящего мужчины и в коллективе корабля его природная лень постоянно бы исправлялась. Но сейчас уже после драки что махать кулаками! Сейчас он устроился в Якутскую экспедицию, поедет на Алдан и вместе с женой, так что в этом смысле как-будто дело направилось. Вот и все наши небольшие и невесёлые новости.

Как идёт Ваш Инглиш? В следующий раз напишу по-английски, а как прочтёте "Кольцо царицы Савской", пришлю вещь посложнее, про моряков. Все мои шлют Вам

сердечные приветы и лучшие пожелания. Тасенька благодарит за платочек, он ей очень понравился... Она спрашивает, не прислать ли ещё "красавиц" из киножурналов?

Пишите, не пропадите надолго.

Искренне Ваши И.Ефремов.

Москва, 27.06.61.

Дорогой Борис!

Наши печальные настроения совпали даже во времени. У Вас общая и вполне понятная меланхолия усиливается тем, что вы начитались греческих эпиграмм. Они сами по себе великолепны, но надо помнить, что те из них, которые пронизаны такой великолепной и прозрачной грустью, писались во время явного упадка древнегреческой культуры и столкновения ее с безотрадной /с их точки зрения/ христианской религией, да и прямого угнетения эллинской духовной свободы новым варварским холуйством и низкопоклонством Византии и позднего Рима. У нас сейчас тоже - духовная культура XIX века, гуманистическая и интернациональная /т.е. то самое лучшее, что мог породить капитализм/, продолжавшаяся и в начале нашего века и в конце-концов воспитавшая всех нас, людей книжных и умствующих, столкнулась с суровой озлобленностью, нарастающим национализмом и военной опасностью, неустойчивостью и неустроенностью, в которых рождается новое общество /ещё не давшее лучшего гуманизма своего, вернее, его лучшего выражения в культуре/. Но нам надо помнить, что меланхолия, хотя и естественна, но всё же в данном случае, ретроградна. Поэтому грустить стоит лишь одной своей половиной, той, что устремляется к сохранению прошлого, а другой все же мечтать о будущем. Одно поправит другое, сдержит и обуздает, прояснит...

В общем, дела морского Вам бежать не надо - после овладения им оно даст Вам главное - резерв времени на думы, чтение и занятия, больше чем какая-либо другая профессия. А это важнее, чем тот или другой диплом, сейчас, пока молоды "милость богов" - хорошая память - еще остра и сильна. С остальным - успеете. А когда Вы собираетесь получить "дальнюю" мореходную книжку? Всё же на Сахалинской линии не стоит слишком долго задерживаться - навигацию, ну, самое большее - другую и хватит.

Английский обязательно продолжайте - во что бы то ни стало держите курс на запад /руководство для парусников при огибании Горна с востока на запад/. А я позабочусь об интересных книгах для чтения.

У нас в семействе деле неважны. Елена Дометьевна болеет пятый месяц и все ещё не становится ей лучше. Мы с Тасей взяли её из больницы, где бы она иначе погибла, и понемногу, очень понемногу ее выхаживаем. Но, конечно, все планы работы и отдыха полетели прахом и ничего я не сделал за этот год. Аллан уехал на Алдан до ноября вместе с молодой женой. Вот почему я стал редко так писать Вам - никак не справлюсь ни с какой работой и с перепиской тем более.

Псылаю Вам красавицу Лив и снимок с греческой вазы, а также интересные стихи, написанные одним саратовцем после прочтения моей "Дороги ветров". Они неполностью напечатаны в последнем номере "Техники-молодёжи"

Большой Вам привет и лучшие пожелания от Таси и от меня. Елена Дометьевна тоже просит передать Вам привет и добрые пожелания.

Ваши И. Ефремов.

Выходит, не зря американцы считают своим девизом "Кип смайлинг!" - смейся! Каждому из нас жизнь подбрасывает на своем пути множество поводов для разочарования, грусти, болезненных раздумий. Не обошло это и меня. Работа на судах Сахалинского пароходства довольно быстро избавила меня от романтической настроенности. Ночные рейсы на небольшом пассажирском судне "Оха" через Татарский пролив в порт Ванино и обратно были однообразны до того, что не раз я сам себя спрашивал - куда мы идем? На Сахалин или на материк? Потом работа на паровых судах

"Николай Бошняк", "Александр Баранов", "Ярославль", перевозивших уголь на Магадан и Камчатку с прибрежных шахтерских поселков Сахалина по зимнему Охотскому и Берингову морям, угнетали своим однообразием и болтанкой. Открытие визы на заграничное плавание и получение "дальней" мореходной книжки затягивалось неизвестно насколько долго из-за того, что во время войны я находился на оккупированной немцами территории, а отец и брат Петр были угнаны на работу в Германию. Посещение "тех дальних и солнечных стран" откладывалось на неопределённое будущее. Рядом со мною работали ребята, чьи отцы погибли на фронте, но вместо похоронки им пришли стандартные дурацкие извещения "пропал без вести". А это означало, что твой отец мог оказаться в живых и изменить Родине. И работали эти парни в каботаже десять и двадцать лет без всякой надежды побывать на том же острове Хоккайдо, сопки которого невооруженным глазом четко просматривались с судна, следующего проливом Лаперуза.

Естественно, у меня появилось желание сменить место работы и саму работу, о чем я доверительно сообщил в письме своему наставнику. Иван Антонович проникся моим настроением, разделил его и выразил свое сочувствие, а его наставление "дела морского Вам бежать не надо" удержало меня от скоропалительных решений. К счастью, потому как я не представлял где и чем я мог бы заняться, уйдя с моря. Это еще раз убедило меня, что в жизни не следует принимать поспешных решений, тем более судьбоносных. Именно в эти годы торговый флот СССР начал стремительно расти, появилась острая потребность в плавсоставе, да и "хрущевская оттепель" вынудили органы поубавить требовательность к анкетным данным при открытии виз. Открыли визу и мне, а в 1964 году я успешно сдал экзамены в Дальневосточный государственный университет и был зачислен на заочное отделение. Так, благодаря совету старшего друга, я совершил кругосветное плавание на лесовозе "Сахалинлес", полтора года провел на ремонте судна в Польше и приобрел вторую профессию - журналиста, которая не только увлекла меня, но дала возможность получить квартиру и иметь работу после выхода на пенсию, в то время как мои одноклассники-моряки были лишены этой возможности.

Москва, 7 августа 1961 года.

/почтовая открытка: селение на берегу реки/.

Дорогой Борис!

Горько сообщать Вам о постигшей нас большой утрате. 1-го августа умерла Елена Дометьевна. Большие пять месяцев шла борьба за её жизнь и окончилась нашим поражением. Болезнь была тяжёлой и она очень страдала, но лишь под конец милость судьбы дала ей мгновенную и внезапную смерть, так что она не успела осознать, что умирает. Но для нас это было ещё тяжелее. Теперь многое стало ненужным и несостоящим. Сын не успел прилететь из Якутии и прибыл только после похорон. Мы с Тасей сейчас хотим поехать куда-нибудь. Она передаёт Вам привет.

Искренне Ваш И.Ефремов.

Москва. 12.12. 61.

Дорогой Борис!

Я, как всегда, рад Вашему письму, но что-то в нём мне не понравилось. Может быть потому, что оно написано в приступе меланхолии. Мне кажется, что Вы - нетерпеливы. Впрочем, это свойство характерно для всей современной молодёжи. Конечно, если есть возможность перевестись на другое море, то от перемены мест ничего плохого не будет, но, в то же время где-то ведь надо зарабатывать и стаж, и рабочую репутацию. А такие вещи за один год не приобретаются. Поэтому, меня несколько не удивило бы, если Вам не дали бы так скоро визу, в рассуждении, чтобы ещё годик-два поплавали бы каботажем. Здесь не было бы ничего порочащего Вас и в отношении к Вам.

Что до Иссык-Куля, то будьте осторожнее. Если это озеро в самом деле морской испытательный полигон, то после работы на нём Вам придётся ставить крест на любом заграничном плавании, исключая военное /между нами, девушками/.

Идея насчет поступления в Литературный институт мне совсем не нравится и Ваше отношение к ней мне кажется правильным. Научить человека писать сочинение по заказу можно, сделать его писателем нельзя. Это надо только самому и самому. Если смотреть на Литературный институт как на место повышения образования, то это образование годится, в основном, для критиков и литературоведов. В этом случае Литературный институт - оправдан, но ведь Вы, кажется, не собираетесь стать ни тем, ни другим.

В общем, спешить Вам некуда, а писать понемногу это надо даже в обязательном порядке. Используйте Ваши сюжеты. Очерк о "Нэнси", если он готов, пришлите мне. Буде он годится, я передам его в географический альманах "На суше и на море".

Моя жизнь сейчас без оседлости. Мы с Тасей ездили на Волгу и в Ленинград, а сейчас я приболел немного. Сын еще до сих пор не вернулся с Алдана из экспедиции. Хочу как можно скорее поправиться и уединиться за городом, чтобы крепко засесть за писание. Большой привет Вам и добрые пожелания от Таси и от меня. Во всех случаях не будьте, подобно большинству современных людей, суетны и суетливы, для настоящего моряка это не годится. Будьте здоровы!

Ваш И. Ефремов.

Абрамцево, 09.06.62.

/письмо на английском языке/.

Дорогой Борис! Я чрезвычайно рад был узнать, что Ваше долгое ожидание закончилось уже. Поздравляю!

Я буду ждать Вашего следующего письма с новостями о Вашем плавании на другом судне или на другом море. Как только я об этом узнаю, сразу же вышлю снимки девушек лучшего класса, чтобы они украсили Вашу новую каюту. Между прочим, Ваш английский мало впечатляет. Мне кажется, что это результат Вашего пренебрежения им, потому что у Вас есть много свободного от службы времени. За это я Вас виню немилосердно. Или, быть может, причина в неких тамошних тигрицах.

Мои лучшие пожелания!

Искренне Ваш И.Ефремов.

P.S. Если Вы теперь хотите взять правильный курс в английском, я пришлю новейшую чрезвычайно хорошую книгу "Зе Лост грейн рэйс" об одном моряке.

Москва, 22.XI. 62.

Дорогой Борис!

Что-то давно не слыхал ничего о Вас. Напишите, где Вы и как Вы, как английский, литературные попытки, прекрасные девушки?

Я переехал на новую квартиру, так что теперь адрес другой:

Москва, В-333, 2-Й Академический проезд, д. 4, кв. 40.

Телефона нет и будет не раньше, чем через полгода, так что если Вы вздумаете появиться в Москве - являйтесь лично.

Не помню уже, писал ли я Вам, что у Аллана появилась дочь Дашенька и я теперь дед, по какому случаю отпустил усы и похож, по мнению одних, на отставного полковника британской службы, а по других - на кавказского партизана. Все мои Вам кланяются и передают сердечные приветы. Пишите!

Искренне Ваш И. Ефремов.

Москва. 19.03. 63.

Дорогой Борис!

Получили мы с Тасей Вашу удивительную посылку. Тронуты оба чрезвычайно, и в то же время свирепо Вас ругаем - такая диалектика!

Тратить свои жидкие пиастры на такие подарки - право, не надо! Очень приятен Ваш заботливый знак внимания, но ведь он может быть выражен и в другой форме - ну, какую-либо забавную безделушку, ну, вот как эта пальма или шоколад, кокосовый орех там, ну, ром ямайский на самый роскошный конец, но ковры и кофточки - право же, Вы должны тратить на себя, а не на нас! Пожалуйста, примите во внимание сие полностью искреннее пожелание.

Послал Вам авиапочтой полезную книгу - "Инглиш фор симэн", сообщите, когда получите, что-то я не очень верю в нашу почту и можно будет повторить, пока книга есть в продаже.

Так рад был видеть Вас на фото на набережных и улицах Сингапура! Будто, исполнилась и моя мечта, и я сам там побывал - ведь Вы знаете, что Сингапур у моряков есть некая эмблема "настоящести" - был в Сингапуре - значит - моряк, не был - хоть из кожи лезь - не вышел в моряка летучей рыбы!

И, если ещё Вы были в Порт-Саиде, Коломбо и Шанхае - то значит уже ступали во всех главных экзотических портах мира - это само по себе стоит многих трудов и Петру никак с Вами не поравняться, даже ежели он напишет пьесу на Ленинскую премию.

Я только что закончил свой роман "Лезвие Бритвы" и едва жив, потому что писание сие оказалось непомерно громадным - сорок печатных листов, т.е. 1000 страниц машинописи. Читавшие весьма одобряют. Собираются напечатать сокращенный вариант в "Неве" /ленинградской/ и книгой в "Молодой Гвардии", если не помешают недавние события в литературе и искусстве, то я - снова на коне, как говорят братья-писатели.

Если Вы приедете в отпуск в июне, то прочитаете в рукописи. Напишите о своих планах и делах. Тася благодарит и бранит, как и я.

Самые Вам лучшие пожелание. Пишите скорее.

Ваш И.А. Ефремов.

Мир распахнул передо мною свои врата. Получив заграничный паспорт, я теперь мог побывать в местах, о которых раньше мог только мечтать. Естественно, захотелось не на словах, а предметно порадовать своего наставника и, покупая за границей на мизерную валюту разный ширпотреб, которого у нас тогда днем с огнём не сыщешь, я обязательно брал открытки, сувениры и другую экзотику, которая могла понравиться Ивану Антоновичу и Тасе. А то, что он по-отечески поругивал меня за это, не очень меня беспокоило.

Его книга "Лезвие Бритвы", которую Иван Антонович прислал мне на Сахалин в 1964-м году, явилась для меня не только увлекательным романом, но и информационной бомбой. Из нее я узнал столько нового и необычного, что голова пошла кругом. Впрочем, такое воздействие она имела не только на меня. Книгой зачитывались, ее искали, выпрашивали почитать. Стоило в обществе заговорить о ней, как тут же находились единомышленники, с которыми тут же завязывались прочные дружеские отношения. Она являлась мериллом настоящести и человечности в то время, как, впрочем, и фамилия автора.

Москва, 1 мая 1963 года.

Дорогой Борис!

Спасибо за красоту - кстати, есть предлог сказать пару слов о красоте женского тела. Вы ее ещё, по-видимому, не чувствуете, иначе сразу же заметили бы,

что сия красотка никуда не годится. Она - коротконогая /заставьте её мысленно опуститься с "цыпочек"/ и вислозадая с низко опущенной вислой грудью. Голова чересчур большая, как это бывает при подобном типе сложения, нередко - результат перенесенного в детстве рахита. Посылаю её Вам обратно, чтобы Вы смогли сравнить её с теми, какие при сем прилагаются - не наилучшие образцы женской красоты, но всё же великолепно сложенные, особенно Лита Милан и Россана Подеста.

Это будет очень здорово, если Вы получите такой долгой отпуск - сможете, как следует, приглядеться к сухопутной жизни. Напишите или телеграфируйте, когда Вы думаете быть в Москве, чтобы согласовать это с моими летними планами. Они пока таковы: к 10-му мая я окончу возню с первыми тремя частями романа и получу трёхнедельный перерыв, который думаю использовать для поездки по Волге, Астрахань - Москва и обратно. В самом конце мая вернусь в Москву и пробуду здесь примерно неделю или десять дней, чтобы закончить с четвертой частью романа, а затем поеду в Ленинград, примерно на месяц. В начале июля буду в Москве и никуда не поеду до осени, примерно в октябре съезжу в Крым. Вот Вам материал для размышления, когда удобнее Вам побывать у нас.

Очень здорово, что Вы усиленно занимаетесь языком и еще лучше, что с магнитофоном, т.е. у Вас будет настоящее произношение, не то, что у меня. Меня тут тоже соблазняют купить магнитофон, на который я запишу замечательные песенки Булата Окуджавы и другие. Вы привозите свой /или только катушки/ с японской музыкой - это будет очень здорово, я её люблю, а Вы запишите здесь кое-что столичное.

Тася Вам шлёт наилучшие пожелание. Она сохраняет для Вас талисман. Она хотела его послать бандеролью, но, если Вы после пятнадцатого будете выезжать с Сахалина, то посылка может затеряться. Лучше вручить талисман Вам здесь, по приезду. Мне не нравится, что у Вас какие-то истории с печенью - рановато, хлипкая теперешняя молодёжь! Ну, приедете, расспрошу, как следует.

Всего Вам самого наилучшего.

Ваш И.А. Ефремов.

P.S. Приедете - познакомитесь с коллекцией красок в альбомах - я и Тася собрали для художников.

И. А.

Москва. 16.08. 1963. /почтовая открытка, лиса, яшма/.

Дорогой Борис!

Сегодня перевёл Вам сто по этому же адресу /два слова в скобках неразборчивы/. Очень доволен тем, что занялся всерьёз лечением. Я только что вернулся из Ленинграда и сейчас завален кучей дел, накопившихся за полтора месяца отсутствия.

Сердечный привет от Таси и от меня.

Ваш И.А. Ефремов.

8-го декабря 1962 года на пароходе "Александр Баранов" я вышел в свой первый заграничный рейс Корсаков-Фусики. 16 декабря пришли на рейд Находки, 20-го снялись на Корсаков. Оттуда срочно вызвали в Холмск и отправили в Ленинград получать на Адмиралтейском заводе "Ледокол-2". Ходовые испытания закончили в Таллинне и 8-го января снялись в рейс. Прошли Ла-Манш, Бискай. В Гибралтаре взяли бункер и побывали на берегу. Порт-Саид, Суэц, Индийский океан, Сингапур, Цусимский пролив. 27-го февраля, обледенелые и измотанные штормом, вошли в бухту Золотой Рог и бросили якорь напротив мыса Эгершельд. Всю весну занимались проводкой судов в Татарском проливе и проливе Лаперуза. В мае полетел в отпуск. В Москве Иван Антонович настоял, чтобы я показался Мухину, известному гомеопату, которого часто приглашают на консультации в Кремлёвскую клинику. Мухин принял меня любезно у себя в квартире, на улице Герцена. Посмотрев анализы, увидел цифру 14 возле слова билирубин, покачал головой.

- Многовато, батенька, надо вам подлечиться...

Тут же собрал для меня кучу пеналов с крупинками гомеопатических лекарств, растолковал когда и что глотать и настоятельно посоветовал провести месячишко на минеральных водах в Трускавце. На столе целителя в рамке стоял портрет матроса с надписью на бескозырке "Аврора".

- Это вы? - спросил я

- Так точно! - ответил Мухин, и добавил: - Моряк моряка видит издалека!

В Москве я долго не задерживался. Остановился в общежитии Литинститута на ул. Добролюбова, где жил Петр. Был с ним в Литинституте, участвовал в работе семинара, который проводил Виктор Розов, автор сценариев нескольких фильмов, которые "крутили" у нас на судах. Познакомились. Он внимательно рассматривал мою блестящую нейлоновую куртку, потом спросил:

- Где вы приобрели такую одежду?

- В Сингапуре, на Малай-базаре, - ответил я.

- Вы слышали? В Сингапуре, - обратился Розов к студентам и многозначительно поднял кверху указательный палец правой руки. Взгляды всех присутствующих были устремлены на меня и я смутился.

Во второй половине дня мы с Петром отправились к Ивану Антоновичу. От метро "Октябрьская" ехали троллейбусом до универсама "Москва", напротив которого по ту сторону Ленинского проспекта начинался 2-й Академический проезд, дом ?4 /теперь ул. Губкина/.

Иван Антонович, Тася и Мария Федоровна /Енот!/ встретили нас с распростёртыми объятиями, как дорогих долгожданных гостей. Я прихватил в универмаге "Москва" бутылку бразильского рома и торт, поэтому застолье получилось тёплым и долгим.

Помню, я рассказал о том, как наш отец видел, как рабочие кирпичного завода в Корце, добывая глину, обнаружили в ней огромный человеческий череп. Собравшись в кружок, они вспомнили библейскую историю об единоборстве Давида с великаном Голиафом. Значит, когда-то на земле действительно жили великаны сделали они вывод и кирками разбили череп на кусочки. Отец подобрал один зуб и унес его домой. Потом, в церковно-приходской школе, услышав рассказ учителя о схватке с Голиафом, он заявил, что хранит его зуб. Учитель попросил принести зуб в школу. Он долго с удивлением разглядывал находку, потом достал золотую монету /десять рублей, в то время большие деньги, на которые можно было купить корову/, отдал ее отцу, а зуб оставил у себя. Потом учитель со своим учеником побывали на кирпичном заводе, спустились в карьер, где шла добыча глины. Поскольку со времени находки прошло несколько лет, никаких следов разбитого черепа они не обнаружили...

- У нас, когда я работал в Залещинском районе, однажды трактористы выкопали в поле каменный топор, - вспомнил Петр. - Они принесли топор в кузню и стали гадать, что прочнее, камень или железо? Чтобы решить спор, кузнец положил топор на наковальню, ударил молотом и топор разлетелся на кусочки.

- Железо прочнее! - довольно констатировали трактористы и отправились в поле продолжать вспашку.

- Сколько наука потеряла драгоценных находок из-за невежества людского! - с нескрываемой горечью подвел итог нашим рассказам Иван Антонович. - Не зря поэт Андрей Белый поделил людей на два лагеря: созидателей и разрушителей и, похоже, никакими методами воспитательного воздействия вторых не превратишь в первых!

Вечером Петр уехал к себе в общежитие, а я остался ночевать. Уложили меня в комнате, отведенной под кабинет Ивана Антоновича, где на стене висела необычная картина. На фоне багрового неба стоит, скрестив руки, одинокий космонавт возле разбитой капсулы космического корабля.

- Картина называется "Последний закат", - пояснил Иван Антонович. - Её нарисовал и подарил мне художник Белименко, бывший разведчик. Поскольку она наводит на грустные размышления, ему не разрешили демонстрировать картину на

художественных выставках, чтобы на фоне наших космических побед в сердцах посетителей выставок не зарождались сомнения в благополучном исходе полетов.

Перед тем, как уснуть, я прошелся возле книжных полок, которыми были в несколько этажей уставлены стены кабинета. На одной из них я узрел толстый фолиант с интригующим названием: "Международное тайное правительство". Автор - депутат Государственной Думы Шмаков. Год издания - 1913. Читая оглавления, я был удивлен названиями разделов: жид биржевой, жид газетный, жид политический. Поскольку я вырос в Бердичеве, еврейском городке, имея и друзей и соседей евреев, меня заинтересовало содержание этой книги и, неудивительно, что читал я её да самого утра. Эта книга открыла мне глаза, обнажила огромный пласт невероятно интересной и нужной информации, которая тщательно скрывалась от нас в советские времена. Это потом я уже искал и читал Генри Форда, Нилуса, Климова, Островского, Истархова, Емельянова, Ходоса, раздвинувших тяжелый бархатный занавес, скрывавший сущность сионизма.

Из Москвы мой путь лежал в Киев, где я провел несколько дней у Володи Шеляпо, с которым служил на крейсере "Ворошилов", оттуда поехал в Бердичев к родителям и в начале августа отправился в Трускавец. Возвращаясь оттуда в конце августа 1963-го года, заехал в Проскуров /ныне Хмельницкий/, чтобы побывать в местах, описанных Куприном в его замечательной повести "Поединок". В Деражне меня встретил наш судовой кок Леня Гнатишен и привез в село Рудня, где жила его мама. Несколько дней я провел в саманной селянской хате, возле реки и леса, где царят умиротворение, доброта и размеренный быт на фоне украинской природы.

В Бердичеве меня ждали открытка и перевод на сто рублей из Москвы от Ивана Антоновича, очередное проявление его заботы.

Возвратился на Сахалин в сентябре. Инспектор отдела кадров Яша Варламов обрадовал меня известием: зачислен в состав экипажа, улетавшего в Польшу, в Гданьск получать новое судно, лесовоз "Сахалинлес". В середине ноября мы прибыли в Гданьск. Приемка судна, ходовые испытания и первый рейс. Новый 1964-й год встречали в порту Абердин /Шотландия/. Там я купил сборник стихов Редьярда Кипплинга на английском языке, который потом подарил Ивану Антоновичу.

1964-й год был для меня особенным. Первая волovina его прошла в плаваниях по Балтике, Северному морю, Атлантике, Черному морю, Средиземному, Красному, Индийскому океану и Тихому. Вместе с Николаем Вторушиным мы готовились к поступлению в университет и, по приходу на Сахалин, списались с судна, поехали во Владивосток, месяц жили на Луговой у Судоргиных, готовились и - поступили! Коля на юрфак, я на журфак, потому что учить законы и служить им в стране, где главенствует телефонное право, мне было не по душе. Уж лучше писать о тех, кто их нарушает.

Москва, 7 мая 1964 года.

Дорогой Борис!

Вашу посылку и письмо получили почти одновременно, если не на май, то как раз на Пасху - 3 мая.

Конечно, все эти маленькие подарки очень приятны, но опять Вас ругали мы с Тасей на все корки - перетратили все деньги, ничего не приобрели себе. Ведь мы уговорились - кажется твёрдо, - Вы будете посылать только какие-нибудь мелочишки. А Вы вон как - раскошелились на такие дорогие плавки /которые, увы, мне толстому не лезут/, а главное, ещё на эти самые браслеты. Кстати, я слышал об этих браслетах, но никогда не слышал, что они - радиоактивны. Известно, что они как-то особо магнитны и в этом суть, как верят японцы, их лечебного действия. А откуда это там стало известно про их радиоактивность и не напутал ли Ваш таможенник? Кое у кого в Москве эти браслеты есть и я выясню точно ли они радиоактивны. Если нет, то можете взыскать с таможенника всю их стоимость по суду. Летом я это сделаю.

Глория - в восторге от сумочки и напишет Вам отдельно. Пусть пишет, приучается к вежливости. Косынка - просто великолепна и Тасе очень идёт, а мне

понравились японские сандалии, хотя они на два номера больше, чем надо, но для сандалий это несколько не страшно. Точно также я отобрал у Таси карандаш-ручку и футляр - всё это мне очень пригодится для поездок - туда очень хорошо помещается весь набор карандашей и авторучек, какой я обычно беру с собой в путь. А пёстрые носочки вызвали восторг у Дашки - эта крохотная кокетка потребовала сразу же их одеть и не хотела снимать. В общем, именно эти мелочишки - самые приятные.

Относительно денег. О каких деньгах Вы пишете, что собираетесь переводить? Вы мне ничего решительно не должны. Или что-нибудь надо Вам купить - так напишите что - мы купим и перешлём, а расчёт вполне может быть потом. Через два дня проедем снова по Волге вместе с Тасей. Вернемся к началу июня, потом буду прочно в Москве до осени, так как решил, что писать дома самое удобное, если только проявить твёрдость и выгнать весь народ, который шатается бесперечь и мешает. Пока занимался только шлифовкой "Лезвия" и ответами на письма читателей, коих количество превысило все самые завышенные нормы. Интеллектуальная почва нашей литературы всё же отчаянно суха, если мало-мальски насыщенная интересными вещами для размышлений книга принимается как откровение! С июня начну вплотную писать "Долгую Зарю". Как задумана - должна быть интересной, но как выйдем - никогда не знаешь.

Спасибо за открытку Сингапура - эта удачная. Действительно, выглядит, как "таун ов аур дримз". Мне ещё хочется, чтобы Вы как-нибудь попали в Гонконг и посмотрели собственными глазами. Я смотрел его в отличном фильме "Женщины Востока" и мне этот город очень понравился, как олицетворение того романтического Дальнего Востока, за которым я когда-то сделал попытку сплавать, а вместо того - возил соль на Охотском море и рыболовство Сахалина. Иншалла!

Пишите, дорогой Борис, не забывайте того, что Ваши письма доставляют нам всем не меньшее удовольствие, чем подарки. И не бросайте английского, а то как-то в последних письмах его мало чувствуется.

Всё семейство Вас благодарит, ругает и приветствует. Всего Вам самого хорошего.

Ваш И. Ефремов.

P.S. А есть ли у Вас хороший фотоаппарат?

P.P.S. Название моей улицы переменялось: улица Губкина, 4, кв. 40, Москва, В-333.

Возвратившись из дальнего плавания, я решил порадовать дорогих мне людей подарками и отправил в Москву посылку. Правда, без японских магнитных браслетов для Ивана Антоновича и Таси, которые я купил в порту Ямато и которые изъяли таможенники во Владивостоке. По простоте душевной я предъявил браслеты таможенному контролю, но, видимо, они были нужны или понравились этой публике и браслеты были отобраны как радиоактивные предметы. Ни спорить, ни судиться с этой публикой я не стал - таможня всегда права!

Из письма Ивана Антоновича видно, как внимательно и по-доброму он относился к переписке с читателями, хотя писем к нему приходило великое множество. И ещё он верно отметил сухость интеллектуальной почвы литературы того времени, отчего его книги принимаются как откровения. Как говорится, нет худа без добра!

Не скрою, мне было приятно читать, что мои письма доставляют Ивану Антоновичу и его близким не меньшее удовольствие, чем подарки, потому как я боялся, что они не представляют интереса и отнимают время на прочтение и написание ответов.

Москва, 23 июля 1964 года.

Дорогой Борис!

Сердечное спасибо за фотографии о милом сердцу романтика Сингапуре. За перевод /денежный/ - не спасибо, впрочем, мы с Тасей уже придумали, как отомстить, явитесь только...

Я пока сижу в Москве, пишу понемногу - отошел от беллетристики и принялся за научно-популярную книгу о палеонтологии. Чувствую себя весь этот год как-то неважно - плоховато работает сердце. Стараюсь беречься, как могу, и Тася следит за мной, как насадка за птенцом.

Глория ещё не переписала Вам стихи, но перепишет, или я ее разгромлю. Пока я не настаивал, - так как у неё было много треволений - окончила школу, надо устраиваться на работу, определяться в ВУЗ или погодить - все это девчонку волнует, и всё пока ново. Она написала Вам из Ленинграда, куда мы её отправили на две недели, а что до краски, то честно её искала, но - не могла найти нужный цвет. Найдёт рано или поздно.

Посылаю Вам обратно японское приложение к браслетам и перевод, сделанный по моей просьбе А. Стругацким. Кстати, у братьев только что вышла новая и очень интересная книга в "Молодой Гвардии" - "Далёкая Радуга". Там особенно хороша вторая повесть "Трудно быть богом". Её распродали моментально. Попробуйте достать там у Вас, если не достанете - напишите, я попробую её добыть здесь.

А еще один интересный перевод вышел - книжки Азимова "Я, робот" в издательстве "Знание", а в географической литературе - теперь "Мысль" небольшая книжка "Чёрная пантера из Шиванипали" Кеннета Андерсона. К сожалению, дураки её издали в сокращенном переводе.

Очень советую проплыть по Амуру. Я плывал там в 1931 году на лодках, от села Пермского - ныне Комсомольск, до Николаевска, как раз в осеннее время, с боковыми маршрутами, в частности, на озеро Кизи и в бухту де-Кастри. Очень хорошо на той могучей реке, но не знаю, в какой степени там сейчас переменялось. В 1931 году все было примерно в том же состоянии, как во времена Маака, и чуть более населено, чем при Невельском. Возвращался уже на пароходе "Коминтерн" /судьба мне плавать на судах с таким названием/ уже во время шуги, но, поскольку пароход был китайский "жоппик", отобранный в боксёрском восстании, то он доблестно преодолел шугу и доставил меня в холодный, пустой и голодный Хабаровск.

Мы с Тасей шлём Вам самый сердечный привет. Приветствуйте от меня и поблагодарите за фото Вашего друга Гену Гаврилова.

Книга моя все ещё мытарится в издательстве, но в 4-м квартале, вероятно, выйдет - тогда пошлю её Вам /речь о "Лезвии Бритвы"/.

Ваш И. Ефремов.

Радиограмма

Москва, 26.09.64. Теплоход "Сахалинлес" Устименко Борису Ивановичу

Посылку получили, благодарим и ругаем одновременно тчк Я буду бить тчк Тася Глория шлют сердечный привет тчк Ефремов

Радиограмма

Москва, 29.01. 65. Теплоход "Сахалинлес" Устименко Борису

Спасибо интересное письмо и подарки зпт обое здоровы часто вспоминаем тебя зпт всегда рады письмам ещё больше самому тчк Привет от Глории жму руку Тася целует тчк Ефремов

Москва, 6 июля 1965 года

/Письмо на английском языке/.

Дорогой Борис!

Рад, наконец, узнать Ваш адрес, поскольку долгое время не имел от Вас известий. В Ленинграде, к несчастью, мы отлучались всего на несколько часов.

Что происходит с Вашей печенью? Что говорят медики? Возможно, есть опасность с точки зрения воспаления жёлчного пузыря? Напишите мне об этом подробнее. Кажется мне, что Вы правильно решили не оставлять плавание /при условии, что болезнь печени позволит это/. Счастье Ваше, что Вы находите удовлетворение в

своей учёбе, но я продолжаю придерживаться прежней оценки относительно Вашего будущего. С моей точки зрения почти все журналисты - лакеи низшего порядка. Если нет - они становятся забытыми людьми в маленьких городах под начальством невежественнейших хозяев. Поэтому я не могу понять, что Петро подразумевает под словами "Париж", который "стоит мессы". Конечно, образование есть образование, но когда и какой оно даст урожай - это для меня тёмная лошадка. Так делаете Вы...

Но всё это темы для личных бесед. Я буду оставаться в Москве /дома/ приблизительно три месяца, до конца сентября. Поэтому Вы можете связаться со мной в августе. Между прочим, мой номер телефона АВ-7-65-10 /АВ - кириллицей/. Я попытаюсь Вам позвонить где-то в июле.

Вы очаровали моих друзей в Ленинграде. Весь вечер был посвящен воспоминаниям, какой хороший Вы парень, так широко мыслящий и остроумный. Глория /теперь просто Славка/ уже послала Вам письмо, полное раскаяния. Если она успешно одолеет барьер экзаменационный, она может получить в награду поездку к Чёрному морю.

Сейчас я занят своей палеонтологической книгой, которая мне кажется интересной. Конечно, она может стать воротами из слоновой кости /айвори гейт/ всего лишь, но мы увидим.

В этом году я себя неважно чувствую. Я решил оставить свою работу палеонтолога на официальном посту и стать свободным палеонтологом и неминуемо писателем. 1965-й год очень подходит для выполнения задуманного. В ноябре исполняется сорок лет моей активной научной деятельности в Академии Наук. Этого достаточно даже по индийским стандартам.

Мы все /Тася, Славка и Марафед /Енот/ и я/ шлём Вам свои лучшие пожелания и приветы. Пишите часто, как только можете, и будьте здоровы!

Искренне Ваши И.А. Ефремов.

Весна, лето и осень 1964 года я мотался на теплоходе "Сахалинлес" вдоль сахалинского побережья, доставляя уголёк с шахтерских поселков в порт Нагаево и порты камчатского побережья. Это было лето интенсивных занятий и большой нагрузки, как физической, так и умственной. Я усиленно штудировал науки и работал над газетными материалами, которые печатались в "Магаданской правде" и "Советском Сахалине".

Иван Антонович не одобрял моего поступления на факультет журналистики. Он знал, что партийная печать не прощает свободомыслия, а те из пишущей братии, которые руководствуются принципом "чего изволите?" приговорены на всю жизнь быть холуями, покорными и послушными, без собственного мнения и права высказывать его.

В правоте своего наставника я имел возможность убедиться в начале своей журналистской деятельности, работая корреспондентом газеты "Советский Измаил". Как-то в летний день мне позвонил редактор Иван Фокич Хиренко из горкома партии, после заседания бюро горкома, членом которого он являлся.

- Езжайте в морпорт и разберитесь, что там происходит с луком на теплоходе "Каховка".

И я отправился в порт. Теплоход доставил из Египта лук, которым Насер рассчитывался за Ассуанскую плотину. Характерной особенностью этого лука, произрастающего в тропиках, является то, что луковица, не в пример нашей, северной, обёрнута одной-единственной тонкой кожурой. Докеры, приступившие к разгрузке сеток с луком из трюмов, разрушили вентиляционных каналы, нежные и хрупкие, сделанные на полосок бамбука. В условиях июльской духоты лук начал стремительно портиться и железнодорожники отказались принимать его в вагоны. Пока шли межведомственные разборки портовиков и железнодорожников, гниение лука нарастало. В течение недели его сгнило более четырехсот тонн. По ночам сетки с луков вывозили из порта машинами на городскую свалку и зловоние заполняло улицы ночного города.

Побеседовав со вторым помощником капитана на судне, с бригадами докеров на причале и с железнодорожниками на грузовом дворе, я набрал достаточно материала для

корреспонденции, которую я назвал "И спрос, и счёт", в которой досталось и тем и другим. Я писал о том, что, отстаивая свои ведомственные интересы, портовики и железнодорожники хладнокровно смотрят, как государство несет убытки, теряя сотни тонн лука. Обе стороны считали себя правыми и обвиняли партнёра. Железная дорога не имеет права принимать груз, если процент порчи превышает семь процентов. А в луке, о котором шла речь, испорченный груз превышал 21 процент и нарастал с каждым днем.

На следующий день, после появления моего материала в газете, меня вызвали в горком партии. В кабинете первого секретаря Алексея Георгиевича Гурского сидел начальник порта Борис Тимофеевич Щербина, которого я видел каждый понедельник утром на планерке по строительству морского вокзала. Всегда выхоленный, самоуверенный на этот раз он выглядел помятым, нервным и неумытым - желтые крохи виднелись в уголках его глаз.

- Вот, полюбуйте на этого щелкопёра! - набросился начальник порта на меня, обращаясь к партийному боссу. - Не встретившись и не побеседовав со мною, он напечатал в этом "брехунце" такой мерзкий пасквиль, позорящий меня на весь город! - перешёл на крик Щербина, потрясая газетой. Его гневный филиппик продолжался четверть часа. Товарищ Гурский молча слушал его гневные обличения /я не знал, что Щербина и Гурский живут в одном доме и по вечерам сражаются в шахматы/.

Когда Щербина закончил свое выступление и принялся вытирать платком испарину со лба, секретарь горкома начал отчитывать меня, уверенно и неопровержимо. Когда же настала моя очередь, я в свое оправдание привел весомые доказательства и закончил свою речь словами, что, работая над корреспонденцией, я руководствовался исключительно интересами государства, а не желанием оскорбить или унижить начальника порта, тем более, подорвать его авторитет.

- Вы посмотрите на этого "государственного человека", - истерически захохотал Щербина, тыкая в меня пальцем. Я смотрел на беснующегося начальника порта, на партийного вожака, ожидая от последнего, если не поддержки, так справедливого разрешения конфликта, но так и не дождался. Тогда я молча повернулся и вышел в приемную, затем в коридор и покинул здание горкома.

- Не видать тебе, коллега, обещанной квартиры, - на следующий день сказал мне заведующий промышленным отделом газеты Анатолий Игнатьевич Клименко. - Сам виноват, пошел на конфликт, не зная, где нужно гавкнуть, а где лизнуть!

Квартиры, долгожданной и столь необходимой нам после рождения дочери Юлии, я так и не получил, хотя редактор мне до этого показал ее на третьем этаже строящегося дома по проспекту Суворова напротив Мемориала Славы. И пришлось мне нанять старый грузовой ЗИЛ, грузить наши бебехи и скудные мебели и покидать Измаил. Солнечным утром 1 июня 1972 года Лариса с годовалой Юлей на руках села в кабину, а я забрался в кузов и через восемь часов утомительной езды, пропитанные выхлопными газами, мы приехали в Белгород-Днестровский. Здесь Александр Алексеевич Орлов, в прошлом фронтовик-кантемировец, взял меня в редакцию на должность заведующего отделом писем газеты "Советское Приднестровье", "выбил" у городских властей комнатку в новом общежитии завода медизделий, а через полтора года квартиру в переулке Франко, где я уже прожил треть столетия.

Сойти на берег меня вынудили два обстоятельства: женитьба и заболевание печени после перенесенной малярии. Врачи настоятельно рекомендовали мне не есть жареного, отказаться от спиртного и ежегодно ездить на курорт, желательно в Трускавец. Если курортное лечение было для меня доступным, уберечь себя от жареной пищи на судне практически было невозможно: кто и где будет готовить для меня диетические блюда? И как не выпить рюмку с друзьями после возвращения из трудного рейса? Или с членами бесчисленных комиссий, посещающих судно по приходу в порт или перед отходом? Сейчас я понимаю, что преодолеть семидесятилетний возрастной барьер мне удалось благодаря тому, что я вовремя ушёл с моря.

Летом мы с Ларисой поселились в Боярке под Киевом, снимая комнатку во времянке у старика Гулия на берегу озера. Я устроился электриком в ремстройуправлении Ленинского района города Киева, потом дежурным электриком в университете имени Т.Г.Шевченко, осветителем на телестудии. Получить киевскую прописку мне так и не удалось, а без неё в столице жизнь - не жизнь. Чтобы не ездить во Владивосток на сессии, я перевёлся в Ростовский университет, так как в Киевском мне пришлось бы писать контрольные и курсовые работы на украинском языке, который я подзабыл да и не знал хорошо, учась в школе. К тому же там добавилось бы семь дополнительных предметов, что при моей загруженности сделало бы учебу для меня невозможной. Так что пришлось расстаться с мечтой о жизни в столице и перебраться на Дунай.

Но пребывание в Киеве дало возможность мне отыскать следы Корчагинской узкоколейки, опубликовать об этом очерк в газете "Известия" и даже поставить, вернее, отснять телефильм на эту тему. К сожалению, в круговерти событий, перенося жёсткие удары судьбы, я почти прекратил переписку с Иваном Антоновичем - после письма, датированного 6 июля 1965 года следует письмо, написанное им год и месяц спустя.

Лесной городок, 5 августа 1966.

Дорогой Борис!

Ваше письмо меня не удивило - я, признаться, ожидал чего-нибудь вроде, зная, как непросто устроиваться в городах привилегированных. Здесь щели для нашего брата Савки основательно законопачены, и тем, кто не обладает дяляческими качествами, приходится очень туго. Кроме того, Киев - едва ли не самый трудный по устройству город /хорош, привилегирован, плюс националистичен до крайности/.

Может быть, Вам, не впадая в панику и не желая сдаваться на "мову", есть резон изменить первоначальные планы и попробовать какой-то другой город? Одессу, Ленинград, Ростов? Москву можно лишь при условии поступления на очное, т.к. без этого никто не пропишет, а на заочное не примут без прописки. Так бы оно можно бы попробовать хоть у меня, но ввиду специальных мер по запрещению прописки, нечего обманывать себя - не выйдет! Может быть, есть резон всё же поступать на дневное в Москве или Ленинграде, зацепиться одним когтем, а там видно будет?

В Киеве мои знакомства ограничиваются академиками, т.е. шапочны. Есть, правда, один жук, но не знаю его адреса, а кроме того, боюсь, что он натреплетя с три короба, а потом выйдет пишик. Обещать-то он мастер, вот что опасно, а у Вас, как я понимаю, время не терпит.

Словом, не пора ли перестроить ряды битых войск и начать обходное движение - лобовая атака не удаётся, моряк! Во всяком случае, никакой провинции - Вы не для неё, а она не для Вас! Уж ежели пробиваться, тогда всерьёз - ехать хоть в Москву или Ленинград, устроиваться хоть стройрабочим, получать прописку и затем - дальше. В Сибирь нельзя - там культуры мало, кроме Новосибирска, да и климат не по нраву.

Подумайте, напишите мне ещё, посоветуемся, как следует - дело важное. Я буду на даче до 10 сентября, а затем - в городе. Писать мне лучше на городской адрес - почту возьмёт регулярно.

А что до Вашего отца, то он совершенно прав. Этот год - конец одиннадцатилетнего цикла солнечной активности и наиболее богат по части пятен и всего прочего. Оттого во всём мире - ураганы, грозы, наводнения землетрясения. Такой был 1954 год. С будущего года обещают затишье и все "сердечники" будут чувствовать себя лучше. На то же надеюсь и я. Так что Ваш батя молодец и знает толк в природе, а вот просвещённый мореплавателю оказался в стороне от научного понимания. Ай-яй!

Тасенька и Марафед шлют Вам самонаилучшие приветы и пожелания. Глория с Андреем были в Одессе, а сейчас бродят по Крыму, где-то до 20 августа.

Желаю Вам удачи прежде всего, а не выйдет, тогда - здоровья и новой цели. Ваш И. Ефремов.

ИТАК, МОРЯК СОШЁЛ НА БЕРЕГ

Нелегко даётся адаптация сухопутному человеку на море, но еще труднее адаптироваться моряку к жизни на берегу. Как правило, берег недоброжелательно встречает моряка. Сутолока и шум городов, бытовая неприкаянность, материальные проблемы, расхлябанность и безответственность всюду, беспорядок, возведенный в норму бытия, людская зависть или безразличие. И всё это после привычного коллектива, который жил, как одна семья, где ты каждому верил и на каждого мог положиться, а в трудную минуту получить бескорыстную помощь.

...На суше мне не ждать теперь подмоги,
Никто меня не бросится спасать
И не объявит шлюпочной тревоги...
А скажет: полный вперед!
Ветер в спину.
Будем в порту по часам,
Так ему, сукину сыну!
Пусть выбирается сам!

Так пел Владимир Высоцкий и его слова ударами колокола отдавались в моём сердце. Неудачной оказалась моя попытка закрепиться на Киевской телестудии - не прописали меня в Киеве. Как в калейдоскопе сменялись города, редакции, квартирные хозяйки, комнаты в общежитиях. Вместе со мною терпеливо несла сей крест моя жена Лариса и лишь боялась, чтобы я не запил и не бросил университет.

Наконец, мы бросили якорь в древнем и вечно юном Белгороде-Днестровском, который пленил меня своим сходством с гриновским Зурбаганом тишиною уютных улочек, приветливостью горожан, обилием солнца, зеленью улиц и парков, чистотой воздуха, водной гладью лимана и близостью моря. Здесь мы получили долгожданную квартиру, здесь выросла наша дочь Юля.

Но мир, как говорится, не без добрых людей. И на суше я вскоре обрел настоящих друзей, которые охотно принимали меня и всячески помогали в трудную минуту. Это Степан Иванович Желясков, Николай Михайлович Басов с которыми я поддерживаю тёплые дружеские отношения по сей день. Но больше всего и всех помогали мне в этот период письма Ивана Антоновича, его советы, книги. Жалею, что с 1968 года по 1972-й я только один раз смог увидеться с ним в Москве, куда мы приехали с Ларисой зимою 1970 года, когда она ушла в декретный отпуск. Нас тепло принимали Иван Антонович, Таисия Иосифовна и Мария Федоровна.

В тот день Москва встречала премьер-министра Франции Жоржа Помпиду. Движение по Ленинскому проспекту было перекрыто и мы с Ларисой решили добираться до универсама "Москва" пешком. Однако, вскоре она устала и пришлось дожидаться возобновления движения троллейбусов. Мы с трудом втиснулись в первый, сесть там было негде, и, когда троллейбус резко затормозил, Ларису прижали животом к металлической спинке сидения. Ей стало плохо. Не помню, как мы добрались на улицу Губкина. Иван Антонович был обеспокоен случившимся и хотел вызвать "скорую помощь", но Лариса отказалась и решили подождать. К ночи боли стихли и все обошлось, но когда родилась Юля, под лопаткой у неё был красный шрамик, который со временем исчез. Слава Богу, все обошлось!..

Москва, 20.12.66.

Дорогой Борис!

Очень рад был получить Ваше письмо, а то я уже начал беспокоиться - всё ли благополучно с моряком, запутавшимся в дебрях большого города. Рад и тому, что дела как-будто налаживаются. Хотя я и не совсем понимаю, почему это обязательно должен

был быть Киев. /Мне кажется, что в других городах - Москве, Ленинграде, Новосибирске, например, это могло бы быть легче, но, вероятно, я не знаю всей суммы побудительных причин и обстоятельств/.

Очень верно и метко Ваше наблюдение относительно озлобленности людей в городе, но ведь по сравнению с ними не только моряки более авантажны. Всякий человек, живущий на просторе, в среде количественно небольшой, привыкший полагаться на себя и своих товарищей, будь то геолог, охотник, лесовод, даже просто колхозник /но не замурзанного и большого колхоза в пригороде/ выгодно отличается от измельчившегося, изверившегося, издерганного, забывшего о просторе и величии мира в своей тесной клетке горожанина. Что же говорить о настоящих пионерах, таких как наши сибиряки, канадские трапперы, буры и т.д. и т.п.

Город - чрезвычайно вреден именно для человеческого духа, но жестокое противоречие заключается в том, что только в городе этот дух получит удовлетворение для своей любознательности и смены впечатлений, потому что у нас времена пионерства прошли /в некоторых странах они ещё есть/. Но всё же, чтобы, оставаться настоящим человеком, надо наловчиться вести двойную жизнь, подобно хотя бы геологам - часть времени в большом культурном центре, часть времени - на просторе. Пока это к Вам не относится, так как Вам надо ещё дозреть в смысле своего оформления в жизни, но в дальнейшем - неизбежно.

Пытаюсь как-то разобрать все эти явления города и будущего в своей новой повести - пишу её понемногу, пока есть шесть листов, а надо 15. Здоровье, к сожалению, никак не выправляется, подозреваю, что оно так и не выправится совсем, но мне бы только хватило времени на три-четыре книги.

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, желаю всех наиважнейших вещей: здоровья, интересной жизни и почаще встречаться со светлым, а не с тёмным. Для утешения напомню стихи Гумилёва - самое начало забыл, в котором поэт говорит, что дух его не признаёт внешней природы, её бедности:

... И луг, где сладкий запах мёда
Смешался с запахом болот...
И ветра дикую заплачку,
Как отдалённый вой волков,
И под сосной корявой скачку
Каких-то пегих облаков...
Я вижу тени и обличья,
Я вижу, гневом обуян,
Лишь скудное многообразие
Творцом просыпанных семян.
Земля! К чему шутить со мною?
Одежды нищенские сбрось,
И стань, как ты и есть звездю,
Огнём пронизанной насквозь!

Энд дон"т форгет Инглиш: эт эни рейт - ит из э кей ту ноуледж гейт! /Видите, я даже стихотворно стал выражаться!/.

Сердечный привет от Таси, Марафед. Аллан сейчас в Сирии, на берегах Ефрата около Алеппо.

И пишите почаще - не бойтесь, что ничего потрясающего в письмах не будет - важны Вы, а не потрясающее.

Ваш И. Ефремов.

Москва, 20.02. 67.

Дорогой Борис!

Опечалился Вашим письмом. Не самими злостью, а тем настроением, которое так отчётливо проступает из-под бодрых и небодрых слов. Должен сказать, что Вы неправы лишь в интегральной оценке влияния города, т.е. в том, что люди везде и в городе и не в городе разные, а в том, что большой город есть отвратительное порождение нашей цивилизации, я с Вами совершенно согласен. Он плох ещё тем, что создаёт опасность для будущих поколений вливанием повреждённых генов в общий генофонд человечества / с точки зрения биолога/ и, следовательно, порождением массы почти неуловимых, но омерзительных повреждений человеческой психики.

Но всё же - не озлобляйтесь. Это очень ослабит Вашу позицию в жизни и таит в себе возможность опрометчивых шагов. Сядьте спокойно, имея впереди несколько свободных часов. Сосредоточьтесь, повторяя какую-нибудь однообразную фразу, ну, скажем, "Тат твам ази" или "ом мани падме хум", дышите равномерно, глядя на какой-нибудь неотвлекающий предмет. Когда совсем успокоитесь, взвесьте все происшедшее с времени Вашей высадки на сушу и оцените истинные достижения и кажущиеся - тогда увидите, что стоит, а что нет.

Возможно, я ошибаюсь, не зная Киева, но мне показалось, что Вы сделали ошибку, бросив якорь в этом городе, который пользуется плохой репутацией среди других крупных городов российских. Не говоря уже о национализме, не годящемся для настоящих людей, тут собрались жёсткие и хваткие люди, облюбовавшие его уже потому, что столица и с самолучшим климатом из всех столиц.

Москва - при всех её дефектах - всё же широка, Минск - уютен, деловит и с хорошенкими девушками. Ленинград - хотя и истребил свою прежнюю интеллигенцию, но по традиции пока ещё оснащён культурой да и по обстановке всех лучше. Даже Одесса, может быть, и то лучше - легче в смысле жизни и человеческих отношений. А Киев - душнее всего!

Может быть, есть смысл переоценить необходимость срочного получения диплома и не спешить с этим, ибо Вы правы в одном - никаких особенно широких перспектив диплом немедленно не сулит. Может быть, перебраться в другой город, или перейти туда на заочное отделение, а пока проплавать ещё сезона три, за это время и кончить учёбу в рабочем порядке? Всё это надо взвесить, не торопясь, но к лету иметь готовое суждение. Что-то я ничего не слышу о Ларисе? Почему она не рядом в трудный час? Или не подмога? Тогда тем более - зачем Вы в Киеве?

Вы правы, что будущее - у нас непрочно, а мы стараемся обеспечить себя для старости и ради этого жертвуем молодостью. Может, и есть смысл если расчёт на то, что зрелый ум к старости принесёт плоды и при возможности спокойной работы позволит создать кое-что путное, но... "расчёт случаен и неверен", как писала Шкапская - отличная поэтесса, кстати. Знаете её "Кровь-Руда"?

В общем, пусть будет "в небесах конь вороной и на нём всадник с мерою в руке своей". Исполнится мера и будут ещё синие дали и шелест ветра по степной и жёсткой траве Средиземноморья, и ласковый шепот милых губ. А пока - будьте здоровы и думайте, взвешивайте.

Тася и Марафед шлют Вам сердечные приветы. Бородаевские кланяются - они собираются написать отдельно. Эта пара - урбанисты и в городе, как рыба в воде. Аллан - в Сирии, на берегу Ефрата. Он - заядлый урбанофоб как и Вы, но Ольга /жена его/ - урбанистка стопроцентная.

Пишите всё же почаще, как оно там у Вас - что-то мне беспокоит. Вот когда мы провожали Вас на Д.В.- я не беспокоился нисколько.

Ваш И.А. Ефремов.

22 апреля - день рождения Ивана Антоновича. Утром я позвонил в Москву Таисии Иосифовне. Она искренне обрадовалась и моему звонку, и сообщению, что я, наконец-то, сел за книгу и написал уже 60 страниц!

Боже мой, какой это был замечательный Человек! Взять хотя бы это письмо. Он не только поучает и наставляет, а как искренне переживает мою неустроенность, потцовски любовно и бережно дает советы, оставляя за мною право поступать так, как я найду нужным. Советует обдумывать каждый шаг и учит медитации. Как глубоко и со знанием дела он пишет о враждебности мегаполиса человеку, избравшему себе город для жизни. Как прекрасно и убедительно звучат слова стихотворения Гумилёва! Не зря Иван Антонович выслал мне целый пакет стихов и поэм Волошина, которые я выучил наизусть и сохранил до сих пор. Видимо, их следует привести в этой книге, чтобы открыть такого замечательного поэта тем читателям, которые, как и я ранее, о нём ничего не знали, и которые, я уверен, значительно усилят потенциал этой книги.

Москва, 3 сентября 1967.

Дорогой Борис!

Давно не писал Вам, полагая, что Вы где-нибудь в отъезде на каникулах. Теперь-то Вы уже наверняка снова в Киеве?

Я сидел всё лето в Москве из-за плохого здоровья, так как даже в санатории и то уже стало неприятно ездить - берут с неохотой. Кстати, дома чувствовал себя несколько лучше и, во всяком случае, писал. Теперь "Час Быка" /так называется теперь "Долгая Заря"/ уже перевалил за половину. Кажется, получается интересно.

Мне как-то не нравится тон Вашего последнего письма. Он какой-то пониклый, а, кроме того, я не совсем понимаю, что с Ларисой? Почему Лариса - чайка? Ведь чайка - для женщин - символ несчастья? Почему она издёргана свинными рылами и неустроенна? Если есть у неё Ваша Любовь, а у Вас - её, то, что такого страшного может случиться, чтобы, несмотря на это, всей издёргаться? Или что-то неладно между Вами? Тогда надо что-то менять, а, судя по письму, Вы ничего менять не собираетесь. Тогда зачем столь страшные характеристики обстановки?

Видимо, надо какое-то более подробное письмо.

Аллан по-прежнему сидит в Сирии и когда оттуда выберется, сам не знает. Бородаевские, в общем, бесквартирны, но в остальном процветают. На днях Андрей должен уехать в Канаду на полтора месяца /если уедет, у нас ведь так/. Общие события никак не радуют, дело идёт к закреплению всяких там зажимов, от которых страдает, главным образом, интеллигенция.

На студии Довженко "Туманность Андромеды" снята, монтируется, в октябре должна выйти на экран. Меня утешают, что фильм получился "ещё сравнительно ничего", но я всё понимаю и не нужно мне утешения в том, что не могло быть...

Сердечный привет Вам от Таси и меня, также Марафедя. Самолучшие приветы Ларисе /но не чайке/.

Ваш И. Ефремов.

Это письмо было отправлено мне, когда Иван Антонович напряжённо работал над книгой "Час Быка", которая была неприветливо встречена властью предержащими. Уж кто-кто, но они первыми узрели в ней сходство общества построения развитого социализма и коммунизма с планетой Торманс, находящейся под прессом тоталитарного режима. И деспот Чойо Чагос откровенно напоминал читателю смещенного Никиту Хрущева с его дурацкими закидонами. Вот почему издание книги потребовало героических усилий от Ивана Антоновича и его почитателей.

Беседуя с Иваном Антоновичем по приезду в Москву, я спросил его, нельзя ли понимать название планеты Торманс как планеты Дураков. Ведь Тор по-немецки означает дурак. Об этом мне сказал брат Пётр, который хорошо владел немецким языком.

Иван Антонович расхохотался. Смеялся, он зычно, от всей души, так, что слезы на его глазах выступали. Насмеявшись вдоволь, он изрек:

- Можно понимать и так!

- Значит, на Тормансе дураки управляют дураками, - подвёл черту я.

В этом я убедился на горьком опыте за полтора года мытарств в Киеве, блуждая в коридорах власти и стучась в двери кабинетов, безнадежно пытаюсь встретить если не сочувствие, так понимание. Лариса рассчиталась с завода "Коммунар" в Кривом Роге, приехала ко мне и, после нескольких месяцев проживания без прописки, как бы на нелегальном положении, по большому благу устроилась на работу уборщицей квартир в фирму "Свитанок". Мне, выросшему в еврейском Бердичеве, было ясно, для чего еврей Конвисор создал эту фирму. Раскормленным и изнеженным еврейским жёнам обязательно нужна в доме гойка-уборщица, иначе будет в квартире "рейвах", а это не красит еврейскую квартиру в глазах гостей. Вот и ездила Лора каждое утро из Боярки электричкой по указанным фирмой адресам мыла полы и окна, убирала пыль, перетряхивала бебехи, получая за этот труд мизерную плату и изредка - чаевые. Я клял себя, что выбрал Киев, что вытянул её сюда и подверг красивую молодую женщину, металлурга по профессии, такому унижительному существованию. Но надо было выжить, а сделать это в столице двоим на одну зарплату жэковского электрика или осветителя было просто невозможно.

Чайкой я называл Ларису потому, что так звучит это имя в переводе с греческого языка. А то, что чайка - символ несчастья - я узнал лишь прочитав это письмо, и теперь, прослеживая по годам всю жизнь бедной Ларисы, я вижу, что это именно так...

Москва, 9 ноября 1967.

Дорогой Борис!

Видимо, мне придётся подождать Вашего приезда в Москву, чтобы расспросить обо всём, как следует. Что-то я не понимаю в Вашей теперешней жизни, а потому мне она кажется не то бесцельно трудной, не то сошедшей с курса. Почему? Да потому, что я считаю, что жертвовать собой, а особенно ещё другим человеком, а ещё в самые лучшие годы молодой любви можно лишь в том исключительном случае, когда цель абсолютно ясна, близка и стояща. Иначе - на черта всё это и к черту всё это!

Есть в Ваших мыслях нотка озлобления - не насмешки и презрения, что естественно и понятно, но злобясь, Вы спускаетесь на уровень тот, который ненавидите и уже не можете плевать на него сверху.

Никак не пойму, что такое с Ларисой? Зачем ей надо мыть полы, чтобы сохранить семейный очаг - извините, может по возрасту, но никак не возьму в толк. Почему она не может устроиться пока в ином месте? А если не может, то следовательно, это дело очень временное? А если временное, то тогда оно может и не столь страшно, как Вы о нём написали?

Тася, которую Вы знаете, до своего становления моим секретарём, затем приёмной дочерью, а теперь - женой, работала /после детского дома/ как раз мойщицей школ, что даже хуже квартир, и вообще чего только не делала. Работа, конечно, тяжёлая, но как временный этап - не страшная, если имеется цель и Вы можете обещать ей не розовый сад, но условия, необходимые интеллигентному человеку - комнату, книги, не хамскую среду. Если не можете - не беритесь. Если долго ждать - не беритесь - растеряете слишком много по дороге. Словом, когда будете в Москве - обязательно поговорим. Для суждения у меня из Ваших писем недостаточно материала. Например, не возьму в ясность, чего Вы так держитесь за Киев? Ну, довольно об этом.

"Туманность" сняли и на мое удивление обошлось без позора. Фильм на уровне выше всего, что снималось по н/ф /научной фантастике/ до сих пор, хотя от романа там лишь фрагменты и не все удачные. У Шерстобитова вкуса оказалось больше, чем у всех его украинских коллег. Фильм забраковали в Комитете здесь, но я думаю - без оснований. Это не отразится на его судьбе - скоро он пойдёт в прокат и Вы посмотрите сами.

Я зарылся по уши в свой роман "Час Быка". Остается примерно три главы, но пишется медленно - здоровье - никуда. После того, как чуть не дал дуба в прошлом году, никак не могу поправиться, веду жизнь почти индийского аскета и работаю медленно. А роман трудный. Всё же, кое-что к началу будущего года окончу. И то ещё вопрос - пойдет ли? Там много вопросов сложных и колючих.

Поздравляю Ларису и Вас с прошедшим праздником, желаю прежде всего - здоровья и элементарного обустройства. Тася шлет Вам наисердечнейший привет, также и Марафед. Бородаевских не видел уже несколько дней - Андрей только что вернулся, после двух месяцев пребывания на ЭКСПО-67, из Канады и они со Славкой бегают по гостям. Напишу Вам, как только пройдет у них ажиотаж. Аллан - всё по-прежнему в Сирии и что-то не торопится возвращаться, хотя Ольга уже ходит соломенной вдовой больше года, а Дашка без него растёт.

Расула Гамзатова не люблю, - он был ничего, а теперь стал холуйствовать. Предпочитаю Волошина:

*Долг не свершён, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрёт
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...*

Будьте здоровы и ещё раз - пуце всего остерегайтесь злобы - она слепит даже самых стоящих людей. Берегите Чайку, но не жалейте её - это не то!

Ваш И. Ефремов.

P.S. Найдите в библиотеке сборник М. Волошина "Чайка и Саломея", Киев, 1909 г.

Москва, 12.02. 68. /Открытка - Цейлон, дорога в Перадению/.

Дорогой Борис!

Что-то давно от Вас ничего нет. У Вас должны были быть серьёзные перемены и новые планы, о которых я писал Вам с одобрением и кое-что советовал, но в ответ ни гугу!

Может быть, адрес уже не тот или Вы с Ларисой уже уехали, но на всякий случай бросаю этот лот по прежнему адресу.

Я б. или м. в порядке, усиленно пишу. Идёт последняя глава "Часа Быка" - получился равен по объёму как "Туманность" немного даже больше.

Сердечные приветы и добрые пожелания от всех моих, кроме Аллана - пока ещё в Сирии. Пишите.

Ваш И. Ефремов.

Москва, 29 марта 1968.

Дорогой Борис!

Несказанно рад, что Вы, наконец, выберетесь из ямы, в которую вкапались. Как я и думал, не получится из моряка и романтика - журналиста. Это не потому, что я не верю в Вас и Ваши способности. Наоборот, я в них верю больше, чем Вы сами, ежели рассудили, что можете обезчеловечиться настолько, чтобы стать выдающимся журналистом - международником, типа, скажем, того же Стурра. Я был уверен, что в Вас не хватит, скажем мягко, холуйства, а потому и с самого начала был против журналистики, за исторический факультет для души и добротную профессию для тела.

Но к сожалению, всё мы должны постигать на опыте, пренебрегая опытом предыдущих поколений - от этого половина человеческих бед, но и половина прогресса.

Средиземноморье очень одобряю - и климатически для Вас полегче и для души многое получите - праматерь нашей культуры. При знании исторических вещей каждый камень может говорить, а профиль чтения у Вас, к счастью, широк, если не позабыли всего там в Киеве.

Думаю, что Вы сильно преувеличили насчёт белизны, седины, рыхлости - неужели так мал запас сил у молодёжи, да ещё у моряков? Другое меня тревожит - это нотки разочарованного озлобления на соперников по профессии, которые, кажется мне, у Вас

появились. Слушайте, рыцарь Лебеда, это никак не годится. Нельзя ни в коем случае! Хоть на четверть ступеньки, но надо стоять духовно выше, иначе деградируете. А может мне это лишь показалось? Ежели роман мой пойдёт сразу, а не будет валяться лет пять, то я снова буду на коне и могу кое-чем помочь материально в новом повороте жизни. Ежели не пойдёт, что ж, я сам сяду на пенсион, так как я более не служу в Академии - здоровье не позволяет.

Кланяйтесь Ларисе и скажите, что она молодец, если помогла Вам выбраться из негодного тупика. Прислали бы хоть фото вас обоих, если не сможете скоро приехать в Москву - покажитесь.

Все мои шлют вам обоим сердечные пожелания удачи и здоровья. Глория с Андреем сказали, что напишут Вам отдельно, но не уверен, что соберутся - они тут закрутились, пытаюсь приобрести старую автомашину - вопреки моим советам, но видно уж всё делается вопреки моим советам и нет пророка в своем отечестве.

Аллан по-прежнему сидит в Сирии и, кажется, собирается лишь в отпуск ко дню моего рождения.

Кланяйтесь Вашим родным

Ваш по-прежнему И.А. Ефремов.

Москва, 4 июня 1968.

Дорогой Борис!

Очень рад, что Вы, наконец, где-то осели и получили твёрдый адрес с пропиской. Ругал Вас, почему в Ваш критический месяц Вы мне не написали об этом. Хоть я и не на коне сейчас, но рублей пятьдесят всегда мог бы послать Вам без скорой отдачи, вернее насовсем, и это дало бы Вам передышку для лучшей ориентировки. Жаль!

Возвращение к здоровой жизни, конечно, хорошо, но пока малоперспективно - среда не та. Впрочем, ежели скоро оформят на "загранку", тогда не беда, а ежели нет, то надо будет подаваться куда-нибудь ещё.

Неудачный штурм Киева оставил свои следы на Вас и пройдёт лишь некоторое время, пока эти раны заживут. От прежнего искателя нового и собирателя венка /в Гриновском смысле/ мало что осталось /в смысле цели, точнее дальнего прицела/. Поразила меня Ваша жалоба, что свадьбу нельзя, как следует, справить, и Лариса, вследствие этого, совсем упала духом. Очевидно, это Вы ей внушили? Для меня это прозвучало невыносимой чепухой /простите за прямоту, но ведь я всегда так писал Вам/ и деревенщиной. Не говоря уже о нашем поколении, вся наша молодёжь кругом - Аллан, Славка с Андреем, другие, которых Вы ещё не знаете, никаких свадеб не справляли, регистрировались, выпивали бутылку шампанского и дело с концом. А в последнее время, заселившая город деревня, стала справлять свадьбы, чтобы было все, как у людей, /ненавижу эту формулу/ - залезают в долги на пять лет, чтобы разношерстное сборище в полсотни человек жрало, пило, ругалось, блевало, обсуждало жениха и невесту, и недовольное расходилось, чтобы более никогда не встретиться. Большой чепухи для интеллигента невыносимо придумать. Свадьба всегда дело интимное, куда допускается лишь малое число близких друзей и уж никак не повод для жрания и питья.

Я навалился на это замечание о свадьбе, потому что оно кажется мне тревожным симптомом некоего духовного одичания славного моряка, книжника и романтика, пусть немного нелепого, пусть донкихотствующего, но именно такого. А этих других - их много. К сожалению, и мой собственный сын, съездив два раза за границу /он только что вернулся из Сирии/, стал забывать про книги и всё чаще говорить насчет барахла! Конечно, это век такой и окружение влияет, но всё же, чем меньше этому поддаваться, тем лучше. Иначе легко попасть в нелюди, а оттуда обычно не выбирают.

Может быть, мне с моей смертельной сердечной болезнью и ограниченным сроком пребывания на этой земле всё кажется под иным углом зрения - допускаю. Но ведь этот угол зрения прежде был и Вашим...

Прочитал Ваш рассказ, и, если бы он был другого содержания, послал бы его в какую-нибудь редакцию. Но, с летающей тарелкой надо сейчас писать или на более сложном уровне, или - рассказ проваливается в редакции неограниченное время. Написано в языково-стилистическом смысле не худо - я и раньше говорил, что писать Вы сможете. Однако, надо попробовать себя на теме задушевной, той, которая Вас глубоко затрагивает и тут будет видно, на что Вы способны.

Прислать рассказ Вам обратно или оставить пока у себя? Я льщу себя надеждой, что нам удастся повидаться и поговорить - в письме всего не напишешь - и все за и против не рассмотрю.

Быть может, ежели примут роман мой к печати и впереди будут денежные возможности, мы поступим так, что я прилечу Вам на самолёт сюда и обратно, Вы прилетите на пару дней и мы обсудим "за жизнь".

В июне и, наверное, июле я буду в Москве, пока будет решаться судьба книги. Боюсь, что пока она не пойдёт. Сейчас момент неблагоприятный для умствований на социальную тему, да ещё с концепцией инферно.

Душевный привет Вам и Ларисе от меня, Таси, Марафедя. Глория и Андрей шлют привет тоже. Они Вам писали, но не получили ответа - вероятно, с Вашими переменами адресов письмо утратилось.

Пишите почаще, чтобы связь не обрывалась и я был в курсе Ваших дел.

Всегда Ваш И. Ефремов.

Случилось так, что мы оба вошли в сложный период жизни. Я болезненно переносил все тяготы неустроенности, а Иван Антонович, подтачиваемый болезнью, работал над своей самой сложной и трудной книгой "Час Быка" в которой, как он верно отметил, содержалось много сложных и колючих вопросов, которые напоят о себе после выхода книги. Вышла она в издательстве "Молодая Гвардия" в 1970 году и я получил авторский экземпляр с дарственной надписью, сделанной 19 июля 1970 года. В своем предисловии Иван Антонович признался, что его третье произведение о далёком будущем, после "Туманности Андромеды" и "Сердца Змеи" явилось неожиданностью для него самого. "Я собрался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако пришлось более трёх лет посвятить научно-фантастическому роману, который хотя и не стал непосредственным продолжением моих двух первых вещей, но также говорит о путях развития грядущего коммунистического общества.

"Час Быка" возник как ответ на распространившиеся в нашей научной фантастике /не говоря уже о зарубежной/ тенденции рассматривать будущее в мрачных красках грядущих катастроф, неудач и неожиданностей, преимущественно неприятных. Подобные произведения, получившие названия романов-предупреждений или антиутопий, были бы даже необходимы, если бы наряду с картинами бедствий показывали, как их избежать, или, уж во крайней мере, как выйти из грозных ловушек, которые будущее готовит для человечества.

Другим полюсом антиутопий можно считать немалое число научно-фантастических произведений от мелких рассказов до крупных романов, где счастливое коммунистическое будущее достигнуто как бы само собой и люди эпохи всепланетного коммунизма страдают едва ли не худшими недостатками чем мы, их несовершенные предки - эти неуравновешенные, невежливые, болтливые и плоско-ироничные герои будущего больше похожи на недоучившихся и скверно воспитанных бездельников современности.

Оба полюса представлений о грядущем смыкаются в единстве игнорирования марксистско-диалектического рассмотрения исторических процессов и неверии в человека".

В том, что будущее общество будет не капиталистическим, а коммунистическим, тогда не сомневался Иван Антонович и сегодня не сомневаюсь и я. Капиталистическая форма хозяйствования обязательно приведёт к разграблению естественных ресурсов и

природы нашей планеты, как это имело место на планете Торманс. Олигархический строй, руководствуясь погоней за прибылью и личным благосостоянием, неизбежно истощит запасы полезных ископаемых и приведёт человечество к массовой смертности от голода и болезней. Классовое неравенство сделает одних царьками, а других бесправными и нищими рабами. И никакие пропагандистские ухищрения и психологические выверты не смогут обеспечить такому обществу мира, взаимопонимания и стабильности.

Иван Антонович высказал надежду, что если ему хоть в какой-то мере удалось показать и тем помочь строителям общества будущего - современной молодёжи - как идти дальше к всестороннему совершенству людей, духовной высоте человечества, тогда его работа проделана не напрасно.

К сожалению, к моменту выхода книги в свет наша страна вошла в так называемую эру развитого социализма с человеческим лицом. Но, как говорится, свят сосуд, да его черти несут! Хрущев, а за ним и Брежнев со своим окружением делали всё возможное, чтобы выйти победителями в "холодной войне" и, как чёрт ладана, боялись стать на путь реформ, как это предлагали дальновидные коммунистические лидеры братских партий Марше, Берлингуэр, Сантьяго Каррильо и академик Сахаров. Но... несть пророка в своем отечестве. А надо было всего-ничего: дать крестьянину возможность купить трактор и самосвал, иметь свой кусок земли и самому обрабатывать его, а рабочему открыть свою мастерскую или магазинчик. Тогда бы наша страна и общество избежали застоя и жизненный уровень народа поднялся бы на такую высоту, что нам завидовали бы подданные капиталистических государств.

Но развитие событий пошло по другому сценарию. Партийные бонзы усмотрели в книге "Час Быка" пасквиль на себя и на общество победившего социализма. Они почему-то нашли больше сходства с обитателями планеты Торманс, чем с землянами. Критика тут же обрушилась на смельчака-первопроходца, его статьи запретили печатать в прессе, книгу начали изымать с продажи и перекрыли все возможности стать писателю и ученому Ефремову лауреатом Ленинской премии и академиком!

В письмах ко мне Иван Антонович старается вникнуть в мои неурядицы, дает советы, как выйти из критических ситуаций и всячески оберегает меня от необдуманных шагов, разочарования и озлобленности. Более того, несмотря на свои материальные трудности, Иван Антонович всячески пытается помочь мне материально и помогает. Он искренне радуется моим даже самым незначительным успехам и не теряет надежду на встречу в Москве, для чего согласен оплатить мою поездку в оба конца на самолёте. Мои рассуждения о свадьбе он подвергает сокрушительной критике и называет "тревожным симптомом некоего духовного одичания славного моряка, книжника и романтика", наблюдая эту же тенденцию в поведении своего собственного сына и объясняя это влиянием нынешнего века и окружения. Он требует не поддаваться их влиянию, чтобы не попасть в нелюди, откуда обычно не выбираются.

Свои рекомендации и наставления Иван Антонович подает очень корректно и осторожно, чтобы не обидеть или унижить меня. Он даже допускает такую возможность, что смертельная сердечная болезнь и ограниченный срок пребывания на этой земле могут в какой-то степени способствовать его видению событий под иным углом зрения, но тут же ставит всё на свое место, напоминая, что этот угол зрения прежде был и моим... Вот так настойчиво, тактично и убедительно он воспитывает меня.

Москва, 1 декабря 1968 года. /Открытка. Картина Н. Пиросманишвили

Крестьянка с детьми идёт по воду/.

Дорогой Борис!

Придётся Вам разбирать мои каракули - после болезни /очередного сердечного приступа/ еще не разрешено писать на машинке.

Рад, что жизнь у Вас как-то начинает стабилизироваться, следовательно, будет возможность заняться писаниной - настоящей, без постоянной оглядки на редактора или преподавателя. Я тут думаю о Вас и как-то удивился - почему у нас моряки не

пишут о море? Полтора месяца я пролежал и читал преимущественно морскую английскую литературу - до чего же здорово! А у нас - великой морской державы в последнее время - ничего, кроме убогой казённой писанины. Даже приключения и крушения в газетах описываются так, что сразу видать - брехня, что-то не то.

Неужели нам нельзя написать так, чтобы было настоящее чувство моря, корабля и человека, сплавленные вместе в общей борьбе со стихией и судьбой?

Все мои /кроме Аллана, который опять в Сирии/ шлюют Ларисе и Вам наилучшие приветы. Пишите. А м.б. выберетесь в поездку? Мой новый "Час Быка" печатается в журнале "Молодая Гвардия" №№ 1-4, 1969.

Сердечно Ваш И.Ефремов.

Москва. 1969. /Новогодняя открытка/.

Дорогой Борис! От души желаем Вам и Ларисе в Новом 1969 году здоровья, успехов и всего светлого.

Т.Н. и И.А. Ефремовы.

P.S. Никогда не стесняйтесь обращаться, если что надо. Будьте моряком, хоть и на суше. Без "цирлих-манирлих", как говорит Тася. За лекарство не платят и не благодарят - древний азиатский обычай. Что ещё нужно - напишите.

Ваш И. Ефремов.

Москва. 5.1. 1969. Телеграмма.

Высылаем седуксен, это очень сильное средство. Необходимо наблюдение врача тчк. Вместе послал тиварцин более слабое такого же действия привет от всех.

Ефремов.

Москва. 20 сентября 1969 .

Дорогой Борис!

Очень буду рад видеть Вас и потолковать о многом. Перепиской не обсудить сложных вопросов, да и писать надо многие страницы, на что нет никакой возможности.

Я буду все время в Москве - здоровье не позволяет никуда ехать. Ежели и поеду - то не дальше близкого к Москве санатория, где найти меня будет просто.

Напишите всё же заранее, когда соберётесь, просто, чтобы мне не загружать это время иными посещениями - людей по-прежнему много, даже слишком. Давал ли я Вам читать, или говорил что-нибудь о книге Роберта Кэрса "Горизонт"? Правда, она уже несвоевременна, но мне кажется, что её герой весьма похож на Вас и путь его пока совпадает с Вашим вплоть до журналиста из моряка. Если пробудете в Москве несколько дней - дам прочитать. Очень доволен, что Лариса поправилась. Рано ей ещё расклеиваться. Передайте ей, пожалуйста, наилучший привет и примите сами.

С искренним уважением и пожеланиями здоровья обоим.

Ваш И.А. Ефремов.

P.S. Мой телефон теперь звучит так: 137-65-10, включаю его обычно с 3 до 6 вечера. Удобнее всего дозвониться после 18 часов.

Москва, 28.12.69. /Новогодняя открытка/.

Долг не свершён, не сдержаны обеты,

Не пройден путь и жребий нас обрёт

Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...

М. Волошин. "Корона Аустралис".

Дорогие Борис и Лариса! Поздравляем Вас с Новым 1970 годом и началом новой декады XX века желаем здоровья, всяческого благополучия и всего светлого.

Ваши Т.Н. и И.А. Ефремовы.

Москва, 18.02.70.

Дорогой Борис!

Очень рад был получить от Вас весточку и узнать, что в общем "ю ар доинг велл", как говорят англичане. Насчёт целкопёрства согласен, но вспомните, перед тем, как казнить себя, что это обернулось наихудшим образом именно в последние года. Вообще всё так за последнее время разворачивается, что многие профессии, ранее сносные, делаются чёрт-те чем. Например, писательство... Что будут делать бедняги-деляги с хронической нехваткой бумаги, с планами, уже заполненными по 1972-й год, с оплатой, оставшейся на прежнем уровне и малыми тиражами, право не знаю. У меня-то есть моя профессорская пенсия - 160 рублей в месяц, а у кого нет?

И, конечно, закон Финнегана /а не Фанингена/, точнее, его дальнейшее развитие в виде Стрелы Аримана будет лупить по всему хорошему...

Ну, после защиты, Вы появитесь, наверное, в Москве? Ежели к тому времени выйдет мой "Час Быка", то пришлю Ларисе и Вам на самолёт, а не выйдет - не обессудьте....

Тася в я вам обоим кланяемся и приветствуем. Марафед-Енот - тоже.

Пишите!

Ваш И. Ефремов.

Москва, 28 июня 1970.

Дорогой Борис!

Мы с Тасей от души поздравляем Вас с окончанием главных мытарств. Дальнейшее - в аспирантуре, всё же и полегче и ближе к цели, так сказать /цель мне всё же неясна - что даст аспирантура?/. Ежели какую-никакую кандидатскую степень, то всё равно - дело стоящее. Раз уж мир стал таков, что наука уничтожена, искусство - тоже на грани уничтожения и когда-то начнётся возрождение - Господи веси, то надо следовать внешне общему потоку, чтобы не донкихотствовать в мелочах и проигрывать в главном - в духовном самосовершенствовании.

Когда появитесь у нас, дам почитать кое-какие книги на этот предмет. "Час Быка" Вы с Ларисой, наверное, уже получили - он вышел и даже с малой кровью, как Вы увидите, если будет время сравнить его с рукописью.

Насчёт ноги - будьте осторожнее. Эти переломы в голеностопных суставах залечиваются очень медленно и внезапно дают о себе знать, если не были зарощены полностью. Поэтому наблюдайте несколько раз рентгеном, прежде чем окончательно снять гипс. Хоть Ваша молодость - гарантия быстрой регенерации, но всё же осторожность не мешает, кривая походка не подарок жене. Очень доволен, что Лариса оказалась хороша в английском. Может быть, почитав побольше, она что-либо переведёт с Вашей помощью? Какую-нибудь морскую книгу?

Бородаевским привета вместе не посылайте. Андрей оказался не тот фрукт, хотя и давно нам известен и товарищ Аллана, а вот поди ж ты... Короче, они с Глорией расходятся и по его вине. Я, как романтик, простил бы любое романтическое - ну, влюбись Андрей в другую или Славка бы полюбила иного героя, а так, из-за каких-то экономических неудач истерика и затем разрыв со Славкой в самый неблагоприятный для неё момент, когда она бросила и работать, и заниматься, чтобы быть с ним дома - это уже не рыцарь, а обыкновенный.....

Самолучший привет Вам и Ларисе от нас обоих и от Марафеда. Он /Марафед или Енот/ получил, точнее, купил квартиру и теперь наслаждается бытием в удобной однокомнатной квартире, здесь же у нас, на юго-западе.

Пишите, а буде возможность - приезжайте. Может, прислать денег на билет? Я ведь теперь на коне, как скоро переведут гонорар за книжку.

Ваш И. Ефремов.

Москва, 19.07.70. / Открытка: Москва, Юго-Запад/.

Дорогой Борис!

Душевное спасибо Вам и Ларисе за приглашение, но - май дэйз оф эни троубелз ар овер нау! Может быть, и удастся осенью выбраться в Ленинград, но и то под большим сомнением.

Рукопись "Час Быка" храните до очередной поездки в Москву - м.б. Вам удастся приехать вместе с Ларисой - её показать и нам посмотреть. Если это будет попозже - в сентябре или октябре - нас наверняка застанете. Я пришлю Вам даже денежный заём на дорогу.

Привет вам обоим от всех наших - Таси, Аллана, Марафед - Енота и Глории. Ольга - в Сибири, в экспедиции. Будьте здоровы и всего вам светлого!

Ваш И. Ефремов.

Москва, 27 сентября 1970.

Дорогой Борис!

Рад слышать, что собираетесь приехать. Поговорю насчёт Вашей печенки с моим гомеопатом-знаменитостью Мухиным. М.б. он сам Вас посмотрит, а ежели печёнки не в его ведомстве, то порекомендует кого. Пора, конечно, и Ларису показать - подать сюда! Марафед просит Вас передать, что ничего ей не надобно, а вот пристанище Вы можете найти у неё на новой квартире, недалеко от нас, на пару дней, а ежели подольше - то она устроит Вас в комнате своей племянницы, коя стоит пустая, а племянница на Камчатке. Там не столь уж уютно /в комнате, не на Камчатке/, но Вы можете обраться там сколько угодно - месяц, два никого не стесняя.

Из фруктов ничего нельзя везти - за такую самостоятельность хватают заградительные кордоны и отнимают начисто. Может, сейчас, после снятия карантина полегче, но, поскольку Вы едете по одесскому направлению, то оно самое страшное. Лучше не надо, тем более, что среднеразличные фрукты в Московии есть.

Короче - приезжайте, ничего не везите, акациевый мед, по-моему, приторная мишура, насколько помню из детских украинских воспоминаний.

Имейте ввиду, что холодильник у нас уже порядочный, а на октябрь грозятся и того пуще - одевайтесь теплее. "Куропись" "Час Быка", ежели багаж не тяжёл, прихватите с собой, а тяжёл - не беда, пришлёте потом посылкой.

Душевный привет вам обоим от Тасеньки и меня, и Енота.

Будьте здоровы! Ваш И. Ефремов.

Москва, декабрь 1970. /Новогодняя поздравительная открытка/.

Дорогих Бориса и Ларису поздравляем с Новым 1971 годом, желаем здоровья, приумножения семейства и благополучия, всего светлого плюс изображенное на обороте сего.

Ваши Т.Н. и И.А. Ефремовы.

Москва, 8.03. 1971, /Открытка поздравительная/.

Дорогую Ларису целуем, поздравляем с Женским Днём, желаем здоровья и всего светлого. Поклон Борису.

Ваши Ефремовы.

Сколько тепла и забота в каждом письме! Сколько времени было потрачено Иваном Антоновичем на переписку со мною! Думаю, что этого времени с избытком хватило бы моему наставнику если не на целый роман, то уж на повесть несомненно.

Как-то, приехав в Бердичев к родителям, я в разговоре с отцом рассказал ему о нашей дружбе, переписке, встречах.

- Как объяснить, что в наше суровое время нашелся в Москве такой добрый человек? Знаменитый, занятый сверх всякой меры, уделяет столько внимания какому-то юноше на Сахалине, - вслух высказал свое удивление отец.

- Иван Антонович не москвич, а питерский, - сказал я.

- Понятно, в Питера такие люди есть, - сказал отец.

Мой отец прожил долгую и трудную жизнь. Семи лет от роду потерял отца и пошёл на кирпичный завод возить тачкой глину, чтобы содержать больную мать и двухлетнюю сестрёнку Женю. Участвовал в трёх революциях, прошёл три войны, перенёс три голодовки и выполнил шесть промпятилеток - да таких испытания с лихвой хватило бы десятерым, а они выпали на его одного.

В 1933 году наша семья жила в Житомире. В семье четверо детей. Когда есть было нечего, мама отнесла в Торгсин /так тогда назывались магазины "Торговля с иностранцами", хотя какие иностранцы могли быть в то время в провинциальных городках?/ и сдала два обручальных кольца и два отцовских Георгиевских креста, за что директор Вайсбург лично ей выдал мешок муки. Но когда мука кончилась, а наши соседи, учителя, добрые интеллигентные люди съели вначале своего сына, а потом дочь, отец решил бежать с семьёй в Ленинград. По счастливому совпадению на станции Дно заградотрядом командовал его сослуживец, с которым в Гражданскую войну служил в одном эскадроне, и он разрешил отцу провести под вагонами семью в лес. В этом лесу наша семья жила две недели, пока отец с матерью искали работу, а дети Петя и Валя просили на паперти подаяния.

- Питерцы - добрые, жалостливые люди, подавали, кто хлеб, кто деньги и мы выжили, благодаря этим людям, - вспоминал отец. А в блокаду 900 тысяч таких людей умерли от голода и холода...

Питерцы!... Наш клуб "Военмор", объединяющий тех, кто проходил службу на военно-морском флоте, ежегодно в последнее воскресенье июля отмечает на даче Виктора Кускова, командора клуба, День ВМФ. В глубине двора устанавливаем столы, раскладываем бортпайки, рассаживаемся на скамейках, поднимаем флаги, произносим тосты, поем морские песни.

В один из таких дней смотрим, возле дачи остановились три иномарки. Оттуда вышли мужчины, женщины, дети, подошли к забору. Кто такие, что им нужно? Я с командором направляемся к неожиданным гостям. Оказывается, это ленинградцы, отдыхающие в Коблево Николаевской области и едущие в Измаил. Хотят уточнить, правильно ли они едут?

- Мы вам ничего не скажем, пока вы не войдёте во двор, - говорит Кусков. Питерцы послушно следуют через калитку. Виктор Иванович подводит их к столу, командует морякам встать и убрать посуду. Накрывается стол, гостей приглашают сесть, наливают вино и поднимают тост за дружбу. Потом за флот. Затем за питерцев - Кусков выносит три закатанных банки вина "каберне".

- Езжайте прямо, потом повернёте направо, на окраине Белгорода поворачивайте налево и едьте прямо, никуда не сворачивая, до самого Дуная. Вино возьмите с собою, но до Измаила банки не открывайте!

- Какие вы хорошие люди! - не скрывают своих чувств питерцы.

- А вы разве плохие? - спрашивает Кусков. - Когда мы проходили службу в экипаже у Поцелуева моста и срывались в город, стоило матросу зайти в любую квартиру, как его тут же усадят за стол!

- Пусть теперь питерцам кто-то скажет, что в Украине живут плохие люди! - смеялись моряки, распрощавшись с гостями.

Иван Антонович был человеком могучего телосложения, обладал недюжинной силой и громким, рокочущим голосом. И при этом он никогда не проявлял высокомерия, держался с собеседником на дружеской ноге улыбался и часто заливался заразительным громким смехом. Тем не менее он знал себе цену и там, где это было нужно, держал себя на высоте и сохранял дистанцию. Он был чистосердечен и откровенен. Вот почему в

письме он открыто высказывает свое отношение к Расулу Гамзатову, который стал холуистоват.

В один из своих приездов я застал Ивана Антоновича возбужденным. Передо мною его посетил внук революционерки, соратницы Ленина Эйхе. Он выдал Ивану Антоновичу интересную информацию: в 1918 году, после заключения Брестского мира, большевистское правительство выплатило кайзеровской Германии пять миллиардов рублей золотом. Благодаря такой контрибуции Ленин смог удержаться у власти. В советское время информация такого рода тщательно скрывалась либо относилась к разряду фальсификаций империалистической пропаганды.

Поскольку в доме Ефремовых всех гостей встречали хлебом-солью, Таисия Иосифовна накрыла стол и поставила бутылку коньяка, беседа за столом протекала спокойно, хотя гость изрядно опьянел. Потом Ивана Антоновича вызывали к телефону и он не менее получаса беседовал с издателем. А когда вернулся к столу, коньяк был выпит до последней капли, а племянник уснул за столом. Пришлось его будить и выпроваживать. Естественно, такое поведение гостя не могло понравиться Ивану Антоновичу...

Иван Антонович любил романтику и не терпел мещанства. Поэтому, когда он прочел в письме мои сетования на то, что нам с Ларисой пришлось довольствоваться в ЗАГСЕ бутылкой шампанского и отказаться от свадьбы /брак мы регистрировали в Измаиле, куда недавно приехали, никого не знали и вошли в полосу безденежья/, разгневанный наставник что называется, "раздолбал" в письме меня, как следует, объясняя, что свадьба - дело интимное я уж никак не повод для жранья и питья. Замечание о свадьбе он воспринял как тревожный симптом "некоего духовного одичания славного моряка, книжника и романтика"....

До глубины души трогала отеческая забота Ивана Антоновича. Он вникал во все проблемы нашего неустроенного быта, давал полезные советы и просил не стесняться, если требуется финансовая поддержка вплоть до оплаты поездок в Москву. Когда заболела Лариса, из Москвы пришли по почте дефицитные лекарства. Когда я сломал ногу, он счёл нужным дать мне на высоком медицинском уровне несколько полезных советов, предупреждая, что хромая походка - не подарок жене.

Иван Антонович искренне радовался моему успешному окончанию учёбы в университете, которая продолжалась шесть лет и чувствительно была по семейному бюджету. Он одобрил моё согласие поступить в заочную аспирантуру и даже порекомендовал следовать в общем потоке жизни, чтобы не донкихотствовать в мелочах и проигрывать в главном - в духовном самосовершенствовании. Но жизнь сложилась так, что, сдав кандидатский минимум, я разочаровался в перспективе стать научным работником, потому как наука находилась всецело под контролем и прессом партии, а плясать в угоду партийным кукловодам мне никак не хотелось.

Москва, 17 декабря 1971.

Дорогой Борис!

Большое спасибо Вам и Ларисе за приятную посылку. Правда, я ругал моряка за плохую погрузку - укладка груза произведена неверно.

Селёдку надо было завернуть ещё или отделить слоем бумаги от нижнего слоя яблок. Яблоки очень вкусные, туфлешки - приятные и я сам не прочь получить такие, только мне надо 44-й размер, а Тасеньке ещё на два номера меньше, чем те, которые прибыли. Они пойдут Ольге.

Только написал эти строки, как мои женщины меня изругали. Велят передать, что всё прекрасно и яблоки очень вкусные, и туфельки будут носить сами. Яблоки пришлось кстати. Тасенька очень больна - вирусный грипп "гонконг-А2" осложнился двусторонним воспалением лёгких. Теперь уже нормальная температура, но лежать ещё долго и она сильно сдала - голосок стал совсем тонкий и едва слышен. Енот поселился у нас и помогает.

Стихи, что прислали - чепуховские. О больших темах и больших нельзя писать в таком ёрническом тоне. Могу прислать назад, а могу и выкинуть, что лучше. Насчёт английских книг. У меня нет ничего научно-исторического, которое годилось бы для переводов. Разве историко-географические штуки, вроде истории открытия Голубого и Белого Нила знаменитого Алана Мурхеда? Или художественные биографии Чингиз-хана? Или путешествия Ливингстона по Африке и некоего лорда по Индии? Буду искать.

Насчёт опубликования очерков: Жемайтис не имеет никакого отношения к редакции журнала "Молодая Гвардия", а там сейчас сменилось всё руководство. Мне думается, что будет гораздо лучше, если Вы будете выступать в качестве периферийного журналиста-очеркиста. Сейчас очень носятся с показом, что литература и многонациональна и из самых разных мест СССР, поэтому провинциалу, как ни странно, гораздо легче напечататься, чем москвичу. И требования меньше, и вне "очерёдности". Но посылать надо именно в Москву, а не в Ленинград, например, потому, как Москва - сосредоточие и т.д. Кроме "Молодой Гвардии" есть ещё "Дружба народов", "Юность", "Знамя", "Октябрь" и т. д. Можно печатать и в "Смене", и в "Сельской молодёжи", смотря по теме.

Сердечные и нежные приветы Вам, Ларисе и Юльке и наилучшие пожелания на Новый, 1972 год, от всех нас - Тасеньки, Енота и меня.

А насчёт беспокойного сна и крика Юльки - пусть Лариса посмотрит, досыта ли она кормит. Мне кажется, что дочь очень сильно раскормлена и её нельзя просто недокармливать, а надо это делать, как-то снижая калорийность еды, а если Лариса ещё продолжает подкармливать молоком, то ослабить сахарное и каши, особенно манную. Творог хорош!

С искренним приветом Ваш И.А. Ефремов.

P.S. Мои женщины неугомонные:

а/ Тасенька беспокоится, не надо ли чего для Юльки, что трудно достать у Вас и легче в Москве?

б/ Енот спрашивает насчёт Вашей печёнки - как она?

Москва, 6.01. 72. /почтовая бандероль/.

Дорогой Борис!

Пока самой подходящей мне показалась книга Хейердала "Кон-Тики" - документальный репортаж и современный. Попробуйте.

Стихи прилагаю.

Привет Ларисе, Вам и Юле от всех.

Ваш И. Ефремов.

Москва. Дата не установлена, м. б. 1957? /Открытка Пик Победы/.

Дорогой Борис!

Конечно, терзания по поводу промахов или благоглупостей, совершённых в жизни или на бумаге - это неотъемлемое свойство юности. Но всё же об этом свойстве надо помнить и относиться к нему диалектически, т.е. не переоценивать его место в жизни. В том, что Вы пишете своё - порою и неверно и противоречиво, порою очень метко и верно /далее неразборчиво/. И в этом её диалектика - самое ценное в Вас, почему и подружился с Вами заочно и почему продолжается переписка. Если же попробуете, бывая в Москве, не зайти ко мне /самому уж, наверное, не..../ прикажу своему сыну и его другу /один боксёр, другой - борец/ оторвать голову, т.к. она Вам явно не будет нужна.

Письмом отправил фото, чтобы имели представление обо мне в последнее время.

С приветом

И. Ефремов.

*Москва. Дата не установлена./Открытка. Кустарные изделия Индии
Статуэтка из слоновой кости/
Дорогой Борис!
Поздравляю с наступающим праздником!
Сейчас я занят выше всех прежних пределов - юбилейная сессия
Академии Наук с ... и т.д. Напишу Вам подробнее после праздников. Но, если адрес
у Вас переменится, так Вы заранее предупредите - сразу, как только узнаете, пошлите
хотя бы открытку, т.к. /далее неразборчиво/
С приветом!
Ваш И. Ефремов.*

Последнее письмо от Ивана Антоновича было отправлено мне 17 декабря 1971 года, а 6 января 1972-го я получил бандероль с книгой Тура Хейердала и коротенькую записку. 1 июня 1972 года наша семья переехала в Белгород-Днестровский, где поселились в новом общежитии завода медизделий по ул. Лазо, 12. Начались хлопоты и заботы, навалившиеся на нас в связи с переменой места жительства. Тут уж нам не до переписки было. А Ивану Антоновичу становилось все хуже и он тоже не писал.

22 апреля 1972 года Ивану Антоновичу исполнилось 65 лет. Мой брат Пётр, к тому времени уже окончивший Литинститут и проживавший в г. Бердичеве поздравил его с Днём рождения стихом, копия которого сохранилась в архиве брата. К тому времени уже 200-тысячным тиражом вышел "Час Быка" и была объявлена подписка на пятитомник собрания его сочинений, выпускаемый изданием "Молодая Гвардия".

Стоите Вы в ряду тех россов,
Кого судьба не обошла,
В Вас Петр Великий, Ломоносов,
Их мысли, думы и дела.
Мрак разгоняя, тьму и дрему,
Пронзая мыслью даль веков,
Иван Антонович Ефремов
Достоин множества венков.
Сквозь лихолетья и потёмки,
Когда народы все пройдут,
Их благодарные потомки
Вас добрым словом помянут.
И вместе с верным Пандионом
В стране песков и пирамид
В единоборстве с фараоном
Вы были мудрый, добрый гид.
Чтоб сокрушить злой ночи тьму,
Будить людей, звать к правде, свету
Выводите из тупика
В сон погружённую планету.
Ну, с чем сравнить мне книгу Вашу,
Таких, увы, немного книг...
Она открытий дивных чаша,
Великой мудрости родник.
И я уверен - "Час Быка",
Пройдя преграды и заторы,
Как меч, переживет века,
Служа всем верой и опорой.
Пётр УСТИМЕНКО.

Последним произведением Ивана Антоновича Ефремова стал исторический роман "Таис Афинская". Подписанный к печати 8 августа 1973 года он вышел спустя три месяца в издательстве "Молодая Гвардия", год спустя после смерти автора. Как и все книги Ефремова, эта книга пользовалась и пользуется по сей день огромной популярностью у читателей.

ОН ДАРИЛ ЛЮДЯМ ДОБРОТУ

Лето 1972 года выдалось для меня напряжённым и беспокойным. Переезд в Белгород-Днестровский, получение комнаты в общежитии, адаптация на новом месте работы в редакции горрайонной газеты "Советское Приднестровье" в должности заведующего отделом писем. За год через наш отдел, где работали я и литсотрудник, проходило от шести до десяти тысяч писем, главным образом, жалоб и просьб о помощи. Долг журналиста и Постановление ЦК КПСС "О работе с письмами и жалобами трудящихся" требовали воспринимать каждую жалобу и проблему автора письма в редакцию как свою личную. Рабочий день начинался в редакции с "пятиминутки", на которой рассматривались актуальные вопросы и планировалась работа на день. Потом - ознакомление с почтой, подготовка к печати писем трудящихся, рассылка в различные инстанции для принятия мер. Затем, как правило, выезд по адресам жалобщиков на предприятия города или в хозяйства района. Домой возвращался вечером, усталый и изможденный летней жарой. Скучный ужин, беспокойный сон и утром все сначала.

Юлечке исполнился годик. Поскольку жить на мою зарплату было трудно, Лариса нашла работу на заводе ячеистых бетонов. Встал вопрос устройства ребенка в ясли. Заведующий горно Бабкин вошёл в мое положение и без проволочек нашел место в первом детском садике. Туда я приносил на руках рано утром Юлю, поскольку это было мне по пути - предприятие Ларисы находилось в другом конце города. По дороге я рассказывал доченьке сказки, но, когда прощался с нею в садике, она начинала плакать и с криком "Не хочу в сясели!" бежала, спотыкаясь и падая, за мною. Но я поделаться ничего не мог - обе бабушки жили от нас далеко - и я, скрепя сердце, спешил на работу.

Одна радость была у нас - это отдых у моря. Редакция арендовала два деревянных домика на базе отдыха колхоза имени Суворова в Затоке и оба выходных дня - субботу и воскресенье - мы проводили там. Между домиком и морем лежала двадцатиметровая полоса белого, как на Карибах, песка. В пятницу после работы я крепил на багажнике велосипеда сумку с продуктами, сажал на маленькое седёлко возле руля Юлю, она ставила ножки на небольшие штыри, закрепленные на передней вилке, и мы катили вдоль лимана до Шабо и оттуда по старой дороге в Заток. Там встречали автобус с Ларисой и пешком шли до базы отдыха, которая находилась за пансионатом "Затока". Расположившись в домике, шли купаться. Вечером сидели у костра и шли спать.

Утречком, я брал один рубль и пластиковый пакет. Потом в плавках бежал по косе в сторону Сергеевки. Там был рыбпункт, где рыбаки к семи часам утра приходили с моря, проверив ставные сети. Они насыпали мне в пакет три совка рыбёшки. В начале лета это была жирная черноморская хамса, позже - мелкая ставрида. Когда я возвращался, Лариса часть хамсы солила в банке и к вечеру мы ели её с картошкой в мундире. А на завтрак она жарила её на сковородке, днём варила рыбный суп. После завтрака я садил Юлю себе на спину и заплывал на подводную косу в полусотне метров от берега, где воды было до пояса и мы с нею весело бултыхались в тёплой воде. Или уходили на Шаболатский лиман, где на илистом дне лежали старые автопокрышки, в которых прятались бычки.

Так мы проводили субботу и воскресенье, а к вечеру шли пешком по Затоке до поворота на Белгород. Там Лариса садилась на автобус, а мы с Юлей на велосипед и тем же путем ехали домой. В Шабо, возле церкви, заворачивали в переулочек Базарный, где в домике № 13 жили родители Лёши Егорова, моего друга. Лидия Максимовна угощала нас абрикосами, черешнями или компотом. Передохнув в тени виноградной беседки, мы отправлялись домой. К середине лета мы покрывались бронзовым загаром, чувствовали себя крепкими и здоровыми. Такой отдых восстанавливал силы и одинаково радовал и Юлю, и нас.

Наступила осень. В первых числах октября 1972 года, просматривая кипу газет на столе в приёмной нашей редакции, я вдруг увидел в "Литературной газете", внизу, в уголке страницы некролог в черной рамке. И фотографию Ивана Антоновича. "На шестьдесят шестом году жизни ушёл от нас виднейший писатель-фантаст нашего времени

Иван Антонович Ефремов...". Я с трудом, сквозь слёзы, дочитал некролог, подписанный секретариатом правления Союза писателей СССР, секретариатом правления Союза писателей РСФСР и секретариатом правления Московской писательской организации.

Для меня это была огромная, невосполнимая потеря. В 1970-м у меня умер отец и вот вторая, такая же тяжёлая потеря. Помню, поразило меня то обстоятельство, что в других центральных газетах факт смерти всемирно известного учёного, создателя новой науки тафономии, руководителя многих научных экспедиций не был замечен. Почему? Ответ я нашел в письмах Таисии Иосифовны, которые стал получать после того, как она пришла в себя после такой страшной потери и событий, которые после смерти Ивана Антоновича, начали происходить вокруг его имени.

23.12. 72.

Дорогие Лариса, Борис и маленькая Юличка!

Спасибо вам за всё, мы с Енотом поздравляем вас с Новым годом. Здоровья и радости вам всем.

Подробно писать ещё не могу. Одно - ушёл наш Добрый Джон не мучаясь - во сне. А я всё жду чуда. И не верю в то, что случилось. Целуем вас всех. Тася и Марафед.

P.S. В начале января должна быть подписка на 5-томник Ивана Антоновича, выпускать будет издательство "Молодая Гвардия".

В одном из последующих писем Таисия Иосифовна подробно сообщала о своих горестях и переживаниях, свалившихся на нее после смерти Ивана Антоновича. Об этом она написала мне 17 мая 1973 года.

Дорогие Борис и Лариса!

Спасибо Вам за поздравление и память. Мы Вас не забываем, а всегда помним и любим. По-видимому, Вы не получили моего письма, которое я послала Вам в марте. Но меня это не удивляет, уже были случаи, когда пропадали письма и ко мне, и мои. Я писала в нём, что у меня было много неприятностей, уже после смерти Ивана Антоновича, но, конечно, связанных с ним. Но об этом всем не напишешь. Как и у всех больших людей у него оказались завистники, которые решили оклеветать его, распуская гнусные слухи. К сожалению, доносы их достигли цели: задержали подписку на его собрание сочинений, сняли некрологи о нем в некоторых журналах, в том числе и в палеонтологическом. Конечно, все это было неожиданно и гадко. Не мне Вам писать, каким был, есть и будет Иван Антонович. По-видимому и к сожалению, это участь всех великих людей...

Мне ещё трудно о нём писать. До сих пор не могу смириться с жестокостью и несправедливостью судьбы. Ведь столько доброты и тепла он давал людям. И как многим его не хватает сейчас! В этом я убедилась 22 апреля - в День его рождения. Приходило много людей и было много красивых цветов. Так много, что весь кабинет Его стал похож на оранжерею.

23 апреля я отвезла рукопись Его последнего романа "Таис Афинская". Это будет целчок клеветникам. В издательстве сказали, что к концу года выйдет, хотя я в этом не уверена, что правда восторжествует. Но тогда зачем же вообще жить?

А вот выдержка из письма Таисии Иосифовны от 14 ноября 1973 года:

...Я знаю, как всё трудно доставалось Ивану Антоновичу. Отдельный кабинет у него появился в 55 лет и это после десяти лет хлопот, чтобы обменять квартиру. Но я никогда жалоб от него не слышала, а ведь по отношению к нему было очень много несправедливого. И он это знал. Было много, да и сейчас ещё хватает подлости по отношению к его памяти. Но наградой всему - люди, читатели, некоторые из них даже не знавшие Его лично. Но они знают и любят Его книги, в которых так много прекрасного и светлого оставил Он.

В письме, отправленном неделю спустя, 21 ноября 1973 года, Таисия Иосифовна вновь пишет о неприятностях, которые ещё не кончились:

...Знала, что есть много злых и завистливых людей, но то, что они будут так мстить человеку, который сам в свою защиту уже ничего сказать не может, я даже не думала. Гадостей было много, вплоть до того, что сняли с печати некрологи в нескольких журналах и альманахах, задержали издание собрания Его сочинений. Дошло до абсурда - Его имя запретили даже в кроссвордах упоминать!.. Вычёркивают Его имя из статей о научной фантастике и геолого-палеонтологических, сняли некролог в Палеонтологическом журнале - в науке, которой он отдал сорок лет. Я писала в ЦК КПСС - мне не ответили. Знаю, что некоторые читатели обращались и в ЦК, и в Литературную газету, а им отвечали, что все в порядке, что Иван Антонович останется в литературе и науке тем же. Но замалчивание до сих пор продолжается. Меня читатели спрашивают, почему так, а я ничего не могу сказать, так как сама не знаю. Видимо, Иван Антонович слишком много делал добра и завистники не могут успокоиться, видя Его популярность у читателей. Я знаю, что правда обязательно восторжествует, а всё равно горько и обидно. Вот видите, теперь я жалуюсь Вам. Вы то, как никто другой, знали, каким он был.

ФАНТАЗИИ НА ЗНАКОМУЮ ТЕМУ

О том, что произошло ровно через месяц после смерти Ивана Антоновича, 4 ноября 1972 года я узнал от Таисии Иосифовны шесть лет спустя после возвращения из семимесячного плавания на китобойной флотилии "Владивосток". Мой путь домой лежал через Москву, где я решил задержаться на несколько дней и первым делом отправился на улицу Губкина в дом № 4.

...Мы сидели в кабинете Ивана Антоновича и Таисия Иосифовна вместе с Марией Федоровной Лукьяновой рассказывали о том, как утром 4 ноября к дому подкатили две чёрные "Волги" и десять работников Управления КГБ по Москве и Московской области с двумя работниками домоуправления вошли в квартиру и приступили к обыску, который закончился к полуночи. Кагэбисты, по их словам, искали "идеологически вредную литературу", тщательно обследуя с помощью металлоискателя и рентгеновской аппаратуры обе комнаты, кухню, ванную и подсобные помещения. "Гостей" интересовало всё: фотографии, рукописи, письма, безделушки. Особый интерес у них вызвали деревянная разборная трость с острым металлическим стержнем, металлическая палица из цветного металла, висевшая в книжном шкафу, и фотоснимок, сделанный в Бердянске в годы революций, на котором юный Ваня Ефремов был заснят во весь рост в английском френче и бутсах. В то время он был воспитанником автомобильной роты Шестой армии, с которой прошёл до Перекопа. Мои собеседницы высказали предположение, что именно эта фотография послужила главным аргументом фантастической версии, родившейся в воспаленном мозгу интеллигентных доносчиков и подвигшей контрразведчиков на обыск.

18 мая 1992 года в еженедельнике "Аргументы и факты" на первой полосе я прочел заметку "Кем же был Иван Ефремов?" Дабы не отправлять заинтересованного читателя на поиски этой газеты в библиотечные хранилища, я позволю себе процитировать её.

"Что может быть общего между автором бессмертного "Робинзона Крузо" - англичанином Даниэлем Дефо и великим фантастом Иваном Ефремовым? Первый создал английскую разведку, а второй, возможно, был ее сотрудником.

Как нам стало известно из компетентных источников, действительно, в 70-е гг. в стенах КГБ проводилась тщательная проработка версии о возможной причастности И. Ефремова к нелегальной резидентуре английской разведки в СССР, и что самое удивительное, окончательная точка так и не была поставлена - действительно ли великий фантаст и учёный Иван Ефремов - Майкл Э. - сын английского лесопромышленника, жившего до 1917 г. в России?

Основанием для многолетней работы по проверке шпионской версии послужила внезапная смерть Ивана Ефремова через час после получения странного письма из-за границы. Были основания полагать, что письмо было обработано специальными средствами, под воздействием которых наступает смертельный исход. Не случайно и то, что именно контрразведке было поручено ведение уголовного дела по факту смерти Ефремова.

Не исключено, что версия, всерьёз разрабатывавшаяся КГБ в течение многих лет, окажется в конце концов пригодной лишь для сюжета какого-нибудь очередного фантастического рассказа".

Прочитав эту заметку, я не мог позволить себе не отреагировать на нее должным образом и тут-же подготовил письмо в газету под заголовком "Фантазии на знакомую тему". Я не мог молчать, коль речь шла о репутации человека, с которым меня связывала многолетняя дружба. Ивану Антоновичу я обязан тем, что овладел морской профессией, которую он считал самой подходящей для настоящего мужчины, получил университетское образование, изучил английский язык, и в конце-концов не спился и не оскотинился, хотя для этого имелись большие возможности.

"Для меня, как и для каждого из нас, кого он осчастливил своей дружбой, Иван Антонович Ефремов остался навсегда в памяти великим гуманистом и патриотом России, человеком большого доброго сердца и огромной эрудиции. Чтение заметки вызвало в

моей душе противоречивые чувства. С одной стороны обидно, что имя покойного стало предметом такой сенсации, с другой - хорошо, что архивы КГБ стали доступны для исследователей и об этом, наконец-то, заговорили вслух.

А теперь я выскажу своё мнение на этот счет. Многолетняя непрерывная борьба с внешними и внутренними врагами вынудила Советскую власть создать и содержать огромный карательный аппарат. Империя "Щита и Меча" оплела сетью весь мир, а в своей стране держала под контролем каждый дом, каждую семью. В этом всемогущем ведомстве наряду с добросовестными работниками прижилось немало бездельников, которые, отработав зарплату, заводили "дела", причём фантазия их, в отличие от писателя-фантаста Ивана Ефремова, не знала предела. Это они объявили маршала Блюхера японским шпионом, а другого маршала - Тухачевского - агентом польской дефензивы, которую в просторечии именовали "двуйкой" и которая славилась тем, что не имела средств для оплаты услуг своих агентов. Но это обстоятельство ничуть не смущало фантазёров, поставивших производство "липовых" дел на поток, в результате чего создавалось впечатление, что наша страна наводнена шпионами. В середине тридцатых годов шпионов изобличали и ловили пионеры, пенсионеры, не говоря уже об энкаведистах и пограничниках, таких как славный Карацупа с верным псом Ингусом.

Особое место в этих фантазиях занимала английская разведка "Интеллидженс сервис", подарившая миру Лоуренса Аравийского, Локкарта, Сиднея Рейли, нашего земляка-одессита, с которого его подруга Войнич срисовала портрет неистового революционера Овода. Иосиф Сталин до самой своей кончины подозревал в шпионаже своего соратника Молотова. Английским шпионом после ареста был объявлен и всемогущий хозяин этого ведомства Лаврентий Берия. Складывается впечатление, что наши славные чекисты после окончания войны приняли эстафету у своих коллег из секретных ведомств Третьего рейха, также подозревавших в связях с английской разведкой Рудольфа Гесса, Канариса, Шелленберга.

Впрочем, Иван Антонович, возможно, сам того не ведая, давал повод проявить интерес к своей особе. Посудите сами: в те годы, когда прохожие пристально всматривались в каждого, кто носил шляпу и галстук - не шпион ли он? - Иван Антонович читал в подлинниках Конрада, Хаггарта и Кипплинга, получал обильную почту из-за "бугра" и сам писал туда, водил дружбу с американским профессором Олсеном, награждался Почётным дипломом Линневского общества в Лондоне и даже назвал сына своего английским именем - Аллан. Улики, как говорится, налицо, но в семидесятых годах их, видимо, было недостаточно, чтобы "присобачить" гражданину Ефремову такую громкую статью. Вот почему в КГБ не решались взяться за него при жизни, но сразу же приступили к делу, как только он умер. Мало того, что эта операция доставила столько страданий близким покойного, так, несомненно не без указаний всемогущего ведомства, некролог о его смерти был снят с газет и журналов, в которых Иван Антонович Ефремов печатался при жизни, да и само его имя замалчивалось долгие года.

Жизнь доказала несостоятельность фантазий кагебистов. Реабилитированы были маршалы Блюхер и Тухачевский, а в самом ведомстве, боровшемся с врагами, вдруг обнаружилось - на этот раз реальные - английские шпионы Пеньковский, Гордиевский, Ревзун и множество менее известных, нанешие огромный вред обороне страны и самому КГБ. А в это время там на самом высоком уровне аналитики занимались разработкой версии Ефремов - английский шпион.

И тут возникает вопрос: надо ли числиться профессионалом-контразведчиком, работать в центральном аппарате, носить большое звание и не уразуметь, что даже "Интеллидженс сервис" не под силу было бы заставить девятерых дядей, брата и сестру признать Майкла Иваном. А разве ни о чем не говорил чекистам сам образ жизни Ефремова? Его дом был открыт всегда и для всех, характерный позабытым уже московским хлебосольством. Честный, прямодушный и доброжелательный человек, Иван Антонович в беседах и письмах откровенно излагал свое видение проблемы, не стеснялся в выражениях и не скрывал своего отношения к действительности /как, впрочем, и в

книгах, достаточно прочитать его "Час Быка"/. За такие высказывания писателя Ефремова скорее всего могли бы зачислить в диссиденты, но уж никак не в резиденты... Ведь тогда, в шестидесятых годах Иван Антонович говорил вслух и писал в письмах то, что мы начали, оглядываясь по привычке, говорить и писать в конце восьмидесятых.

Судьба моряка свела меня на одном судне с помполитом из бывших выводных надзирателей, благополучно отсидевшим войну в караульном помещении концлагеря под Хабаровском. На судне его называли Сачком. Бездельник и демагог после долгих подслушиваний, подглядываний и размышлений, благо времени у него на это было предостаточно, пришел к выводу, что в нашей стране каждый тридцатый человек - шпион, а поскольку на судне в экипаже насчитывалось 36 человек, помполит счёл своей святой обязанностью выявить и обезвредить врага. Свою идею-фикс он начал упорно и методично воплощать в жизнь. Кто-то из ребят, чтобы разыграть "помпу" начал расписывать английскими словами стенгазету и даже переборки. Чтобы выявить "агента империализма", помполит, позабыв про дневной и ночной сон, устанавливал дополнительные вахтенные посты из проверенных партийцев и передовиков производства, а таинственные надписи на английском языке не убывали. Более того, в его каюте стали появляться обрывки американских газет и страницы журналов. На его имя время от времени поступали радиogramмы из Риги, Одессы, Батуми загадочного содержания вроде "Картер прошёл благополучно. Жду указаний. Гладиолус". Их отправляли с телеграфа, дурачась, отпускники, в ночное время, выйдя из ресторана. Наш розыгрыш закончился неожиданным финалом. Осознав свою беспомощность в борьбе с вездесущими шпионами, не встретив понимания и поддержки у компетентных органов, в парткоме пароходства и у экипажа судна, помполит ушёл работать к рыбакам, где запил до белой горячки, был исключен из партии, лишен должности и канул в небытие.

Не лишне будет заметить, что Иван Антонович выписывал журнал "Нейшнл джиогрэфик" и его библиотека насчитывала немало книг на английском языке. Не эти ли факты легли в фундамент построения версии фантазёров с Кузнецкого моста?

Что же касается обстоятельства смерти Ивана Антоновича, то, как мне известно, умер он ночью во сне в результате сердечного приступа, а не час спустя после прочтения "странного письма из-за границы", пропитанного неизвестным ядом. Такие сюжетные ходы допустимы во времена Екатерины Медичи и Александра Борджиа, так что фантазёрам с Кузнецкого моста следовало бы придумать нечто более правдоподобное. Или у них истожились фантазия?

10 мая я с балтийским моряком Ю.Л.Васильевым отправились из Ленинграда в Комарово, где покоится прах Ивана Антоновича Ефремова. На черном камне лежало множество белых и алых цветов. Их возлагают люди, которые любят и чтят этого замечательного человека, хотя это запросто можно приписать проделкам вездесущей "Интеллидженс сервис".

Борис УСТИМЕНКО, журналист.

Мое письмо в "Аргументы и факты" не только не увидело света, но и осталось безответным. Зато в газете "24 часа" я прочел большую статью "Туманность", написанную литератором Андреем Измайловым. Автор обстоятельно и подробно описал эту неприглядную историю и привёл высказывание Ю.Медведева относительно предполагаемых авторов доноса, чем вызвал возмущение братьев Стругацких.

Вскоре после обыска по Москве прошли слухи, что Ефремов - это вовсе не Ефремов, а английский разведчик, что его подменили в Монголии во время Гобийской экспедиции. Как пишет Измайлов, такая версия вызвала у Таисии Иосифовны мягкую иронию, а Петр Константинович Чудинов, усмехаясь, сказал: "Если англичане в Монголии "подложили" нам Ивана Антоновича, то им спасибо надо сказать! Такого учёного подарили, такого писателя!" Писатель Аркадий Натанович Стругацкий заявил, что, учитывая возможность проникновения на Землю инопланетян, у фэнов, то есть любителей фантастики, родилась и укрепилась идея-фикс, мол, ведущие писатели-фантасты являются

агентами внеземных цивилизаций. А, поскольку, Иван Антонович Ефремов был ведущим писателем-фантастом, офицер, возглавляющий специальный отдел компетентных органов, поверил в абсурд "фантасты суть агенты" и за Ефремовым установили наблюдение... Именно поэтому, когда до сотрудников этого отдела дошла весть о кончине Ивана Антоновича, они поспешили сделать обыск.

Отвечая на запрос Андрея Измайлова, поданный им 20 марта 1989 года в приёмную КГБ на Кузнецком мосту, московское управление подтвердило, что с санкции Первого заместителя Генерального Прокурора СССР был произведен обыск в квартире писателя Ефремова Ивана Антоновича, "а также некоторые другие следственные действия в связи с возникшим подозрением о возможности его насильственной смерти. В результате проведения указанных действий подозрения не подтвердились". Ответ подписал Начальник Следственного отдела управления Ю.С. Яковлев.

Когда Измайлов зачитал ответ по телефону Таисии Иосифовне, она вздохнула:

- О, Господи! Это уже чересчур! Это какой-то чёрный юмор... Они забыли, что Иван Антонович - сердечник. Они забыли, что существует история болезни... Они забыли, что... и в голосе задрожали слёзы обиды...

ЖИЛ НА СВЕТЕ ДОБРЫЙ ДЖОН

Как уже было сказано выше, Ивану Антоновичу я был обязан ещё и тем, что он настоял на том, чтобы я занялся серьёзно английским языком. В школе нам преподавали немецкий, мы зубрили грамматику, а вот сказать по-немецки "Иван пасёт корову" ни я, ни мои одноклассники, ни наш учитель Ефим Зиновьевич Колесник не могли. Наставления Ивана Антоновича и выход на заграничное заставили меня серьёзно заняться этим языком. Заучивая ежедневно на вахте три слова из активного словаря, я смог за год заучить первую тысячу слов, а ежедневное чтение перед сном английских книг и заучивание стихотворений Роберта Бёрнса, Альфреда Теннисона и Редьярда Киплинга позволило ощутить ритмику языка и обогатило меня как словарным запасом, так и готовыми конструкциями, которые я умело использовал в разговорной речи, порою, удивляя своих собеседников познаниями в области английской поэзии и этим располагая к себе даже высокомерных англичан. Ничего удивительного в том нет, что про себя я называл Ивана Антоновича "Кайнд Джон" - "Добрый Джон".

Двадцать лет тому назад мне в руки попала книга Даниила Гранина "Зубр". Герой повести - Н.В.Тимофеев-Ресовский - яркая историческая личность, крупный учёный, основоположник радиационной генетики, человек сложной судьбы. Читая повесть, я вдруг обнаружил сходство Зубра с Добрым Джоном. И не только внешнее. Могучий интеллект, чувство юмора, доброта, душевная щедрость, честность и духовный аристократизм - все эти качества я находил и у Ивана Антоновича. И тогда у меня появилась мысль, которая давно зрела подспудно в моем сознании, написать книгу о своем духовном наставнике и старшем друге, которому я многим обязан и которого я хорошо знал. Сохранить для потомков образ этого удивительного Человека, достойный преклонения и подражания. И я сел за пишущую машинку... Но, к моему великому сожалению, начатое дело до конца не довёл. И вот сейчас извлекаю из своего архива стопку машинописных листов и читаю "Слово о Добром Джоне".

...17 июня 1987 года. Читаю повесть Даниила Гранина "Зубр". Читаю и ругаю себя последними словами. Ведь и мне было дано судьбой знать такого же замечательного Человека, которому бы и кличка эта подошла как нельзя лучше - Зубр! Обидно, что Гранин опередил меня, но еще обиднее за себя - лодырь я неисправимый! Времячко-то уходит, из памяти стираются детали, выпадают целые картины, диалоги, мысли, т.е. всё то, что потом не восстановишь и не сочинишь.

"Какое счастье, что я хотя бы часть дослушал, записал... Когда-то отец мой пытался рассказать мне про его деда, моего прадеда, и про какого-то чудака дядьку, но мне было некогда. Мне всегда было некогда, когда речь заходила о прошедшем, в котором меня не было. Так я и не узнал о своих предках, а теперь уже спросить не у кого. Позади, за детством, за отцовскими братьями, и мамиными молодыми польскими фотографиями смутно шевелятся безымянные фигуры, а дальше - пустошь, холодные просторы опустевших земель и селений..."

Боюсь, чтобы такое же не случилось со мною. Откладываю все "на потом", когда время свободное будет. Я его-то у меня никогда не будет! Надо просто каждый день писать понемногу - ни одного дня без строчки. Иного пути нет, да и время летит - подошёл к отметке 50!

А вот как пишет Гранин о своем герое. "В нём проступает "зубрость" бычье упорство, тяжёлая челюсть, сосредоточенность и диковатость, неприрученность зубров, бизонов - "вида, почти начисто истреблённого человеком".

Хорошо сказано! Помнится, Бунин сравнивал Толстого с гориллой, находя у них сходство в надбровных дугах, фигурах и даже в походке. Некий профессор в одной из книг Томаса Манна верно подметил, что в людях прочно сидят "братья наши меньшие". Поэтому один похож на бульдога, другой на суслика, третий на хищного сокола, четвертый на осла или лося, иногда это сходство выражено невероятно сильно, иногда едва просматривается. Владимир Николаевич Горинович, ныне покойный сельский

учитель из Заборья /под Киевом/, один из последних теософов, человек высокообразованный /переводил "Махабхарату" с санскрита, составил сравнительный словарь санскритского и русского языков, знал все славянские языки и несколько западноевропейских, сам смастерил телескоп, сделал для себя двойные очки и множество других удивительных вещей/. О нем сосед-крестьянин сказал уважительно: рукам Гориновича подвластна материя. Так вот, Владимир Николаевич мне как-то признался, что он... похож на оленя. И не только внешне.

- Олень - это добрый зверь. Он защищается, когда на него нападают!

Это уж точно, он был похож на этого доброго зверя, и я не мог представить себе, как этот мудрый и добрый человек мог бы защитить себя от своры мерзавцев...

Иван Антонович тоже напоминал чем-то могучего и доброго зверя в самом хорошем смысле этого слова. Но вот какого? Зубра? Лося? Оленя? Быка? Мустанга? Он был невероятно силен и вынослив, к тому же бесконечно добр, как все сильные и благородные люди. Его могучее тело не знало усталости, что позволило ему успешно преодолевать огромные расстояния в Гобийской пустыне и Восточной Сибири. Мой брат Пётр, медик по профессии, считал, что перемена подвижного образа жизни на кабинетный чревата гипокинезией и могла стать причиной его болезни сердца и преждевременной смерти. После пустынь, гор, тундры, рек замкнуть себя в тесной московской квартире, подвергаться постоянному прессингу негативных эмоций означало обречь себя на трагический конец.

И что любопытно, Таисию Иосифовну Иван Антонович называл Зубриком и сколько нежности, ласки и любви вкладывал он всякий раз в это имя, когда произносил его...

Трёх великих кентавров сохранила нам история - Хирона, Евритиона и Несса, но самым добрым, справедливым и мудрым, благожелательным к людям был, несомненно, Хирон. Воспитатель и наставник таких героев как Ахилл, Ясон, Кастор, Полидевк, Асклепий, Хирон предпочёл умереть, отказавшись от бессмертия в пользу Прометея, и одно это делает его достойным подражания, почитания и преклонения нам, сынам человеческим. В благодарность за сострадание и бескорыстие он был вознесен богами на небо и стал созвездием Стрельца. Я считал и считаю, что Иван Антонович достоин имени Кентавр. Надеюсь, что я не одинок, утверждая это, ибо мудрым и добрым наставником он был для многих людей.

После прочтения книги "Лезвие Бритвы" я ещё называл его Гуру - учитель. Оглядываясь на прожитые годы, я с полным основанием могу сказать, что всем лучшим в себе я обязан его влиянию. Он уделял мне много времени в письмах и беседах, был бесконечно добрым человеком, щедро делился всем, даже бесценным временем, с каждым, кто стучался в его дверь. И доброту свою распространял не на избранных, а уподоблялся солнцу, которое одинаково согревает, всех живущих на земле.

Множество искушений встречалось мне на жизненном пути. Я мог стать угодником у сильных мира сего и поднялся бы на высокую ступень благосостояния. Мог подлостью и коварством добиться своего и обойти соперников. Мог занять пост, не соответствующий моим способностям и "громко чавкать, дорвавшись до дармового корыта, отталкивая ногами всех прочих" /слова Ивана Антоновича!/ Мог бы, мог бы, но - не стал! Потому что твердо усвоил преподнесенную им истину: нельзя достичь достойной цели недостойными средствами. К тому же научился различать цель достойную от недостойной. Самая страшная опасность, которая подстерегает человека на жизненной тропе - скатиться в нелюдь, откуда как правило, нет возврата, предупреждал Иван Антонович и я внял его предупреждению, за что до конца своих дней буду благодарен своему Учителю.

ЕСЛИ ИМЯ ТЕБЕ - ЧЕЛОВЕК!

"В наш век легко быть зверем, быть Человеком очень нелегко", сказал поэт. И он, несомненно, был прав. В 1990 году в Доме ленинградских писателей состоялся просмотр и обсуждение художественно-публицистического фильма "Откровения Ивана Ефремова". Ленинградец, учитель литературы Евгений Ильин был участником и просмотра, и обсуждения этого фильма, о чем он написал в газету "Известия". Его письмо было опубликовано под заголовком "Час Ефремова". Учитель писал, что теперь всё сложнее становится говорить напутственные слова своим питомцам на выпускных вечерах. "Куда позвать тех, кто выходит в большую жизнь? Чем жить им, на что опереться в том грандиозном распаде, что охватывает всё вокруг? Рано или поздно материальные проблемы будут решены. Только снимет ли это остроту нравственного дефицита, которую мы ощущаем каждодневно, и с каждым днём все больше?"

...Ныне, когда нашей литературе возвращают имена писателей-эмигрантов, чьи творения многие годы были под запретом, пришла пора вернуть из "внутренней эмиграции" славное имя выдающегося русского писателя-учёного Ивана Ефремова. И не только со страниц книг, но и с экрана услышать его откровения. Отнюдь не только гражданским долгом, справедливостью, патриотическими и иными чувствами продиктовано это. В "откровениях" Ефремова есть нечто очень перспективное, спасительное, что, по моему убеждению, поможет вывести нашу молодёжь и общество в целом из того духовного кризиса, в котором мы оказались. В исканиях этого удивительного фантаста, призванного не отвлечь и не позабавить юные умы, а приковать к ещё не разгаданному, не постигнутому, то есть главному, жгучее, насущное - та надисторическая и вместе с тем - сегодняшняя "связь времен", без которой дальше ни общество в целом, ни отдельная человеческая личность развиваться не могут.

... Главная мысль фильма - пришло время, пришёл "час" человека, способного, быть может, помочь обществу. Да, красота спасёт мир. Но не глянцевая, не пустая... Красота, которая изначально была и останется в основе мира, если он, конечно, хочет выжить как цивилизация.

Финал "Откровений Ивана Ефремова" производит очень сильное, впечатление. У надгробия этого удивительного человека, покоящегося, кстати, рядом с Анной Ахматовой, проникновенно исповедально звучит голос писателя-фантаста А.Шалимова, назвавшего Ефремова "пришельцем" из тех далёких миров, куда он позвал нас. Необычайно ёмок метафорический смысл этого слова - пришелец. Не смутить, не отравить, а спасти, наши души явился Он - как бы из более совершенных цивилизаций, чтобы сказать: человек - прекрасен! Я это знаю! Я это видел! Дорога к нему, ЧЕЛОВЕКУ - есть! Её разыскала пытливая мысль учёного, следуя за Мечтой писателя.

Школьная программа по литературе всегда была тесной. Сколько поистине замечательных имен так и не нашли в ней места. И тем не менее, убеждён в этом, в сегодняшней программе нужно найти место для "часа" Ефремова".

Я целиком и полностью согласен с этим замечательным педагогом, который держит руку на пульсе образования и воспитания. Куда мы идём и куда, простите, придем, если вместо Лермонтова школьникам преподносят Кафку, а вместо Дар Ветра - Гарри Поттера? Почему нашим детям предлагают брать пример с героя, после изучения поведенческой линии которого американская ассоциация гомосексуалистов, как заявил её лидер Майкл Бронски, является геем? И в то же время они лишены возможности узнать и брать пример с героев, которым присуща дерзость романтического порыва, способность совершать героические поступки и восхищаться красотой и гармонией. "Мечта в человеке не рождается сама по себе. Мечта воспитывается. Одним из главных воспитателей моей мечты о космосе стал фантаст Иван Ефремов". Это сказал космонавт Владимир Джанибеков, который в детстве за одну ночь прочитал "Туманность Андромеды" и "заболел" космическими полётами.

Журналистка Н. Белова к столетию со дня рождения Ивана Антоновича опубликовала в газете "Лосинка" № 4 замечательную статью "Большая любовь писателя-фантаста". "Он был гуманистом и гражданином в высоком смысле этого слова, ...большим и добрым человеком. Родным и друзьям было тепло в их гостеприимном доме". Автор пишет и о том, что небольшая двухкомнатная квартира, полученная от Академии наук, была заполнена главным богатством - книгами по различным отраслям знаний. Везде был идеальный порядок: каждая вещь всегда лежала на своём месте. Правда, приехавший к Ефремову из США коллега, профессор Э. Олсен был удивлен скромной обстановкой его квартиры. За границей знаменитые учёные и писатели жили по-другому...

"...Ефремовы никогда не искали покровительства высокопоставленных особ. В их скромной квартире бывали люди разных профессий и увлечений. Они считали счастьем увидеть Ефремова, пожать ему руку. Приходившие в дом выполнять какую-нибудь работу парикмахер, плотник и слесарь становились хорошими знакомыми на долгие годы. Добрейшие люди, Ефремовы помогали родным, друзьям и вовсе незнакомым людям материально и морально, хотя сами не обладали большим достатком. Не это было главным в их жизни.

Хорошие книги, весёлые шутки, остроумные анекдоты и розыгрыши всегда ценились в доме Ефремовых, которые умели радоваться жизни. Смеялись порой до слёз над какой-либо забавной историей или шуткой.

На семейных торжествах у них собирались от 20 до 30 человек. В доме бывали известные писатели А.П. Казанцев, А.Н. Стругацкий, В.Д. Иванов. Они относились к Ефремову как к учителю. С В.Д. Ивановым у Ефремова была особая духовная близость, они любили друг друга, как братья.

В людях Ефремов ценил порядочность, доброту, честь и достоинство. Он отличался редкой прямоотой, требовательностью к себе, независимостью суждений, обострённым чувством чести и справедливости. Любимым его деревом была сосна, любимым животным - лошадь.

...В Комарове, под Петербургом, под кронами сосен есть могильный холм с базальтовой плитой, увенчанной многогранником из лабрадорита. Камень такой же формы, только меньше по размеру, всегда лежал на столе И. А. Ефремова в его кабинете. Лаконичная надпись гласит: "Иван Ефремов. 1907-1972".

Я позволил себе пространно цитировать статью своего коллеги, поскольку эта информация позволяет более многогранно обрисовать образ Ивана Антоновича, поскольку я не все знаю и не всё способен охватить, думаю, что ни Н. Белова, ни мои читатели меня не осудят. В этом я ничего плохого не вижу, сколько бы хорошего ни говорили о добром человеке.

В моем архиве, кроме писем и дневников, сохранилось немало газет и журналов, где в разное время и разными авторами печатались статьи, заметки, воспоминания об этом удивительном Человеке, Писателе и Учёном. Работая над книгой, я не мог позволить себе оставить эти материалы без внимания, потому что каждый из них сообщал новую, интересную информацию о нём, полнее раскрывал образ, характер, сущность дорогого всем нам, почитателям его таланта, и утаить даже самую незначительную деталь в этом случае я считаю непозволительным для себя.

Журнал "Студенческий меридиан" за ноябрь 1989 года. Публикация писателя-фантаста Александра Казанцева "Нигде или здесь?" под рубрикой "Воспоминания и размышления". Здесь речь идёт о том, с какими трудностями встретился Иван Антонович на пути издания своего романа-предупреждения "Час Быка" и какую бурю вызвала книга после выхода из печати. Казанцев передаёт содержание доверительной беседы с Иваном Антоновичем, когда тот побывал на собеседовании у министра культуры товарища Демичева, который убеждал автора в том, что он не учёл тех ассоциаций, которые роман вызовет у читателя.

"Демичев был прав в своей тревоге!" - пишет Казанцев. "Не могли пройти незамеченными для него такие места: "Жадность и зависть расцветает и усиливается в условиях диктатуры, когда не существуют традиции, законы, общественное мнение".

Много, много мест в романе могли в те годы насторожить министра культуры. Ефремов в своей "антиутопии" под видом чужепланетного общества вскрывал и обнажал тщательно скрываемые язвы нашего устройства, когда "закон" подчинялся власти и для его истолкования или обхода применялись не только бесчисленные инструкции, но и просто телефонные звонки. Словом, по старинной мудрости: "Закон - это дышло. Куда поверни - туда и вышло!"

...Ефремов не дожил до революционной вспышки перестройки, гласности и демократии..., но наследие его ума позволяет сказать, что "антиутопия" Ефремова вскрывает события, происходившие в отличие от Томаса Мора не НИГДЕ, а ЗДЕСЬ, у нас!".

"Рапсодия для Таис" - под таким заголовком в №№ 7 и 8 журнала "Студенческий меридиан", за 2007-й год журналисты Елена Воронина и Элла Матонина опубликовали фрагменты художественно-эпистолярной композиции, посвященные столетию со дня рождения Ивана Антоновича Ефремова. Эти журналы мне подарила Таисия Иосифовна во время нашей встречи, когда я посетил Москву в феврале 2009-го года. Кстати, публикация упомянутых журналисток смогла появиться на свет тоже благодаря Таисии Иосифовне, которая предоставила в их распоряжение материалы из архива писателя. Поскольку эта публикация созвучна с поднятой мною темой, я вновь решил использовать интересные факты, встречающиеся в ней, цитируя их, дабы избежать серой интерпретации и застраховать себя от плагиата.

"Иван Антонович написал, что духовный наставник - это человек, ежедневно "приходящий на помощь, разъясняющий все важные обстоятельства жизни". Но разве он не приходил на помощь, не разъяснял важных обстоятельств жизни, ведя через свои произведения "разговор сразу со всеми"?"

"А что могу я, если за этим обращаются ко мне в письмах тысячи людей?" пишет Иван Антонович в письме Евгению Трофименко. "Приходится, скрепя сердце, отступить в крепость и вести оттуда разговор сразу со всеми через свои произведения. И сейчас это единственная возможность".

Нестор Новожилов, студент-практикант, ездивший в экспедиции с Иваном Антоновичем в Восточную Сибирь, Приуралье и Монголию:

"Иван Антонович предложил мне есть из одной миски с ним, к тому времени, кроме хлеба и лепёшек, ячневой каши с сахаром и чая, другой еды не было. Иван Антонович говорил, что ячневая каша в отдельной посуде не вызывает у него аппетита".

А вот как объясняет причину того очарования, которое неизменно охватывает читающего книги Ивана Антоновича доктор наук Филипп Вассин:

"Его благородство. Только он мог в чужом, варварском, непонятном мире увидеть искры человечности, которым не дано было погаснуть. А он мог их увидеть, потому что сам был озарён их позднейшим светом, нёс этот свет в своей душе" /Речь идёт о книге "Таис Афинская"/.

Отзывчивость и доброта. Как не хватает нам сегодня этих человеческих качеств! Мы объясняем это занятостью, спешкой, в то время как у Ивана Антоновича при его сверхвозможной занятости находилось время и возможности на то и другое. Вот какое письмо прислал Таисии Иосифовне читатель:

"Уважаемая тов. Ефремова! Однажды, живя в Ташкенте, я написал Ивану Антоновичу о том, как мне нравятся его произведения, как трудно их достать /приходится покупать у спекулянтов/, спрашивал, каких его книг можно ожидать в ближайшее время. Иван Антонович ответил мне открыткой, текст которой привожу:

Многоуважаемый Виктор Алексеевич! Сейчас в "Молодой гвардии" печатается сборник моих рассказов "Юрта Ворона", здесь будут новые маленькие повести "Сердце Змеи", "Катти Сарк" и "Последний марсель". Когда выйдет, я пошлю его Вам!

*С искренним уважением,
И. Ефремов.*

Эту открыточку я храню как память о выдающемся советском писателе-фантасте... И даже этот короткий текст позволяет мне заглянуть в творческую лабораторию И.Ефремова. Ведь все мы знаем, во что вылилась "небольшая повесть"... А уж о личных душевных качествах автора, о его внимательности к людям и обязательности я и не говорю. После получения открытки я больше не писал Ивану Антоновичу, но прошло немного времени, и я получил его книгу "Юрта Ворона" с надписью: *"Виктору Алексеевичу Дегтярёву на добрую память от автора. Москва, 4.03.60. И.Ефремов"*.

Рассказ студента МИФИ И.П. Леонова:

"...день ото дня письмо разрасталось, как снежный ком, ему не видно было конца и края. И тогда решили дерзнуть. Раздобыли номер телефона, позвонили, и... вопреки не слишком оптимистичным ожиданиям сразу получили приглашение приходить.

Робко постучались в дверь кабинета. "Можно?" - еле выдавили осипшими от волнения голосами. "Нужно!" - прогремело в ответ по-дьяконовски густо, переливчато, сразу отмело все лишние слова, разные вступительные светские формулы, которые заготовили по дороге сюда.

Навстречу шагнул человек - большой, широкий, красивый: "Проходите, коллеги!"

Страшно смутились.... "Коллеги"... Но мы же не умеем писать?

Иван Антонович улыбнулся, пояснил: "Я ведь тоже не умею решать сингулярные уравнения..." Единственной фразой преодолев психологический барьер, ставя на одну с собой ступень.

Скованность как рукой сняло! Сидели рядышком писатель-учёный с мировым именем и два зелёных первокурсника и говорили, говорили, говорили. Шёл восьмой час вечера, давным-давно истекло время, первоначально отпущенное на аудиенцию /с 15.00 до 16.00/ и уже несколько раз заглядывала в кабинет Таисия Иосифовна, недовольная, ворчала потихоньку, дескать, надо же, сидят и сидят..."

- В тот день, когда я узнал, что Ефремова не стало, шёл мокрый снег. Весть застигла врасплох, как все горькие вести. Я брёл по улице, и мир вокруг, ещё несколько минут назад такой яркий, сделался теперь скорбным: тёмный асфальт, тёмное небо, тёмные дома, тёмные силуэты прохожих, тёмный снег. Всё было мрачным и мокрым.

Когда Ивана Антоновича не стало, я впервые отчётливо понял, что Ефремов был для меня духовным наставником".

А вот письмо Ивана Антоновича студентке Вале:

Ваше письмо полно бурного излияния чувств, без всякого сомнения искренних. Однако не давайте им обуревать себя, иначе они могут выйти из-под Вашего контроля, особенно, когда им случится выразить себя в страстной любви.

Ведь одной из главных целей моего романа была попытка показать необходимость гармоничного балансирования ЧУВСТВА И РАЗУМА, СВОБОДА И ДИСЦИПЛИНЫ. Чем суровее окружающая Вас жизнь или жизненная обстановка, тем строже должна быть Ваша самодисциплина, тем легче Вам жить, не расплачиваясь за ошибки, которых тем больше, чем меньше дисциплина.

И в то же время самодисциплина, перешедшая грань необходимости, может сделаться тюрьмой, превращающей человека в ханжу, труса и лицемера. Где же искать критерии, как определить грань между нужным и ненужным? Вот тут-то и должно прийти на помощь понимание красоты поступка, пути или вещи. Это понимание может быть врожденным - мы говорим, что это человек с врожденным вкусом и тактом, или его можно воспитать в себе, тщательно отбирая свои чувства, оценки и поступки.

Обо всём этом нужно писать и писать, так мало ещё сказано в современной литературе, а в прежней - зашифровано в описании чувств или высказано через религиозные положения, для современного человека малопримлемые.

...Вы пишете, что хотите скорее окончить университет и отдать людям знания, скорее научиться писать. Как мало знаний даст Вам университет для этого! Мы часто совершаем эту ошибку, считая, что небольшая сумма знаний, какую Вы получите по любой специальности в высшем учебном заведении, является гарантией образованности на всю будущую жизнь. Поверьте, что она - ничто, если Вы не будете увеличивать её всю жизнь и дело университета лишь научить Вас работать с книгами, уметь находить нужные Вам сведения.

Итак, отдавать людям знания Вам придётся не сразу, скорее Вы сможете отдать им свои чувства, если у Вас окажется талант писательницы. А популяризация знаний, которую Вы правильно сочли великой задачей современности, - это придёт лишь сколько-то лет спустя, и пусть это Вас не смущает.

Невежество - основа мещанства - это враг номер один для коммунистического общества, для будущего всего человечества, всё остальное - пустяки по сравнению с этим!

С искренним уважением

И. А. Ефремов.

Доброта!.. Как не хватает её сегодня людям в наш жестокий, прагматичный век, когда все общечеловеческие ценности вытесняет из душ выгода. Говорят, нельзя быть добрым! Потому что люди забывают добро, а зачастую и отвечают на него злом. Да, бывает и такое. Иисус Христос излечил десять прокажённых и только один из них поблагодарил Спасителя. Так неужто мы, грешные, вправе надеяться на большее? И всё же Человек обязан делать добро. Везде и каждому. Иначе жизнь на земле станет невыносимой. Писатель Тургенев верно сказал: когда умрут донкихоты, закройте книгу истории - в неё нечего будет писать.

Таисия Иосифовна Ефремова:

- Главное, что в нём определяло его поведение, руководило всеми поступками, - это доброта.

В нашем доме всегда было очень много людей, и он помогал всем, буквально чем мог, вплоть до денег... Помогал даже осуждённым... Не помню случая, чтобы отказал кому-нибудь... Да, он был добр и внимателен к людям.

Электромонтёр, пришедший на дачу чинить проводку, заинтересовался вдруг устройством Вселенной. Проводка давно была в полном порядке, а они всё сидели на ступеньках крыльца и Иван Антонович обстоятельно и с абсолютной серьёзностью делился своими обширными астрономическими познаниями. Он был добр. Его доброта не имела ничего общего ни с добротой благодетеля, свысока дарящего, ни с всепрощенческой добротой подставляющего поочерёдно то левую, то правую щеку. Его доброта была активной, требовательной, настоящей.

Однажды к нам пришёл один бывший заключённый, которому Иван Антонович регулярно помогал много лет, и буквально потребовал огромную сумму. Иван Антонович сказал, что почему, собственно, он должен помогать только ему - есть много других людей, которые не меньше нуждаются в помощи, в общем, сильно был рассержен, я очень редко видела его таким. Тот человек больше к нам в дом не приходил...

Доброта Ивана Антоновича не ограничивалась отнюдь советами и материальной помощью. Его человечность, любовь к людям уподоблялись свету маяка в бушующем житейском море, помогая каждому утлому челноку держать курс на спасительный причал и, что не менее важное, правильно проложить этот курс. Или откорректировать его, если курс неверный.

Из письма Ефремова к В.В. /"Студенческий меридиан" № 8, 2007 год/.

Ваше последнее письмо показало мне, что напрасно затратил на Вас столь много времени - ещё Вы совсем "непроявлены". В "Лезвии Бритвы" есть место относительно критерия нормальности, где говорится, что этот критерий, вне всяких там проявлений способностей, одержимостей и прочих модных сейчас словечек - ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К БЛИЖНИМ И ДАЛЬНИМ СВОИМ СОБРАТЬЯМ.

Так вот, имейте в виду, что не существует мелких и крупных вещей в плане человеческих отношений - всё крупно! Если Ваша философия позволяет Вам свысока смотреть на всё, кроме личных интересов, и плевать, как Вы выражаетесь, на чувства своих родителей, то и философия Ваша - дрянь, и Вы сами - дрянь, конечно, если Вы "нормальны". Подумайте над этим серьёзно сейчас, пока Вы делаете первые шаги по жизни. Иначе как же Вы можете думать о "Благе"? Пустозвонно? Или благо понимается для себя только? Такого не существует. Вот придёт ко мне такой философ, и я ему скажу: проваливайте к дьяволу, я книги писал для себя и для заработка, на остальное всё и на вас - плевать! Отличная философия в духе штурмовика!

И.Ефремов.

А вот выдержка из письма Ивана Антоновича В.Рассохину:

...Если искать путь, то, как Вы очень хорошо сказали в начале письма, он в наше время лежит через общественную йогу /"агни-йогу"/, йогу служения человеку и обществу, йогу уничтожения страдания и войны со злом и несчастьем /не забывая, что всё в этом мире имеет две стороны/. Для всего этого нужно и самосовершенствование, и самоограничение, но в иной мере и в иных целях, чем в личной йоге, которой начинают увлекаться многие, мечтая получить особую власть и силу. Если бы они знали, что не получают ничего, кроме ответственности и заботы, самопожертвования и долга, то они даже близко не пытались бы познакомиться с высшей йогой. Если бы они знали, что на самых высших ступенях "посвящения" человек не может жить, не борясь с окружающими страданиями, иначе он погибнет...

От души желаю Вам и Вашим товарищам твёрдо стать на путь - это самое большое счастье, какое есть на Земле, кроме Вашей любви...

С искренним уважением,

И.А. Ефремов.

Принято считать, что самое большое богатство каждого из нас - Время, причём величина его напрямую зависит от того, КТО и КАК им распоряжается. У Ивана Антоновича Ефремова, знаменитого учёного и маститого писателя его Время являлось нашим, всенародным, общечеловеческим богатством. Поэтому каждая минута была бесценной. Мало того, что много времени приходилось тратить на решение бытовых проблем, лечение, хождения по инстанциям, учёные посиделки, Ивану Антоновичу приходилось вести обширную переписку с огромной читательской аудиторией, мешки писем которой загромождали его скромное жилище. Остается только удивляться его добросердечности и работоспособности. Если мне, одному из десяти или ста тысяч он написал полсотни писем, то сколько всего Ивану Антоновичу пришлось отправить ответов на письма своих читателей и почитателей? А не отвечать он не мог, не таков Человек был Иван Антонович Ефремов. Это наш чиновник сегодня может не утруждать себя ответом на просьбу, даже на вопль о помощи несчастной вдовы человека, сбитого насмерть машиной пьяного депутата, но это уже так сказать, люди другого пошиба, хотя людьми-то их можно назвать с большой натяжкой.

В подтверждение вышесказанного я не могу удержаться, чтобы не привести в качестве примера пять писем Ивана Антоновича в адрес начинающей художницы Гали и её матери Аделаиды Александровны. Сколько внимания, тепла и доброжелательства в

этой переписке, продолжавшейся с ноября 1964 года по ноябрь 1968-го, а, может быть, и дольше.

- Особое пристрастие Иван Антонович питал к художникам, - рассказывает Таисия Иосифовна, - подобно сказочным чародеям владеющим даром останавливать мгновения текучего песка времени, увековечивая тленную красоту в нетленных творениях искусства, много помогающих жить.

Многоуважаемая товарищ Ситанская!

/Извините за официальное обращение, но Вы не сообщили мне своего имени-отчества/.

Я послал Гале заказной бандеролью новые фото с письмом-отзывом на присланные ко мне 7 ноября рисунки, которые мне очень понравились, - совершенно искренне и без всяких скидок. Ваша дочь талантлива, и надо этот талант развивать. Я забыл, что она поступила в художественную школу в Москве, а не у себя в Полонном, и написал ей предостережение против возможных в провинции "загибов", неверно направленного усердия учителей. Но раз школе московская - это легче, хотя и тут тоже не исключены такие случаи.

В качестве праздничного подарка я выписал Гале журнал "Художник". Пересылаю Вам "при сем" квитанцию на подписку, на случай каких-либо задержек в доставке или недоразумении.

Напишите мне, если Вам надо будет ещё чем-нибудь помочь - приобретением красок, бумаги, кистей и т.п., что может оказаться отсутствующим у Вас в городе. У меня много друзей-художников, и они мне с удовольствием помогут в этом. Кстати, я покажу кое-кому из видных мастеров рисунки Галины. На днях пошлю Гале свою последнюю книгу "Лезвие Бритвы".

С искренним уважением

- И. Ефремов.

Москва, 25 ноября 1964 г.

Многоуважаемая Галя!

Я ещё не дома и без своей машинки, поэтому если Вы не разберёте мой почерк, напишите, но тогда придётся подождать с ответом.

Буду краток, чтобы Вам меньше расшифровывать, и пишу только о деле.

Перед Вами действительно трудный выбор. Профессия художника очень неблагоприятна... Всё дело в том, /а это мало кто понимает/, что художник созревает и достигает высоты мастерства очень медленно. Поэтому, чтобы жить, он вынужден или ремесленничать все годы восхождения, или иметь другую профессию... причём не мешающую приватным занятиям искусством, то есть - не требующую сильной занятости, следовательно, плохо оплачиваемую. Это похоже на карьеру учёного в довоенное время. Достижение мастерства на своем оригинальном пути - тернистая дорога, вступающая на которую надо быть уверенной /совершенно/, что это действительно главный интерес в жизни. Тогда невзгоды профессии, непризнание, плохая оплата и т.д. делаются хоть и огорчительными, но переносимыми.

Что Вам посоветовать? Я могу только сказать, что бы я делал за Вашем месте, исходя из того, что Вы, по-моему, талантливая и одарены важнейшим для большого художника свойством: большой творческой фантазией, следовательно, и возможностью делать интересные и крупные вещи.

...Разумеется, творческую фантазию надо развивать - самообразование, книги, картинные галереи, журналы. Для этого надо получить соответствующую специальность, и мне кажется, лучше всего - искусствоведа. Если окончить по иллюстрации книг, это интересно, но это заказное исполнение с первых же шагов - следовательно, ремесло и гибель как художника /самобытного искателя, вольного мастера/. Если окончить по классу рисования художественное училище, то это будет

наверняка отработка преподавателем в школе - хуже этого сейчас ничего быть не может. Искусствоведение - это возможность работать в какой-нибудь картинной галерее и длительное частное самообразование с обучением у какого-нибудь большого мастера.

Если вообще плюнуть на искусство и идти на "хлебную" специальность, это значит - закопать талант, а надо ли? Во имя чего? Тем более, что женщина выходит замуж и часто летит вся ее деловая карьера прахом.

Итак, совет - поступать на искусствоведческий! Если пропустить год - не беда, здоровье не очень-то крепкое, не вредно сделать перерыв. В этом году будет первая волна наплыва в студенты послевоенных детей - эта конкуренция останется такой же и в последующие годы - и тут ничего не теряется. С языком /обязательно английским/ надо подзаняться с репетитором. Если мало средств - напишите, может быть, чем-нибудь и поможем. Привет Вам и Вашим родителям от жены и меня. Простите за почерк - пишу лежа.

С искренним уважением
И. Ефремов.

Москва, больница, 17. V. 66 гг.

Многоуважаемая Галя!

Мне понравилось Ваше письмо - оно умное, и я согласен практически со всеми Вашими положениями.

Думающий человек с художественным талантом - это уже много.

Напишите список необходимых Вам книг - может быть, удастся кое-что добыть в Москве и в Ленинграде. Я не могу это делать ни сам, ни жена, у которой, увы, сейчас много хлопот со мной. Но я могу дать команду молодёжи, которой много около меня, и она будет это делать - медленно, как всякая молодежь, но с удовольствием.

Так что Вы меня не затрудните.

Сердечный привет Вам, Вашим маме и папе от меня и Таисии Иосифовны. Будьте здоровы.

С искренним уважением.
И. Ефремов.

Санаторий Узкое, 15.IV. 66г.

Многоуважаемая Аделаида Александровна!

Меня не надо ни за что благодарить! Я уверен, что в жизни Вашей Гали встретится ещё немало людей, которые ей помогут. Это Вас надо благодарить за талантливую дочь. Я очень хорошо понимаю Ваше беспокойство за Галю, но действительно здесь нельзя ничего сделать. Это начало её собственной жизни, и то, что у неё получится, будет зависеть не только от ее таланта, но и от здоровья, выносливости и подчас просто удачи. Во всяком случае, если у неё достаточно крепок щит мечты и броня фантазии, то даже крупные неудачи не должны сломить ее и она своего добьётся. Что же такое это "свое"? Мне кажется, что это вовсе не обязательно материальный успех, а максимально возможная свобода творчества, пусть даже ценой существования в некоторой тени. Настоящее творчество при настоящем таланте почти всегда даёт свои плоды. Однако следует помнить, что путь искусства чрезвычайно труден, а потому не надо пугаться первых неудач...

С искренним уважением И. Ефремов,

Санаторий "Десна", 28.3. 67г.

Многоуважаемая Галя! Давно не писал Вам, учинив некоторое свинство. Есть слабое оправдание в том, что был в санатории и плохо себя чувствовал, но всё же следовало бы дать Вам понять, что моё отношение к Вам нисколько не изменилось от Вашей последней неудачи.

...Конечно, жить надо и рисовать для журналов - это значит в какой-то мере подчиняться их требованиям... Но всё же мне показалось, что не слишком ли Вы изменили себе в последних рисунках - я имею ввиду Ваши рисунки к моим "Пяти картинам", эти странные небритые рожки в шизофреническом духе... - я прямо ахнул, где же Галя?..

Если искусство перестаёт быть собранием красоты, то на черта оно нужно? Передавать личные мрачные чувства убудочной психологии стало очень модным, но Вам-то зачем подражать этому направлению, порождённому бездарностью и ограниченностью видения? Оставьте его тем, кто не только не видит, но и не может вообразить ничего прекрасного!

Сердечный привет Вам от Таисии Иосифовны и меня. Пишите о Ваших делах и планах.

С искренним уважением - И.А. Ефремов.

Вот так! Четыре года переписки с вчерашней школьницей, которая решила связать свою жизнь с искусством. Дельные советы умудренного жизнью человека проникнуты отеческой заботой и теплом. Уважаемые читатели! Много ли подобных случаев знаете Вы? И таких людей, как Иван Антонович Ефремов?!

ЧЕЛОВЕК ИЗ БУДУЩЕГО ИЛИ РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЁКА

Телевизионный канал "Дискавери". Многомиллионная аудитория с интересом смотрит его передачи. Подводный мир океанов и морей. Африканские саванны и джунгли Амазонки. Сибирская тайга и ледники Антарктиды. Всюду жизнь и борьба. Борьба за выживание. Потому что выживает сильнейший. Не я съем - меня съедят! И в этой борьбе нет места жалости, состраданию, сочувствию.

Мы тоже родом оттуда. Наши пещерные предки ожесточенно боролись за выживание, боролись, гибли, выживали. Есть предположение, что неандертальцы не брезгали людоедством, как, впрочем, полинезийцы и папуасы. Беспощадная жестокость к врагу в античные времена считалась делом чести, доблести и геройства. Поэтому горела Троя, до основания разрушался Карфаген, а вдоль Аппиевой дороги римляне на крестах распяли десятки тысяч сподвижников Спартака. Кровью залиты страницы истории, повествующие о войнах европейских королей и русских князей, походах Тамерлана и Чингисхана, битвах поляков и казаков, турок и татарских набегах. И напрасно христианская религия взывала о любви к ближнему, а великие гуманисты призывали к состраданию. И чего стоили возвышенные рассуждения о бесценности человеческой жизни теоретиков борьбы за счастливое будущее, когда Кромвель и Робеспьер без всякого сожаления отправляли на эшафот и под гильотину сотни тысяч своих сограждан, а стены подвалов киевского ЧК были на десять сантиметров покрыты мозгами офицеров, расстрелянных в затылок. А чего стоят трагедии Соловков, Магадана, Караганды, Освенцима, Бухенвальда, Треблинки? Миллионы людей были безжалостно уничтожены ради счастливого будущего новых поколений. Так уверяли народ вожди - белые, красные, коричневые - которые возложили на себя миссию спасителей.

Мы не должны сегодня усыплять и обезоруживать себя мыслью, что такое не может повториться. Человечество развивается по спирали, а история повторяется. Мог ли кто-то в начале прошлого века предположить, что на политической арене появятся такие чудовищные кровогоны, для которых жизнь не то, чтобы отдельной личности, а целых народов беспечно приносилась в жертву во имя победы революции или Третьего рейха.

Сейчас человечество встало лицом к лицу с невиданными по своей масштабности и трудноразрешимостью проблемами. Перенаселение. Земля уже не выдерживает антропогенного прессинга. Два миллиарда ее населения голодает, еще столько же испытывает нехватку питьевой воды. Глобальное потепление подвергнет жесточайшей засухе целые континенты, а затопление сделает в ближайшее время семьсот миллионов человек переселенцами и кочевниками. Начнется жестокая, беспощадная борьба за выживание, не признающая законов, не знающая жалости.

Для того, чтобы это не произошло, надо людям обеспечить сносные условия жизни и создать мощный сдерживающий миротворческий фактор международного масштаба, а науке позаботиться о том, чтобы обеспечить живущих новыми топливными и энергетическими ресурсами, поскольку старые вскоре будут исчерпаны. Если это не будет сделано, никакая религия, никакое воспитание, никакие высокогуманные идеалы не смогут уберечь человека от трансформации его в троглодита и каннибала. Уроки Голодомора-33 тому подтверждение. Голод превращает человека в зверя. И больно видеть, когда правители и политики вместо решения этой жизненно важной для нас всех проблемы, продолжают заниматься разглагольствованиями, демагогией или решением своих узконациональных либо клановых интересов.

Новорожденный ребёнок, взрослея, с одинаковым успехом может стать и Маугли, и Платоном. Здесь всё зависит от воспитания в семье и школе, приобщении его к духовным и культурным ценностям, осознания своей сопричастности к социуму и ответственности перед семьей, родиной страной и историей. И здесь чрезвычайно важна роль духовного наставника - Гуру. Иван Антонович пояснял, что духовный наставник - это человек, ежечасно "приходящий на помощь, разъясняющий все важные

обстоятельства жизни". Именно таким для всех нас и был он, ведя активную переписку с тысячами читателей и, ведя через свои произведения "разговор сразу со всеми".

В № 7 "Студенческого меридиана" за 2007 год я прочёл несколько выдержек из читательских писем, опубликованных Таисией Иосифовной. Не могу удержаться, чтобы не процитировать их, потому, как говорится, лучше не скажешь....

Филипп Бассин, доктор наук: "...В чём причина того очарования, которое неизменно охватывает читающего книги И.А., в частности, читающего "Таис Афинскую"? Я назвал бы три причины:

1. Не знаю ни одного произведения ни в художественной, ни в научной литературе, которое с такой ослепительной яркостью воспроизводило бы жизнь ушедших эпох. Какое сочетание глубины, знаний и мощи изобразительного таланта нужно для этого: ему в этом отношении нет равных.

2. Чувство красоты. Оно, это чувство, которое есть вместе с тем чувство строжайшей меры, даёт о себе знать на каждой странице. Я вспоминаю единственное произведение, которое я мог бы в этом /и только в этом!/ отношении поставить рядом. Это "Стихотворение в прозе" Тургенева. Вся "Таис" - тоже цепь таких стихотворений в прозе...

3. Его благородство. Только он мог в чужом, варварском, непонятном мире увидеть искры человечности, которым не дано было погаснуть. А он мог их увидеть потому, что он сам был озарен их позднейшим светом, нёс этот свет в своей душе".

С. Травинский:

"...Мне 25. Впервые познакомился с Ефремовым лет 14-ти. Как-то случайно наткнулся на рассказ "Белый рог". Прочитал, перечитал, захлеб пересказал приятелям. Ныне хожу в отцах семейства, но "Белый рог", как и "Аэлита" Алексея Толстого, до сих пор любимые.

Ефремов первый и пока единственный из наших прозаиков поднял фантастику до уровня настоящей художественной литературы. Культура мышления и широта знаний идут в ефремовских романах и рассказах незаметным впечатляющим подтекстом. Литератор и учёный у него срастаются, взаимопроникают...

"На краю Ойкумены" - прелестный роман, целиком оригинальный и очень волнующий - и диапазоном, и особенностью героев, и искренней героикой.

Но, конечно, вершина Ефремова - "Туманность Андромеды". Сравнить "Туманность" не с чем, по теме и методам её решения она уникальна. Ефремов говорит о человечестве будущего, о человечестве в целом, а не только о людях Земли. Фантазия уводит к таким феноменам, что слегка кружится голова. "Большое кольцо": это ж надо иметь смелость!

До сих пор фантастика была жанром научного предвидения. После "Туманности" - стала жанром общественного предвидения. Нет, не то - она стала способом выражения общественной интуиции будущего.

Она вся на музыке, музыке смысла, особой и слегка грустной.... С приветом. С. Травинский".

"Здравствуйте, Иван Антонович! Читаю второй раз "Лезвие Бритвы"...

Ваша книга о красоте. О том, как ещё не научились мы понимать эту красоту по-настоящему, как порой боимся её. Да, я часто, к сожалению, встречаю людей с ярко выраженным стремлением уничтожить что-то красивое, если оно не принадлежит им или не укладывается в их понятие "приличного". Ох, уж эти мещанские мерки... Как мне вспоминается иногда Ваш Иван Гирин. Вот человек! Жизнь - лезвие бритвы. Те, которые - ЛЮДИ, те идут по нему.

...Мне очень трудно жить /я не жалуясь!/ - я вечно воюю за прекрасное. И так редко встречаю людей, которых волнуют эти же мысли. Гирин объясняет, что человек становится чище и лучше, соприкасаясь с природой - раз; с трудностями и опасностями - два; с красотой - три.

Наверное, сейчас всё слишком легко даётся, и мы не задумываемся, откуда что берётся. И красоту не ценим /я говорю о молодых/.

...Думаю - будут ли встречи с красотой?
Где весёлые, сильные, красивые, бесстрашные?
Карина Некрасова, студентка".

Красота спасёт мир... С этим утверждением нельзя не согласиться, однако не следует забывать, что для спасения мира одной красоты мало. Людям должна быть присуща верность идеалам: честности, порядочности, доброте. Ещё задолго до наших времён король Франциск Первый напутствовал своих рыцарей такими словами: "Гордись тем, что если исчезнут на земле учтивость, великодушие, верность, их могли бы отыскать в твоей груди!"

Но, чтобы что-то отыскать, надо его создать. "Иван Антонович сделал не только достойный вклад в науку, но и первым поднял в художественной литературе вопрос о воспитании нравственности и морали человека будущего. Его отличали необыкновенная тщательность в наблюдении и величайшее уважение к достоверности научного факта. К своим историческим произведениям он готовился, как к крупному научному открытию, чтобы войти в далёкую эпоху современником", пишет лётчик М.Листов в своём письме, опубликованном 29 апреля 1987 года в газете "Советская Россия", посвятившей целую страницу читательским письмам, поступившим в редакцию к 60-летию писателя.

"...Навсегда врезался в память образ этого удивительного человека - могучего, уравновешенного, независимого в мыслях и поступках, знающего истинную цену слов, всегда готового делиться своими необозримыми и всегда точными знаниями. Поклонник красоты, он сам был красив во всём". Так характеризует Ивана Антоновича Ефремова в другом письме Б.Соколов, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

А вот выдержка из письма профессора Калифорнийского университета, палеонтолога Э.К. Олсона:

"...Его философия, ставшая для меня ясной, была в скрытой силе этого человека, который казался иногда загадочным представителем своего общества.

Этот человек, профессор Ефремов, был редкой личностью, которая, казалось, не чувствовала границ пространства и времени.

Теперь, как и всегда, имеется необходимость в людях с философской смелостью, с такой способностью проникновения в сущность и единство всей природы... Мы можем продвигаться вперёд в самых мощных и важных направлениях, если объединим наши точки зрения и будем действовать в единстве, которым руководствовался профессор Ефремов".

Многим из нас присуще стремление к власти. Но далеко не все считают, что быть лидером, это ещё не значит владеть только преимуществами и благами, которые даёт власть, но и нести бремя ответственности, испытывать и разделять трудности, выпавшие на долю подчиненных. Вот как характеризует Ивана Антоновича П. Чудинов, доктор биологических наук, которого с ним связывала 20-летняя крепкая дружба:

"...Умение находить оптимальные решения в трудных, нередко в экстремальных условиях, личная выдержка, мужество, способность вселять в спутников уверенность и надежду на благополучный исход - всеми этими качествами он обладал в полной мере. Начальник тот, - говорил он, - кто в трудные моменты не только наравне, а впереди всех. Первое плечо под застрявшую машину - начальника, первый в ледяную воду - начальник, первая лодка через порог - начальника, потому-то он и начальник, что ум, мужество, сила, здоровье позволяют быть впереди. А если не позволяют - нечего и браться".

Знаменитый педагог, Герой Социалистического Труда В.Сухомлинский в 1970 году получил от Ивана Антоновича книгу "Час Быка" с дарственной надписью. Он написал, что был безмерно счастлив и особо выделил строку "...не можете жить и быть свободными, пока есть несчастные". "В этих словах из "Часа Быка" - пишет Сухомлинский - сконцентрированы, мне кажется, идеи, которые не могут не волновать в наши дни каждого честного человека.

Ваша фантастика восхищает своей правдивостью. Я влюблён в Ваших людей будущего - честных, правдивых, ярких, "сильно выраженных"... Напишите, дорогой Иван Антонович, что угрожает человечеству, покажите гибель жизни на какой-нибудь планете - пусть все мы задумаемся, что такая же гибель угрожает и нам..."

Другой читатель С.Дьяков продолжает эту мысль:

"... Я недавно прочёл роман "Час Быка" Ефремова. Эта книга потрясла меня до глубины души, она предупреждает людей!..."

Сейчас особенно нужны такие книги. Когда я читал роман Ефремова, то думал: неужели люди не поняли ничего из истории?.. Среди нашей молодежи - у некоторой её части - есть склонность идеализировать блеск Запада, не понимая, что за этим стоит. Иван Антонович прав - лучше быть материально беднее, но духовный мир - главное в человеке - должен быть неизмеримо выше".

Мнения читателей полностью совпадали с планами писателя. Об этом он говорил в одном из своих выступлений:

"Начал продумывать роман "Чаша отравы", который в известной мере будет отражением "Туманности Андромеды" и "Часа Быка". Но работа эта требует огромной подготовки и времени в пределах нескольких лет. В этом романе я хочу попытаться развернуть картины отравления ноосферы, как говорил Вернадский, человеческого общества и собственно мозга человека всеми видами злых, вредоносных, унижающих, ошельмовывающих, обманывающих влияний с помощью религии, средств массовой коммуникации, вплоть до медицины и спорта. И, разумеется, я хочу сказать о том, что надо предпринять для очищения ноосферы Земли, отравленной сейчас невежеством, ненавистью, страхом, недоверием, показать, что надо сделать для того, чтобы уничтожить все фантомы, насилюющие природу человека, ломающие его разум и волю".

В одном из неопубликованных интервью, которое Иван Антонович дал незадолго до своей кончины, на вопрос: "Какие самые важные, по Вашему мнению, будут достижения человеческого гения в конце будущих трёх десятилетий?" Он ответил:

"Будущие три десятилетия, по-моему, являются решающими в борьбе человечества за счастье и социальную справедливость.

Вторая половина нашего века отчётливо показала, что наука без серьёзных социальных преобразований не способна решить проблемы, стоящие перед человечеством. Эти проблемы становятся всё острее. Быстрыми темпами нарастает загрязнение атмосферы, нехватка пресной воды, истощение естественных ресурсов и разрушение природы. До сих пор наука либо косвенно способствует этому, либо берёт на себя роль регистратора процесса, вместо того, чтобы полностью поставить себя на службу счастья человечества.

Физика, например, из самой передовой всё больше превращается в консервативную и абстрактную дисциплину. Ей следуют и некоторые другие отрасли знания. Между тем, религия отошла на задний план, а на ней прежде покоилась общественная мораль. Наука, заменившая религию, особенно в социалистических странах, уделила мало внимания разработке научно обоснованной системы морали и общественного поведения человека в обществе, отдавая почти все силы погоне за открытиями вообще. Но познание "вообще" антигуманистично и аморально, поэтому всё резче обозначается расхождение между насущными потребностями человека и ходом развития науки и техники.

Во второй половине века величайшим достижением суммированного человеческого гения явилось понимание великой сложности мира, происходящих в нём процессов и соотношения человека и природы.

Иными словами - или наука и основанная на ней техника за ближайшие три десятилетия сделают решительный поворот к решению социальных, моральных и экологических проблем, и решению скорому, или она уже не будет нужна в её настоящем виде при катастрофе, которая по моему убеждению наступит между 1998 и 2005 годами, если капиталистическая система общественных отношений будет продолжаться и до того времени.

Этот поворот науки к гуманизму и социальному переустройству и будет, на мой взгляд, величайшим достижением человеческого гения, тем более важным, что критический момент приходится как раз на рубеж тысячелетий".

По-разному воспринимали современники идеи и книги Ефремова. Одни считали его утопистом, другие - провидцем, третьи - апологетом коммунистического общества, а четвертые, в основном, из числа партийной номенклатуры, чуть ли не ревизионистом и диссидентом. Каждый судил в меру своего развития и восприятия. Лично я считаю, что сторонником того коммунистического общества, построение которого далось нам такую страшную цену и оказалось страшно далеким от обещанных идеалов, Иван Антонович никогда не был, за что и был неоднократно наказуем. Но и тот капиталистический уклад жизни, который противостоял коммунистическому, был ему неприятен и чужд. Для него известный революционный лозунг "Равенство, братство, свобода!" был приемлем в прямом смысле, а не в том извращенном, каким он оказался в жизни после побед всех революций от Великой французской, до Октябрьской и Лаосской. Об этом он прямо и определённо высказался в романе "Лезвие Бритвы":

"Я верю в здравый смысл и разум... Конечно, узка и трудна та единственная верная дорога к коммунистическому обществу, которую можно уподобить лезвию бритвы. От всех людей на этом пути требуется глубокое духовное самовоспитание, но совсем скоро они поймут, что их на планете теперь много.

Простое пробуждение чувств братства и помощи, которые уже были в прошлом, но были подавлены веками угнетения, зависти, религиозной и национальной розни, рабовладельческих, феодальных и капиталистических обществ, даст людям такую силу, что самые свирепые угнетения, самые железные режимы рухнут карточными домиками".

За двадцать лет, которые я провёл в морях, мне довелось побывать во многих странах. Наблюдения и беседы позволили мне сравнить наш строй развитого социализма и развитого капитализма. Да, уровень жизни в капиталистических странах был значительно выше нашего, как уровень культуры, поведения, качество дорог и чистота улиц. Но дружелюбия, доверия и сочувствия к ближнему, готовности прийти на помощь в трудную минуту у живущих в капиталистическом мире было куда меньше, чем у нас, советских людей. Меня удивляло, что американец никогда не одолжит даже близкому человеку сотню долларов, а пошлет его в банк брать кредит. Что немец, отобедав в кафе с сыном, оплачивает с ним счёт "пятьдесят на пятьдесят". Что поляки на праздники угощают гостей в своем доме не блюдами польской кухни, а "канапками" - бутербродами. Совсем по-другому вели себя мы, советские люди. И дело, на мой взгляд, здесь не столько в специфике славянской души, сколько в воспитании. Начиная с детского садика, затем в школе, институте, на заводе, в армии нас воспитывали в качестве строителей светлого будущего - коммунизма. Для нас был разработан моральный кодекс строителя коммунизма, удивительно перекликавшиеся с Десятью заповедями. Впрочем, всё становится ясным, если учесть, что общечеловеческие ценности лежат в основе всех религии и учений, другое дело, как, кем и ради кого они блюдутся. Как это имело место в нашей стране, где мы привыкли говорить одно, думать другое, а делать третье.

Тем не менее, беседа с американским нефтепромышленником десять лет тому назад, который узнав о том, что я, как и он, служил на военном флоте, и, также, как и он, люблю поэзию Редьярда Киплинга, стихи которого я читал ему по памяти на английском языке, проникся ко мне доверием и наши отношения приобрели тёплый, дружеский характер.

- Вы напрасно взялись строить у себя капитализм! Это бесчеловечный строй, где прибыль становится главной целью всех деяний человека, а деньги смыслом жизни. И никакая религия не в состоянии очеловечить его. Каждый вечер, отходя ко сну, я не знаю, проснусь ли я по-прежнему богатым или нищим!... Вам надо было с помощью реформ подкорректировать, более очеловечить вашу систему и двигаться дальше. А вы повернули свою историю вспять!

Слушая американца, я тут же вспомнил Ивана Антоновича, который общество будущего называл коммунистическим, но отнюдь не таким, в каком мы с ним тогда жили.

ПРИЗРАК АПОКАЛИПСИСА

Сегодня астрологи, предсказатели и даже учёные заявляют, что Апокалипсис наступит 21 декабря 2012 года. Одни уверяют, что это будет расплатой человечества за его грехи, как жителей библейских городов Содома и Гоморры, Другие считают, что всему виной издержки технического прогресса и учёных, которые проникли в запретную зону знаний, третьи полагают, что таков расклад развития Вселенной, отчего на Земле время от времени происходит смена цивилизаций, как это имело место с Атлантидой.

Как учёный и эрудит, обладающий энциклопедическими знаниями, Иван Антонович Ефремов имел доступ к знаниям египетских и вавилонских жрецов, библейских пророков, тибетских мудрецов. Он не рубил с плеча и не отбрасывал бездумно ни одну теорию, концепцию или мнение, а везде старался отыскать рациональное зерно. Помню, как однажды, будучи в Москве в середине шестидесятых годов прошлого века, я беседовал с ним о том, что ждёт нас в будущем. Мы говорили о Нострадамусе, монахе Авеле, мадам Ленорман, Григории Распутине, о способностях ясновидцев, таких как Ванга, проникать в информационное поле Земли и предсказывать будущее. Ведь сегодня ни для кого не секрет, что Советский Союз просуществовал ровно столько лет, месяцев и дней, сколько предсказал ему Нострадамус. Пророчества монаха Авеля относительно дома Романовых совпали полностью, как, впрочем, и гадания на картах Марии Ленорман Марату, Сент-Жюсту, Дантону, Робеспьеру, Жозефине Богарне, Наполеону и декабристу Муравьёву-Апостолу.

Позже я познакомился с предсказаниями монаха Немчинова, Григория Распутина, несколько раз перечитывал Откровения святого Иоанна Богослова. Когда в апреле 1986 года произошла Чернобыльская катастрофа, свидетель её киевлянин Юрий Писаренко, чудом уцелевший, по памяти мне прочитал выдержку из Откровений библейского пророка: вострубил Третий Ангел и упала с неба звезда, именуемая полынь, и третья часть вод сделалась горькой, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горькие... И отворился кладезь бездны, и пошёл дым из кладезя, и из дыма выпала саранча на землю, и дана была ей власть скорпиона - не делала вреда траве земной, никакой зелени и никакому дереву, а только одним людям. И не убивать их, а только мучить пять месяцев, и мучения от неё подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. И люди эти будут искать смерти, но не найдут её, пожелают умереть, но смерть убежит от них.

- А теперь давай разберёмся, - предложил Юрий. - Чернобыль - так у нас на Украине называют сорт полыни. Вот и "звезда, именуемая полынь". И обрати внимание, взрыв блока произошёл именно на Чернобыльской АО, хотя у нас есть Ровенская, Южноукраинская. Идём дальше: саранча из дыма, которая не трогает растения, но только людей, умирающих после ее укусов пять месяцев мучительной смертью. Что это может быть? Только радиация, и ничто другое. А как её ещё мог именовать две тысячи лет тому назад библейский пророк, чтобы его поняли люди?

И я не мог не согласиться с доводами друга, по сей день удивляясь прямому соответствию слов "полынь" и "чернобыль"! Что это, пророчество или случайное совпадение?

В те годы, когда в нашей стране господствовала коммунистическая идеология и все мы, независимо от наших убеждений и желаний, должны были исповедовать атеизм и материализм, никакого места ни в печати, ни в сознании не оставалось для религии и мистики. Все это жестко преследовалось блюстителями идейной и моральной чистоты, которые сегодня, не стесняясь и не краснея, ставят в соборах свечи перед иконами и телекамерами.

А вот Иван Антонович Ефремов даже в то тяжёлое время позволял себе опасное свободомыслие, смело отстаивал свою точку зрения и мог в любой науке - будь-то палеонтология, геология, история или философия брать под сомнение, критиковать и даже опровергать устоявшиеся и узаконенные наверху догмы. Естественно, это не всем пришлось по нраву и в результате прямолинейному и упрямому человеку - правдолюбцу

жилось несладко. Его ущемляли в правах, третировали, обижали, обходили наградами, замалчивали, не стеснялись оклеветать, но он, как мифологический кентавр Хирон упрямо и успешно держал свою линию, которая, как в этом убеждает нас сегодня самый справедливый судья - Время - была самой правильной.

Зимним днём 2 декабря, когда северное полушарие от Нью-Йорка до Токио и от Архангельска до Афин завалили снегопады, парализовав движение самолётов, поездов и автомобилей в Вашингтоне, Лондоне, Париже, Варшаве, Киеве, Пекине, я продолжал работу над этой книгой. Наш внук Никита, освобожденный от школьных занятий в связи с снежными заносами, зашел утром ко мне в комнату и поинтересовался, что это дедушка печатает на машинке?

- Это будет книга о моем духовном наставнике, учёном и писателе Иване Антоновиче Ефремове.

Я показал мальчику несколько фотографий и прочёл две страницы начатой главы "Человек из будущего". Шустрый, непоседливый мальчишка, затаив дыхание, слушал меня. Потом я достал с книжной полки все книги, подаренные мне Иваном Антоновичем, и коротко пересказал Никите содержание каждой из них, одновременно читая дарственные надписи, надеясь заинтересовать мальчишку, который целые дни проводит у экрана компьютера, а подаренную мною книгу "Робинзон Крузо", держит у себя целый год, так и не найдя времени прочесть. А эту книгу мне в детстве дал на один вечер мой одноклассник Алик, которому я за это уступил свой самопал. Так вот, книгу о Робинзоне я прочёл за одну ночь!

Никита вежливо выслушал меня и ушел в другую комнату смотреть телевизор. Прошло не более часа, как вдруг он, распахнув дверь, подлетает ко мне, хватая за локоть левой руки и с восторженным блеском в глазах кричит:

- Дедушка! Сегодня вечером в восемь часов по каналу ТВ-3 будет фильм "Тайные знаки" о твоём наставнике писателе Ефремове.

Я буквально остолбенел от удивления. Мало того, что я никогда не имел счастья увидеть Ивана Антоновича на телеэкране, так тут ещё это известие приносит мне Никита, который о нём впервые услышал сегодня от меня. Чудеса, да и только! Я поблагодарил мальчишку, нашел среди семидесяти телеканалов 57-й канал ТВ-3, о котором до этого ничего и не знал, не ведал, записал на листе бумаги "20.00. ТВ-3. Ефремов" и продолжил печатать.

И надо же было такому случиться, что, когда я включил в 20.00. канал ТВ-3, там шёл другой телефильм. Я в отчаянии схватился за голову. Боже мой, какой же я дурак! Ведь канал-то российский и время московское, надо было включать телевизор на час раньше, в 19.00. Но что уж тут поделаешь. Можно ругать себя, жаловаться на склероз, но этим дела не исправишь: где и как я теперь отыщу этот телефильм? И главное, Господь, было, сподобил меня посмотреть его именно тогда, когда я начал главу о предвидениях писателя-фантаста Ефремова!

Я долго не мог успокоиться и уже, отходя ко сну, вдруг услышал телефонный звонок. Звонил из города на Дунае Вилково мой старый друг, интеллигент и книжник, автор нескольких книг о Вилково Николай Басов с которым я имел телефонный разговор минувшей весной. Мы обменялись новостями, я пообещал приехать к нему на уху в апреле, когда пойдёт дунайская селёдка, потому как сейчас не могу оторваться - работаю над книгой об Ефремове, На этом наша беседа по телефону закончилась, весной и летом меня завертели всякие заботы, свалившиеся на голову вместе с экономическим кризисом, и вот, на тебе - звонок от Басова.

- Боря! Я только что посмотрел телефильм о провидце Ефремове. Ты видел его?

- Колюня! Я так глупо упустил своё счастье, - чуть не плача от обиды отвечал я.

- Не тужи, старик! - успокоил он меня. - Завтра увидишь. Этот канал днём повторяет вечерние передачи. До одиннадцати часов утра там будет показан какой-то

фильм, а потом в двенадцать или в час дня ты встретишься с Ефремовым. Привет, дружище!

Я положил трубку и долго не мог придти в себя. Я мысленно благодарил Бога, что он сжалился надо мною, и мучительно, размышлял: неужели это случайность? Подумать только: я впервые посвящаю Никиту в свою работу. И он вдруг проявляет к ней интерес. Потом случайно находит сообщение о предстоящей демонстрации фильма. Называет канал и время, а я так непростительно упускаю эту редкую возможность. Но тут на горизонте вдруг появляется Коля Басов и зажигает в моей душе луч надежды. Не слишком ли много фактов для случайности?...

В приведенном выше отрывке из неопубликованного интервью, датированным 1970-м годом, Иван Антонович высказал предположение, что если наука и основанная на ней техника за ближайшие три десятилетия не сделает решительный поворот к решению социальных, моральных и экологических проблем, причём к решению скорому, то в конце двадцатого - начале двадцать первого века человечество будет ввергнуто в испытания, которые ему преподнесёт глобальная катастрофа.

О том, что помимо энциклопедических знаний и исключительной информированности он обладал даром предвидения, телезрителям поведал документальный фильм, который демонстрировал канал ТВ-3. Из просмотра его я тоже узнал немало нового. Начну с того, что родился Иван Антонович в Час Быка, в два часа ночи, а люди, появившиеся на свет в эту годину обладают даром предвидения. И вот, находясь после ранения в Очаковском госпитале, тринадцатилетний юноша предсказывает смерть Ленина в 1924 году. Простудившись во время плавания по зимнему Охотскому морю, молодой моряк видит картину наводнения, которое случится в Петрограде в 1923 году. Во время Астраханской экспедиции, в которую направил молодого палеонтолога академик Сушкин, Иван Антонович предсказывает открытие залежей полезных ископаемых в глубоководных океанских впадинах, о чём тогда ещё никто не подозревал в научном мире. После письма известному английскому геологу, который начисто отверг эту возможность, у Ивана Антоновича начались портиться отношения с властями и он решил, что, не имея возможности преломить косность науки таким путем, надо браться за перо. Вскоре публикуется его рассказ "Алмазная труба", где он высказывает мысль о наличии алмазов в Якутии. Мысль фантастическую по мнению официальной науки, которая считала, что алмазы можно лишь найти в кимберлитовых трубках Южной Африки. А в 1959 году в Якутии находят первые алмазы... По наводке Ефремова делают открытие генетики, Юрий Денисюк получает первую в мире голограмму, геологи находят в Озере Духов на Алтае ртуть.

- Вселенная с ним говорила - он умел слушать! - комментирует эти факты в телефильме палеонтолог Евгений Курочкин. - Ефремов видел и знал прошлое и на основании этого может заглянуть в будущее.

Не то слово - заглянуть. Предсказать! В 1943 году, находясь в Алма-Ате, Иван Антонович предсказал историческую военную операцию "Багратион", которая завершила освобождение территории СССР от фашистских захватчиков. Не по его ли наводке ученые недавно создали миниатюрный лечебный робот? В 1957 году выходит его книга "Туманность Андромеды", переведенная на 28 языков, которой зачитывались Королёв, Гагарин и все другие покорители космоса, а полвека спустя астрономы обнаруживают Великое Кольцо в Туманности Андромеды.

Тяжёлое и неблагодарное это дело наставлять и предупреждать. Свидетельством тому незавидные судьбы всех прорицателей и предсказателей, начиная с Кассандры. Не случайно, Иван Антонович как-то не без горечи сказал: лучше заглядывать в прошлое. Тогда мир был чище, а люди мудрее! И ещё о провидцах. В тот же день на этом же канале ТВ-3 я посмотрел второй телефильм "Чёрный паук" о предсказателе Реньо Ниро, жившем во Флоренции в XIV веке. Францисканский монах предсказал все главные события в мире на 700 лет вперёд. В 1972 году в монастырской стене случайно обнаружили замурованной его книгу "Оракул". Когда она была извлечена оттуда и прочитана, историков и учёных

поразила точность его предсказаний, касались ли они семьи Медичи, Данте Алигьери, пожара Москвы в 1365 году, революции 1917 года, кровавой диктатуры Сталина и Гитлера, атомной бомбардировки Японии. События, даты - совпадало все! В это трудно нам поверить, но это было и есть!

Возможно, кто-то из читателей этой книги упрекнёт меня в том, что я, собравшийся написать об Ефреме-Человеке, затронул тему призрака Апокалипсиса. Всё дело в том, что по моему твёрдому убеждению, настоящий Человек не может жить сегодняшним днём и быть безразличным ко дню завтрашнему - своему, человечества и Земли. Эту слабость себе могли позволить короли, политики и стяжатели, руководствующиеся в жизни лозунгом Короля-Солнца - после нас - хоть потоп! Именно поэтому бывший преподаватель Калужской гимназии Константин Эдуардович Циолковский в 1928 году издаёт книгу "Воля Вселенной" - раздумья о Вселенной и месте в ней Человека. Основатель космонавтики говорит о том, что ракета для него только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель. Вся суть - в переселении с Земли и в заселении космоса. "Космос породил не зло и заблуждение, а разум и счастье всего сущего". И человек будущего думает: какой тяжёлый путь прошла органическая жизнь Земли, сколько страданий претерпели её существа. Пройдя страдальческий путь эволюции и достигнув совершенства, человек обязан дать возможность разумным существам других планет избежать этих страданий.

Разве не об этом думал и Иван Антонович Ефремов, посылая с Земли своих героев на планету Торманс, жители которой живут в условиях гнёта жесточайшей диктатуры?!

Но, проявляя заботу о братьях по разуму в космосе, Иван Антонович не менее озабочен судьбою землян, своих современников и потомков. Он думает о построении справедливого, разумного общества человеческого братства на нашей планете, живущего в довольстве и изобилии, духовно богатого, интеллектуального и доброго, несущего знания, доброту и любовь братьям по разуму.

Однако, Иван Антонович хорошо знаком с силой и возможностями Стрел Аримана, того зла, что преследует людей на всём пути развития человечества и которое может привести его к трагическому концу. Что, по словам Игоря Росоховатского, вполне может случиться, если у всемогущего гомо сапиенса ум заедет за разум. Он же, как и Иван Антонович Ефремов, одной из самых губительных для развития человеческих тенденций, называет нарастание бездуховности, которая наблюдается по всем направлениям и в итоге ведёт к вырождению. Безделье, лень неизбежно приведут человека к пьянству, наркомании, разврату. Распушенность и аморальность лишь в сексуальной жизни, нарастая, просто-напросто приведут к тому, что человечество вымрет от неизлечимых болезней. И примером тому является СПИД - болезнь, о которой даже не знал Иван Антонович Ефремов, которой сегодня в мире болеет 30 миллионов человек и через каждые несколько лет число заболевших ею удваивается. А чего стоит разгул проституции, педофилии и гомосексуализма? В берлинском параде геев участвовало 400 тысяч человек, и в это в стране, где столетия тому фюрер отправлял гомиков в концлагеря, а своего соратника Рэма и три тысячи штурмовиков, причастных к этому греху, расстрелял.

В Аргентине, в Сан-Пауло, где проходил минувшим летом фестиваль геев, участвовало пять миллионов! Сегодня в церквах Лос-Анджелеса и Мюнхена венчают гомосексуалистов, но бракосочетающиеся должны сказать пастору, кто есть муж и кто жена. Уже один этот грех может привести человечество к исчезновению, даже если грешников не постигнет участь их предшественников из библейских Содомы и Гоморры.

Серьёзную опасность населению Земли представляют возможность ядерной войны, природные катаклизмы, загрязнение окружающей среды. Уже сегодня в Украине по данным экологов на квадратный километр площади приходится 43 тысячи тонн мусора. Выходит, мы сейчас живём на огромной свалке, а то ли ещё будет?.. Сегодня население США, составляющее 0,1 процента населения Земли, потребляет 40 процентов мировых энергоресурсов. Вещизм и сибаритство ведут к истощению природных ресурсов, вырубке

лесов, накоплению отходов. Российский академик Астафьев, первый вице-президент Международного университета глобальных проблем мироздания в конце XX века вывел формулу Создания, или, как он ее сам называет - Геном Мироздания. Согласно его теории, всё в этом мире - от одноклеточного создания до Вселенной - подчинено общим законам развития. Эти законы позволяют сохранить равновесие между всеми живыми системами.

Один из законов гласит: эволюционирующие сущности "вбирают" из окружающей среды лишь то количество энергии, которое необходимо для поддержания жизнедеятельности. Даже в химических реакциях любая молекула берёт ровно столько энергии /тепловой или световой/, сколько ей необходимо для этой реакции. Остальное достаётся другим молекулам. Такое бережливое отношение к энергоресурсам наблюдается в природе везде. Только человек жаждет иметь больше того, чем может переварить. Он - тот самый выродок, который пролез в общество эволюционирующих систем. Катастрофы, эпидемии, катаклизмы - попытка всех систем освободиться от выродков.

Возможно, научившись с помощью науки /и воспитания, прим. автора/, говорить с Богом, считает Астафьев, мы, наконец, начнём жить по законам молекул и галактик, станем тогда достойными того, чтобы нас впустили в "близкий круг" Творца.

Вероятно, при жизни Иван Антонович ещё не знал об открытии Астафьева, но жил он именно по этим законам. Довольствовался двухкомнатной квартирой, не обзаводился дорогими вещами, одевался скромно и питался простой пищей, здоровой и полезной. Единственное, в чём он позволял себе делать незапланированные расходы - книги. Именно книги он считал самым ценным имуществом, не машины, дома, драгоценности. Как Александр Сергеевич Пушкин, который, умирая, попросил поднести его к книжным полкам, чтобы попрощаться с друзьями - книгами. Поэтому Иван Антонович был бесконечно добр и щедр по отношению к людям, не жалея для них ничего - ни денег, ни времени, ни здоровья и даже книг!

Другим серьёзным аспектом нашего будущего является "конец света". Он беспокоит и тревожит сердца и умы людей на всех континентах. обстоятельно изучаются и горячо обсуждаются библейские пророчества, заветы тибетских мудрецов, летописи индейцев майя и папирусы древнего Египта, предсказания современных прорицателей и экстрасенсов, не говоря уже о средневековых и последующих веков пророках. Римляне правильно говорили: кто предупреждён - тот вооружён, но вся беда в том, что сегодня эта тема стала в средствах массовой информации своего рода развлечением, что может иметь для человечества пагубные последствия. Как считает ученый биолог Виталий Межжерин, "недооценка или неверное понимание процессов влечёт за собой выбор неверных стратегий и основанных на них действий. Абсурдная деятельность не может привести к порядку".

...Однако в последнее время все настойчивее прокладывает дорогу представление о том, что "природные" катастрофы - это всегда результат взаимодействия цивилизации с истинным Миром, т.е. с подлинной Природой. При этом становится понятно, что не природа "коварна и жестока", а человек, оказался балбесом. Взаимодействие же глупости с разумом не может дать разумных результатов, неизбежно возникнет абсурд". И с этим утверждением киевского учёного нельзя не согласиться.

В то же время, продолжая эту "болочую" тему, Виталий Межжерин обращает внимание на интересные разработки археолога И. Чмыхова, суть которых сводится к тому, что эпохи, которые человек выделяет в истории Земли, связаны неразрывно с природно-климатическими ситуациями, которые циклически меняются. Поэтому последние десять тысяч лет, которые в науке именуют голоцен, поделены на шесть послеледниковых эпох: мезолит, протонеолит, неолит, бронзовый век, раннежелезный век и современная эпоха. Каждый из них укладывается приблизительно в 15 веков, а точнее в 1596 лет. Новая эпоха всегда возникает в результате "кризиса старой". А на рубежах эпох происходили природные и общественные катаклизмы: резкие изменения климата, разрушение старых внутренних структур, внешних связей, а также социальные и межэтнические войны и

великие переселения народов /падение Римской империи, нашествие гуннов - прим. автора/.

Ивана Антоновича не могли не интересовать вопросы, касающиеся существования человечества и планеты. В одном из писем от него я обнаружил в конверте примерную диаграмму "возвышения" и "упадка" психических и физических сил /по данным Н.К.Р. 1937/. На листе формата А-4 две синусоиды: верхняя 1889-й - 1944-й годы; нижняя 1950-й - 2010-й. Полости возвышения и упадка синусоид заштрихованы цветными карандашами: верх - жёлтый, низ - красный с указанием дат пиков, "возвышения" и "упадка" психических и физических сил в природе - флоры, фауны и человека. Вершинами, т.е. максимумами являются те даты плюс три с половиной года /например $1939 + 3,5 = 1942,5$ года. Малые периоды "упадка" и "возвышения" повторяются через каждые 11 лет. Большие периоды чередуются через 111 лет. Числа 11 и 111 - священные.

Благодаря этой диаграмме я узнал, что в 1939 году произойдёт последняя битва и закончится эра "Кали-юга", а в 1944 -м начнётся эра Агни-юга, которая продлится 2160 лет. Ещё я узнал, что последняя битва "Змия" приходится на 1994-й год, а в 1999-м появится Всадник на белом коне - Майтрей, как я понял, буддийский Бодхисатва. Ещё я увидел, что годы "упадка" сил природы совпадают с годами повышенной активности Солнца, а годы "возвышения" - с годами так называемого "мирного солнца". И невольно возник вопрос, не способствует ли это "угнетение" сил природы появлению вспышек эпидемий и пандемий? Не потому ли в своём неопубликованном интервью /1970 г./ Иван Антонович высказывает убеждение, что между 1998-м и 2005-м годами может произойти катастрофа. "И появится в небе конь Белый и на нём всадник с мерою в руке. И исполнится мера...", как написал мне Иван Антонович в одном из писем. К счастью, этого не произошло, но призрак Апокалипсиса по-прежнему маячит на горизонте.

НАМ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ ДРУЖИТЬ С ЕФРЕМОВЫМ

Не каждому в жизни выпадает такое счастье, но Иван Антонович, щедрой души человек, одарил своей дружбой тысячи людей. И один из них - Аркадий Григорьев, переводчик и литератор, которого судьба свела в школьные годы с Иваном Антоновичем в Ленинграде. Свои воспоминания Григорьев опубликовал в журнале "Студенческий меридиан" № 9 за 2007 год. Я взял на себя смелость подробнее процитировать некоторые моменты воспоминаний, которые находят живой отклик в моей душе, поскольку мною овладевали при встречах с Иваном Антоновичем подобные же чувства.

"Главное - понять для себя, что значил этот человек в твоей судьбе и в том, как развивалась твоя жизнь.

Сейчас, когда я уже по возрасту старше Ивана Антоновича, мне понятно, что отношения между людьми строятся вовсе не по принципу сходства характеров, увлечений, отношения к жизни.

...Наверное, я был немного надоедлив, поскольку приходил довольно часто. Но на себе этого не чувствовал, поскольку Иван Антонович относился к тем, кто часто бывал в доме, исключительно внимательно. Мы говорили на разные темы, затрагивая прежде всего те, что интересовали меня. Но и Иван Антонович не оставался равнодушным к тому, о чём говорил я. Его живо интересовало, чем увлекалась молодёжь, чем жило студенчество.

...Иван Антонович был нещадным, но дружелюбным критиком. Он указывал на недостатки, но не подавлял, а поощрял, чтобы не отбить желания работать.

...Ещё одна страсть роднила меня с Иваном Антоновичем. Книги. Надо было видеть, с каким пиететом он снимал с полки или доставал из шкафчика, где хранились в основном художественные альбомы, то или иное сокровище... Какое это наслаждение - рыться в книгах, отыскивая нужный томик или альбом. Нынешнему поколению, которое получило в своё распоряжение Интернет, понять это трудно. Никакая электронная книга не может создать в тебе то особое расположение духа и мыслей, как шелест страниц, бег глаз по строчкам, запах бумаги и типографской краски".

Аркадий Григорьев признает, что Иван Антонович открыл для него поэта Максимилиана Волошина. Он и до этого читал стихи его в редчайшей книге "Антология поэзии XX века", которая хранилась в семейной библиотеке Григорьевых, но истинному знакомству с личностью этого великого поэта Аркадий Григорьев обязан Ивану Антоновичу.

Удивительное совпадение: знакомству с поэзией Максимилиана Волошина я тоже обязан Ивану Антоновичу, стихи которого он однажды прислал мне в толстом конверте по почте. Глубокая лирика, высокая гражданственность и дар предвидения - всё это сделало Волошина для меня близким и любимым поэтом. Я считаю, что читатели этой книги будут благодарны мне, как я и Григорьев благодарны Ивану Антоновичу, если я для многих из них "открою" Волошина, поместив несколько его стихов в конце книги.

"Не могу не отметить ещё одного благодеяния по отношению ко мне", - пишет далее Аркадий Григорьев. - Когда я женился, Иван Антонович подарил мне пишущую машинку "Оптима". Она на славу послужила - на ней печатались и перепечатывались переводы, как художественные, так и технические. Кроме того, на ней было перепечатано для себя и друзей несколько книг Солженицына. Машинке уже сорок лет, но она продолжает служить".

Кстати, о пишущей машинке. Примерно такая же история имела место и со мною. В 1964 году, когда наш теплоход "Сахалинлес" находился в польском порту Гданськ на гарантийном ремонте в "Сточне ремонтной", я подружился с коллегой-электриком Марекком. Узнав, что я учусь на заочном отделении журналистики в Дальневосточном университете, Марек решил мне подарить пишущую машинку чешского производства "Консул". Её ему вручили в качестве подарка, когда судостроители отмечали какое-то событие как передовику производства. Но машинка была с русским шрифтом и поляк не

нашел ей применения. Естественно, я был безмерно рад такому свалившемуся неожиданно на меня счастью. С благодарностью я принял от польского друга изящную кремовую сумочку, в которой была небольшая портативная машинка. И вот она уже без малого полвека верой и правдой служит мне. Она прошла со мною все пять океанов за время работы в Сахалинском пароходстве и в Арктике, на ней я напечатал сотни статей в газеты и журналы, три книги и сейчас печатаю эту, четвертую.

Аркадий Григорьев отмечает присущее Ивану Антоновичу тонкое чувство юмора. "Он любил посмеяться, и смех его был удивительно раскатистым и заразительным", - пишет он. Это уж точно! Очень образно он описывает, как однажды, во время чаепития в крохотной кухоньке, Таисия Иосифовна начала вслух читать отрывки из поваренной книги Елены Малоховец "Советы молодым хозяйкам". Так вот, над рецептами этой удивительной книги, которая, к сожалению, больше ни разу не попадалась мне на глаза, потешались и мы, тоже сидя на кухне. Но на этот раз рецепты читал по памяти Иван Антонович, а я их так жадно впитывал, что помню до сих пор.

"...Если к вам пришли гости, и вам нечем их угостить /знакомая в наши дни ситуация! - прим. автора/, спуститесь в погреб, возьмите несколько литров вина, колбасы, яиц и т.п." Далее следует подробный рецепт приготовления блюд и неожиданное резюме: "остатки можно отдать в людскую"! Другое блюдо начинается словами "возьмите сто яиц", далее следуют сливки, сахар, мука и проч. ингредиенты. Заключительная строка звучит так: "вкусной бывает исключительно редко"! Видать, не зря блюдо это названо "Капризная баба".

Верно пишет Аркадий Григорьев и о том, как бережно и любовно относился Иван Антонович к женщине. "Это видно на примере его жены Таисии Иосифовны. Он прекрасно понимал, что мир и счастье в семье прежде всего зависит от женщины, хранительницы семейного очага, хотя для многих это звучит тривиально. У него были свои понятия о женской красоте - он изложил их в своих романах.

Он обожал женский образ в искусстве - живописи, культуре, фотографии. В его спальне висела копия в натуральную величину центральной сцены картины "Фрина на празднике Посейдона". Позволю себе напомнить историю этой прекрасной греческой гетеры, служившей моделью для Праксителя и Апеллеса, именно она стала Афродитой Кносской. Апеллес создал для храма Асклепия в Кноссе изображение выходящей из моря Афродиты, идеально красивой женщины. Существует легенда /правда это или нет, неизвестно/, что обиженный Фриной оратор Евфей обвинил её в безбожии. Фрину защищал другой знаменитый оратор Гиперид. Не добившись оправдания, Гиперид раздел её перед судьями донага. Поражённые красотой женщины, судьи единогласно оправдали её".

Иван Антонович свои понятия о женской красоте не только излагал в своих романах. В конвертах писем, которые посылал он мне, часто находились фотоснимки из журналов, на которых я мог увидеть мировых кинозвезд, известных мне только по именам. Я храню их до сих пор.

Публикацию "Мне повезло с Ефремовым" Аркадий Григорьев заканчивает рассуждением о роли наставника в жизни каждого из нас, которое удивительно перекликается с моим задумом о написании этой книги.

"Сейчас, когда вспоминаю о нём, становится ясно, что я подсознательно выбрал его себе в наставники. Мне хотелось походить на него, и я старался это делать всю жизнь, хотя не всегда это получалось.

Давно пришёл к выводу, что любому молодому человеку, пока он не созрел окончательно, ищет путь в жизни, надо выбрать себе наставника, /не важно, знает ли кумир об этом и соглашается ли на наставничество/. От выбора в значительной мере зависит твоё будущее.

Окажется наставник мудрым и хорошим человеком, и твоя жизнь сложится хорошо, хотя и не без трудностей. Плохой же наставник собьёт тебя с истинного пути, и неизвестно, сумеешь ли ты выбраться из невзгод. Хотелось бы посоветовать тем, кто

вступает в жизнь, - поменьше самомнения, побольше размышлений и самокритики. Обязательный пример для подражания вовсе не обязывает вас идти тем же путём. У каждого своя стезя, а имитация чужой счастья не приносит".

Атмосфера добросердечности и доверчивости, созданная Иваном Антоновичем, позволяла собеседнику говорить с ним откровенно. Ни для кого не секрет, что в те годы советские люди старались думать одно, говорить другое, а делать третье. Беседуя с Иваном Антоновичем, я не раз касался "запретных" в те времена тем. Так, однажды, я спросил Ивана Антоновича, так захватывающе описывающего коммунистическое общество будущего, насколько реальна, дата 1980-й год, когда будет построен в нашей стране коммунизм, обещанный Никитой Хрущевым.

- Видимо, Хрущев что-то проглядел в учении Карла Маркса, который утверждал, что коммунизм в одно отдельно взятой стране строить можно, но построить нельзя. Поэтому сегодня идея построения коммунизма, есть ни что иное, как спекуляция на золотой мечте человечества.

В справедливости этих слов сегодня любой из нас может убедиться. После семидесяти лет борьбы за его построение, стоившими нашему народу неисчислимых жертв, мы получили "чёрный капитализм".

Как-то в разговоре я, молодой комсомолец, проговорился, что рос и воспитывался в религиозной семье. В этом Иван Антонович не узрел ничего плохого.

- Фрэнсису Бэкону принадлежат такие пророческие слова: атеизм - это тонкий лёд, по которому могут пробежать единицы, но весь народ ухнет в бездну, - сказал Иван Антонович. - У наших предков-славян религия была тем духовным стержнем, вокруг которого формировалась личность. Религия делала человека совестливым и богобоязненным, что руководило его поступками. Вспомните Десять заповедей Господних, которые так перекликаются с Кодексом строителя коммунизма.

Цыган вы знаете, можете дать оценку их порядочности и отзывчивости. Карты, гадание, конокрадство, мелкое воровство - их удел. А почему? Да потому, что это единственный народ в мире, который не имеет религии.

А теперь оглянемся на себя. Революцию делали рабочие и крестьяне. Да, их приобщили к атеизму - раз Бога нет, можно делать всё! Но в детстве они воспитывались в религиозных семьях и потому в глубине души у них сохранились страх и совесть. А вот посмотрите на их внуков и правнуков через два-три поколения. Они будут жить, ничего не боясь и никого не стесняясь. У них останется человеческий внешний облик, они будут сладко говорить, много обещать - и ничего для вас не делать. Страшное наступит время!

И вот слова пророка Ефремова, к сожалению, сбылись....

СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ ОЧЕНЬ НЕЛЕГКО

Как я уже писал в предыдущей главе, российский академик Астафьев открыл Закон разумной достаточности, когда, во время химической или ядерной реакции ни одна молекула не берёт атомов и энергии больше, чем требуется их для реакции. Ни один хомяк не заготавливает на зиму больше зерна, чем ему требуется. А вот человеку всего мало. Построил дом, приобрету себе ещё один или два. Имеет одну машину - приобретает ещё несколько. А всё это делается за счет другого, отчего возникают конфликты, революции и войны.

Сегодня мы живём в обществе, подчиняющемся бесчеловечному закону "Человек человеку волк". И люди звереют на глазах. Они становятся бесчувственными, злыми, жадными и жестокими. Они ставят превыше всех ценностей выгоду и поклоняются её величеству Мамоне, совершенно не думая о том, что в гробу карманов нет и всё останется людям. Они забывают и начисто отбрасывают такие моральные ценности, как доброта, отзывчивость, сочувствие, честь и достоинство, т.е. те категории, которые отличают человека от хищного зверя. И прав был поэт, сказавший, что "легко стать зверем, стать Человеком очень нелегко". Правда, к некоторым из них иногда приходит прозрение, но, как правило, запоздалое. Оно наступает, когда приходит беда, т.е. слишком поздно.

Может ли каждый из нас избежать опасности попасть в нелюдь? Безусловно! Если родители с детства прививают ребёнку любовь к ближнему, доброту, человеколюбие. Если в этом направлении движет им школа, общество, искусство. А если этого нет? Тогда этнос пополняется манкуртами, и обман, воровство, моральная и сексуальная распущенность становятся нормой бытия для них.

Мало кому удаётся в жизни открыть для себя маяк, который укажет путь к благородной цели и подарит возможность обрести себе на земле ангела-хранителя. Но у любого человека имеется возможность и доступ к Книге, которая обладает поистине волшебной силой. Она просветит разум, укрепит волю, очистит душу от злых, тёмных сил, предоставит возможность осознанно изменить свою жизнь. Именно такой магической силой обладают книги Ивана Антоновича Ефремова. Они учат нас добру и простоте, помогают постигнуть истинную красоту, любить природу и свою планету.

К сожалению, сегодня число книголюбов резко сократилось. Молодёжь льнет к экранам телевизоров и компьютеров, откуда на них обрушивается вал жестокости, убийств, мошенничества, порнографии. А каков результат подобной обработки молодёжи я недавно имел возможность убедиться, беседа в подъезде дома с семнадцатилетним пареньком.

- Какие у тебя идеалы, Серёжа? - спросил я.

- У меня три идеала: "баксы", кайф и телки! - ответил он, затягиваясь табачным дымом.

- "Баксы"-доллары надо заработать или украсть, а тогда тебе светит тюрьма. Кайф неизбежно приведет к тяжёлым наркотикам, а телки наградят тебя СПИДом, по росту заболевания которым наша страна вышла на первое место в мире. Я построил домик, вырастил сад, воспитал и выучил дочь, которая скоро будет защищать докторскую диссертацию. Написал три книги и сейчас работаю над четвёртой, а что ты оставишь после себя, парень?

- Ну, и фиг с ним, я живу один раз!

С этими словами паренёк бросил непотушенный окурок в угол подъезда, и, не попрощавшись, вышел на улицу. С того дня он со мною не здоровается. Очевидно, я поколебал его мировоззрения фундамент и внёс сумятицу в его душу. Хочется верить, что моя книга все-таки дойдёт до таких ребят, как Серёжа, заставит их одуматься, опомниться и выбрать в жизни более достойные идеалы. Но для этого ему ещё придётся прочесть книги самого Ивана Антоновича - "На краю Ойкумены", "Туманность Андромеды", "Час Быка", "Лезвие Бритвы", "Таис Афинская". А мой долг - написать о самом авторе, ибо

познание личности писателя происходит главным образом, не столько через книги, как через воспоминания современников, его переписку.

В моей домашней библиотеке имеется книга Петра Константиновича Чудинова, коллеги Ивана Антоновича и старого друга. Он подробно описал достижения Ефремова в области палеонтологии и геологии, а в шестой главе, озаглавленной "Человек, мыслитель, друг", сообщил немало интересных фактов об Ефреме-Человеке. Прочитав некоторые из них.

"Природа щедро одарила Ефремова. Он был красив строгой мужской красотой. Не был суетлив, не делал лишних движений, никогда не спешил. Ходил легко и бесшумно. В его облике было нечто особенное, заставлявшее внимательных встречных прохожих смотреть вслед. В нём как бы воплотился лондонский "великолепный экземпляр человеческой породы". Однако в сочетании этих чисто внешних данных с чертами характера, интеллектуальной и человеческой сущностью он более представлялся олицетворением чеховского идеального образа.

Иван Антонович умел радоваться: жизни, хорошей книге, интересной находке, веселой шутке своей или чужой, любил розыгрыши, заразительно смеялся, иногда до слёз, до изнеможения.

И.А. Ефремов не терпел беспорядка. Каждая книга и вещь имели свое постоянное и привычное место....

Иван Антонович был добрым, отзывчивым, иногда слишком доверчивым, отличался редкой прямоотой, обязательностью, требовательностью к себе, не шёл на сделки с совестью. Перспективы получения благ не могли влиять на изменение его взглядов. Это вызывало уважение окружающих. Порой И.А. Ефремов был горяч и даже скор на расправу, но отходчив и приносил извинения, если был неправ. Предугадать его реакцию и поведение в некоторых ситуациях не составляло труда. Иногда этим пользовались в неблагоприятных целях, добивались, например, излишней категоричности суждений, чтобы иметь возможность выставить Ефремова в невыгодном свете, человеком необъективным и невыдержанным.

И.А. Ефремов как личность незаурядная с прямым характером и независимостью суждений имел недоброжелателей.

Как у многих талантливых людей, на пути И.А. Ефремова встречались шипы и тернии...

Есть люди, авторитет которых не требует доказательств, чинов или званий. Они "автоматически" вызывают чувство доверия. Так мы верим Ефремову - человеку и писателю. В этом, вероятно, также одна из особенностей его личности и творчества. Ефремовские убежденность и оптимизм - результат многих составляющих - переходит к читателю. Диалектическая глубинность его философии, его прогнозы усиливают эту веру. Именно отсюда вытекают реальные предпосылки длительного и непреходящего значения его творчества и неослабевающий интерес читателя.

Непосредственное общение с И.А. Ефремовым оставляло неизгладимое впечатление. Обаяние, искренний интерес и благожелательность к собеседнику делали Ефремова своего рода магнитом. В его очень скромной квартире всегда был народ самих различных профессий и увлечений. Люди считали счастьем увидеть и услышать Ефремова, позвать ему руку. Раз возникнув, контакты поддерживались обычно многие годы, а знакомство и беседы с Ефремовым и его книги нередко оставались путеводной звездой на всю жизнь. В равной степени это касалось и учёных. Ещё и сейчас поклонники его таланта изыскивают малейшую возможность посетить квартиру, постоять в кабинете, прикоснуться к письменному столу /всё сохранено, как было при жизни И.А. Ефремова/, окинуть взглядом ряды книжных полок. Впечатление и воздействие на посетителя можно определить одним словом: благоговение...

Хорошим дополнением к раскрытию личности и характера И.А. Ефремова служит анкета, которую он заполнил в числе других учёных и писателей в 60-е годы.

Из полусотни вопросов анкеты, приведенной в книге П.К. Чудинова, я выделил несколько:

1. Ваше любимое занятие - Чтение; 17. Ваша отличительная черта - Обязательность, мечтательность. 10. Что может Вас рассердить - Ложь, лицемерие, хамство, жестокость, трусость. 19. Ваша антипатия - Клевета. 20. Ваше представление о счастье и несчастье - Любимый человек, любимое дело, здоровье, возможность труда, в путешествии хорошие книги. Несчастье - нездоровье, нелюбимый труд, утрата близких. 21. Недостаток, который Вы скорее всего склонны извинить - Глупость. 22. Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение - Злоба, жестокость 31. Какую общую черту характера Вы больше всего цените в людях - Доброту. 32. Какую общую черту характера женщины и мужчины Вы больше всего цените - доблесть в мужчине и достоинство в женщине. 35. Каким Вы представляете себе человека будущего - Написал в своих романах. 45. Что бы Вы сделали в первую очередь, если бы в руках оказалась "Лампа Алладина"? - Уничтожил бы всё вооружение. 40. Вы лирик или физик - Ни то, ни сё. 47. Вы оптимист или пессимист - Посредине.

Далее П. К. Чудинов рассказывает о дружбе и длительной переписке Ивана Антоновича Ефремова с американским палеонтологом, профессором Калифорнийского университета Э.К. Олсоном, который искренне привязался к Ивану Антоновичу во время своих пяти посещений СССР. Письма его к Ивану Антоновичу полны добрых слов, дани восхищений и глубочайшего уважения в адрес Ефремова. Вот как отзывался американский коллега о своём русском друге:

"То, что профессор Иван Антонович Ефремов был выдающимся учёным и писателем, едва ли нуждается в комментариях. Для меня профессор Ефремов означал большее. Он был моим другом, советчиком, а иногда и строгим критиком... Его лукавый юмор был неистощим, встречи привели к тонкому взаимопониманию, которое с годами усилилось, и мы лучше узнали друг друга. Из-под покрова его юмора постепенно выявлялось глубокое чувство чести и справедливости, вытекающее из его характера. Однажды он с юмором заметил мне, что его заикание на английском языке является результатом недостаточно близкого разрыва снаряда с британской канонерки.

Его философия, ставшая для меня ясной, была в скрытой силе этого человека, который казался иногда загадочным представителем своего общества.

Его щепетильность, а иногда резкие на вид критические замечания проистекали из его приверженности к строгой объективности. При этом его похвалы, как и критика, были всегда дружественными.

Тесное взаимопонимание ещё более усилилось, когда наши семьи познакомились при нескольких посещениях Советского Союза. Мы провели вместе много часов, обсуждая глубины путей нашей жизни, наши стремления и опасения, пытаясь представить действительность и её трудности в виде доступной пониманию системы.

Этот человек, профессор Ефремов, был редкой личностью, которая, казалось, не чувствовала границ пространства и времени. Дома он был среди звёзд или в открытом океане, далеко от берегов Западной Африки, или в катаклизмах далёких геологических эпох или в несуществующих зонах мира антиматерии.

Его диалектические изыскания проникали в далёкое прошлое человеческой истории".

Иван Антонович гармонично сбалансировал чувства и разум, свободу и дисциплину. Он любил, ценил и берёг природу, не боялся трудностей и поклонялся красоте. Он был камертоном искренности и нравственности, свободы и достоинства Человека. Я убеждён, что такого человека надо сохранить в памяти поколения. Он должен послужить образцом, поделиться своим нажитым опытом и научить всех нас как следует прожить жизнь, чтобы оправдать своё существование на этой земле и заслужить добрую память о себе. К нему смело можно отнести слова, сказанные о далёкой звезде: она уже погасла, но лучи её все ещё идут к нам сквозь пространство и время. И несут надежду!

"СПАСИБО ТЕБЕ, ДАР ВЕТЕР..."

Иван Антонович покинул этот мир в 1972-м году, но интерес к его творчеству и к нему как Личности, не ослабевает. Несмотря на заполненность книжного рынка в наши дни, его книги пользуются большим спросом. Значит, он продолжает жить с нами и среди нас. Спасибо тебе, Дар Ветер!

Именно так назвал свою статью в "Литературной газете" ленинградец Александр Шалимов, посвятив ее 80-летию со дня рождения Ивана Антоновича Ефремова. В нём было что-то от Дар Ветра - его любимого героя, так объясняет заголовок своей статьи, которую частично я позволю себе процитировать, заканчивая книгу об этом Человеке.

"Достоверность, естественно сочетаемая с глубиной философских и эстетических раздумий с осязаемостью научно-фантастических моделей - не в этом ли ключ читательского интереса ко всему написанному Ефремовым? А ещё это ключ - в оптимизме социальных концепций, неистребимой вере в Человека, в то лучшее, что заложено в нем природой и упрочнено эволюцией, в убежденности философа-материалиста Ефремова, что гуманизм преодолевает жестокость, разум восторжествует над безумием.

Истоки непоколебимой веры И.Ефремова во всеилии человеческого разума - в его же собственном опыте учёного-палеонтолога, посвятившего десятилетия изучению закономерностей и целесообразности самой жизни. И мы верим ему, когда он приоткрывает на страницах своих книг завесу грядущего и мудро устроенной жизни в эру Великого Кольца разума. Верим, что люди Земли справятся с невзгодами, трудностями и опасностями на своём пути. Ефремов показал на своих ювелирно отработанных моделях не только коммунистическое завтра Великого Кольца разума, но и социальный тупик тирании. Разве не возникли совсем недавно и не продолжают возникать на нашей планете жестокие сумерки "Часа Быка", длящиеся годами и десятилетиями? Фашизм, человеконенавистничество, расизм...

Он, конечно, был немного Дар Ветром среди нас... Не только потому, что приподнял завесу над прекрасной эпохой Дар Ветра, и уже совсем не потому, что сознательно или бессознательно сделал Дар Ветра похожим на себя. Главное заключается в том, что он сам обладал многими из тех качеств, которые хотел видеть в людях, теми прекрасными, подлинно человеческими качествами, которыми так щедро наделил своих героев. Это находило выражение в его удивительном обаянии, часто скрываемом за внешней суровостью, в бескомпромиссной честности и прямоте по отношению к окружающим, и по отношению к самому себе. Как Дар Ветер, он ценил в людях прямоту и отвагу, не выносил лицемерия и лжи, как все люди эпохи Великого Кольца, был откровенен, доброжелателен, мудр и, как они, поклонялся красоте - красоте тела, разума, природы.

Когда в редкие свободные минуты я даю волю фантазии, я иногда думаю об авторе "Туманности Андромеды" как ... о пришельце из нашего будущего. А что, если?... Может, действительно заведующий внешними станциями Земли Дар Ветер договорился в Академий пределов знания и... побывал у нас? Прибыл он с некоторым опережением, чтобы "акклиматизироваться" до начала самых важных событий, потом прошёл вместе с нами по дорогам революции и первого строительства; немного позднее - в очень трудное время - чуть-чуть намекнул, откуда он и что знает, подсказал учёным несколько идей, реализация которых, с его точки зрения, запаздывала, и тихо и незаметно удалился... К себе в своё настоящее...

Думаете, шутка, литературный приём? Быть может... И всё-таки, когда думаю об этом, мне начинает казаться, что думаю вполне серьезно... И тогда хочется добавить:

- Спасибо... Спасибо тебе, Дар Ветер...

Александр Шалимов.

Ленинград".

Хорошо сказано. От себя же хочу добавить: Иван Антонович Ефремов не умер - он шагнул в бессмертие. Правда, с его уходом мир для всех нас - его поклонников - как бы опустел, но память о нём будет жить вечно.

**Борис УСТИМЕНКО,
14 января 2010 года, г. Белгород-Днестровский.**

В заключение порадую читателей стихами Максимилиана Волошина и Редьярда Киплинга. С ними познакомил меня Иван Антонович. Присланные стихи так понравились мне, что я выучил их наизусть и часто повторяю по сей день. А "Заповедь" Р.Киплинга стала моим Моральным Кодексом и, надеюсь, окажет немалую пользу многим читателям.

ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленых известкой,
Вздыхает ветер, живет глухой раскат
Волны, вздымающей на берег плоский,
Польнный дух и жёсткий треск цикад.
А за окном расплавленное море
Горит парчей в лазоревом просторе,
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчат вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций -
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окаем
Замкнул залив Алкеевым стихом
Ассиметрично - строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там - за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
/Мой лоб, мой нос, ощёчьё и подлобье/.
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костёр,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встаёт стена... Но сказ о Карадаге,
Ни выцветить ни кистью на бумаге,
Ни высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань.
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклёпаны клокочущие пасти,
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогами страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и смене поколений.
Доселе грезят берега мои
Смолёные ахейские ладьи,
И мертвых кличет голос Одиссея,

И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками
В одно русло дождями сметены
И грубые обжитки неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то прошлых рас,
Чей облик стёрт и имя позабыто.
Сарматские меч и скифская стрела,
Татарский глет зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата,
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата.
Здесь в этих складках моря и земли
Людских культур не просыхала плесень
Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы - Россия - не пришли.
За полтораста лет - с Екатерины -
Мы вытоптали мусульманский рай,
Смели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады,
Народ ушел. Источники иссякли.
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идёт к холмам Гомеровой страны
И патетически обнажены
Ее хребты, и мускулы, и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью налились
В недавние трагические годы.
Усобица, и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний ужас подняли со дна.
В те дни мой дом - слепой и запустелый -
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер -
Фанатики непримиримых вер -
Искали здесь, под кровлею поэта
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать

Себя губить, друг друга истреблять.
И сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дня доносов и тревог
Счастливым жребий дом мой не оставил.
Ни власть не отняла, ни враг не сжёг,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря, догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар,
Нечаянный, мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлён тобою,
Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь её течёт, не иссякая.
Войди мой гость: стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров убог. И времена суровы,
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шёпот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть.
Почётней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я - мы все имели честь
"Мир посетить в минуты роковые"
И став грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России.
Я в эти дни немой её укор,
Я сам избрал пустынный мой затвор
Землёю добровольно изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи вынянчить свой дух
И выстрадать великое познание,
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли
Так минет всё - Европа и Россия.
Гражданских смут горячая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводах иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля извечно те же.
Поэтому живи текущим днём.
Благослови свой синий окаем,
Будь прост, как ветер, неистошим, как море
И памятью насыщен, как земля.

Люби далёкий парус корабля
И плески волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Максимиллиан ВОЛОШИН, Коктебель. /1878-1932/.

ЗАПОВЕДЬ

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не нисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.
Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься, тих, когда твоё же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.
Умей поставить, в радостной надежде,
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело,
И только Воля говорит: "Иди! "
Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и твёрд с врагами и с друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, -
Тогда весь мир ты примежь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Редьярд Киплинг.

МОЯ СЕРДЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Непросто написать книгу, еще труднее ее издать. Несомненно, что не будь у меня столько верных друзей и столько добрых людей, книга эта вряд ли увидела свет и сегодня оказалась бы в Ваших руках, уважаемые читатели. Я сердечно благодарен Валерию Яковлевичу Тимофееву, генерал-есаулу, Атаману Заднепровского казачества, который приложил поистине героические усилия, чтобы подготовить рукопись к печати.

Я до глубины души тронут добротой и щедростью тех друзей и неизвестных мне людей, которые в наше нелегкое время нашли возможность оказать материальную помощь, чтобы оплатить расходы на издание, которые превыше моих скромных возможностей. Пусть же читатели будут также, как и я, благодарны Вам. Назову всех поименно:

Баранов Иван Георгиевич
Голобородько Виктор Иванович
Скубицкий Иван Корнеевич
Иваськов Григорий Николаевич
Гончар Василий Антонович
Барвиненко Иван Лукич
Гальцев Павел Созонтьевич
Чикликчи Георгий Гаврилович
Упалюк Виктор Станиславович
Аблов Валерий Федорович
Саламаха Василий Дмитриевич
Комаров Василий Константинович
Шайтан Юрий Романович
Попа Леонид Минович
Кофов Георгий Эммануилович
Попов Иван Дмитриевич
Габрись Василий Сергеевич
Коломийченко Олег Константинович
Статиров Никита Никитович
Качанов Пантелей Пантелеевич
Панченко Николай Емельянович
Литостанский Виктор Евгеньевич
Добровольский Борис Григорьевич
Устименко Михаил Иванович
Устименко Анатолий Иванович
Иванов Сергей Викторович
Кошульская Ольга Ивановна
Римский Григорий Михайлович
Торбинский Анатолий Григорьевич
Окорокова Светлана Николаевна
Нику Михаил Лукич
Лысая Галина Пантелеевна
Чернев Виктор Дмитриевич
Димов Петр Петрович
Воливач Юрий Иванович
Новосельский Владимир Григорьевич
Разумей Николай Григорьевич
Лавришин Владимир Васильевич
Янцеловский Геннадий Владиславович

Топор Иван Иванович
Марченко Александра Афанасьевна
Лисецкий Федор Иванович
Клименко Галина Ивановна
Маковский Сергей Федорович
Димова Алла Александровна
Кондрашова Елена Витальевна
Давид Евгений Михайлович
Мойсеев Игорь Анатольевич
Гейченко Людмила Николаевна
Саморок Надежда Алексеевна
Недашковский Юрий Петрович
Вторушин Николай Григорьевич
Матюхин Владимир Иванович
Братинов Игнат Васильевич
Кусков Виктор Иванович
Димов Иван Степанович
Быков Анатолий Андреевич
Михайличенко Александр Григорьевич
Скряга Владимир Ильич
Желясков Степан Иванович
Калиниченко Эдуард Лукич
Костюченко Александр Николаевич
Паерель Валентин Зиновьевич
Слынько Петр Петрович
Ватаманюк Иван Дмитриевич
Кириллов Иван Георгиевич
Коваль Дмитрий Михайлович

Я благодарен также за коллективную поддержку коллегам-журналистам редакций газет "Татарбунарський вестник", "Советское Приднестровье", "Торнадо", "Чорноморські новини", "Правда Украины" и медикам Белгород-Днестровской городской стоматологической поликлиники.

Борис Устименко.